

Серебряков Ф. Ф.

**ФИЛОСОФСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ В
КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ**

***УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ ПО КУРСУ «ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ В
КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ».***

КАЗАНЬ - 2009

РАБОТА ПУБЛИКУЕТСЯ ПО РЕКОМЕНДАЦИИ УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЙ КОМИССИИ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА.

КГУ. Протокол № 2 от 18 марта 2009 г.

Учебное пособие является первым общим («сквозным») обзором философского образования, связанного с историей кафедры философии Казанского университета, и обзорением деятельности её главнейших представителей в период от основания университета и до начала советского периода отечественной истории. В пособии представлен очерк истории кафедры философии, показаны разные стороны философского образования и преподавания философии за этот период, а также дано обозрение деятельности главнейших представителей кафедры.

Учебное пособие построено в соответствии с УМК по данному курсу и предназначено, в первую очередь, для студентов КГУ, его изучающих.

Пособие может представлять также интерес для всех тех, кто не равнодушен к истории Казанского университета, в частности к той стороне её, которая обозначена в названии пособия.

Содержание.

Вместо введения: Учебный курс «Философская мысль в Казанском университете»: предмет, задачи, цель и темы.....	4-8
1. Краткий очерк истории кафедры философии.....	8- 17
2. Философское образование (университетская философия): курсы, программы, пособия.....	17-39
3. « Герои мыслящего разума»: преподаватели по кафедре философии, их судьба и творчество; философия за пределами кафедры философии.....	39- 97
4. Литература.....	97- 102
5. Тест по спецкурсу.....	102-109
6. Темы рефератов по смежным вопросам курса.....	109-110
Приложение 1. Преподаватели по кафедре философии (1804 - 1921г.г.).....	110-114
Приложение 2. Основные труды преподавателей по кафедре философии Казанского университета, имеющиеся в фонде Научной библиотеки КГУ.	115-123
Приложение 3. Из работы Е. А. Боброва «Преподавание философии в университетах» (с комментарием).....	124-139
Комментарий к работе Е. А. Боброва.....	139-145
Приложение 4. А. Д. Гуляев. «Программа по истории древней философии».....	145-152

Вместо введения: Учебный курс (спецкурс) «Философская мысль в Казанском университете»: предмет, задачи, цель и темы.

Спецкурс «Философская мысль в Казанском университете» читается на философском факультете университета (отделении философии) и на отделении социологии факультета журналистики и социологии. Читается один семестр на старших курсах (на отделении философии - на пятом курсе в осенний семестр). Хронологически он охватывает *период от основания университета и до закрытия историко-филологического факультета (1921 г.), в состав которого кафедра философии входила с 1863 года.*

Учебный план предусматривают лекции, самостоятельную работу студентов и практические (семинарские) занятия. Последние представляют собой устное выступление (защиту) всеми студентами группы поочередно по материалам проведённого предварительно (во время самостоятельных занятий) письменного анализа и комментирования одной или нескольких философских работ преподавателей по кафедре философии и обсуждение этого выступления остальными студентами группы.

Работы для анализа и комментирования выбираются студентами самостоятельно или по рекомендации преподавателя (список основных трудов преподавателей по кафедре философии, имеющих в Научной библиотеке КГУ, приведён в Приложении 2 к настоящему пособию). Предусматривается в качестве практических занятий (и зачётного испытания) также написание реферата по творчеству одного из преподавателей по кафедре философии (см. Приложение 1) на основе нескольких его работ и соответствующей о нём литературы.

Предметом спецкурса являются становление, функционирование и развитие философского образования (преподавания философских дисциплин) и философской подготовки, а также развитие, характер и

формы проявления философской мысли, творчества в Казанском университете (и Казани) в указанный период.

Вполне понятно, что, хотя определенное философское приготовление (знакомство) в той или иной мере с историей философии и введение в практику философской рефлексии происходило и за пределами кафедры философии (в преподавании гуманитарных и естественнонаучных дисциплин); хотя кафедра философии не была единственным каналом проникновения философии, философских традиций и философских учений в университет; хотя, наконец, домом философской мысли в университете (и в Казани) была не только кафедра философии, но именно с ней, в первую очередь, связано философское образование и философская подготовка в университете, становление и развитие философских учебных дисциплин, вхождение представителей казанского академического сообщества в пространство и лабиринты российской и европейской философии. История кафедры философии (*за названный период*), судьбы её преподавателей, профессоров, приват-доцентов и адъюнктов, философия как учебная дисциплина и философская мысль, как она нашла выражение в творчестве преподавателей кафедры, педагогическом, профессиональном (научном) и просветительско-культурном, занимают преимущественное место в содержании учебного курса «Философская мысль в Казанском университете».

Целью спецкурса являются:

1. Основанное на источниках и широком круге литературы ознакомление с возникновением, становлением и развитием философского образования в Казанском университете, историей кафедры философии.

2. Ознакомление с жизнью, научным (философским), культурным и педагогическим творчеством виднейших представителей кафедры философии за первые более чем сто лет её существования; обнажение связи их философской работы с традициями отечественной философии и мировой философской мысли.

3. Выявление основных каналов и форм проникновения философских влияний и традиций в Казанский университет и казанское образованное общество; формирование представлений о формах бытия философской мысли и философской образованности в Казани и Казанском университете за пределами кафедры философии.

Названные цели определяют и характер *задач*, возникающих в ходе занятий по курсу. Они следующие:

- Изложение общей истории философского образования в университете и истории кафедры философии;
- Ознакомление студентов с расписанием и программами занятий по философским дисциплинам, с учебными пособиями;
- Получение студентами представления о рекомендуемой в это время для занятий «руководствами», литературой и о ходе учёбы по философским дисциплинам.

Всё это даёт возможность студентам сопоставить современный ход учёбы с тогдашним, получить представление о соответствующих уровнях образования, поразмышлять об этом, сделать самокритичные выводы.

Далее. Ознакомление с жизнью и творчеством преподавателей по кафедре философии предоставляет конкретную возможность получить более ясное и осмысленное представление о «палитре» философии в России. Представление (знание) не только о «видных русских философах», чьё творчество получило освещение в разного рода учебниках и пособиях по истории философии, но и о тех подвижниках «любомудрия», которые не сподобились попасть в эти пособия, но чья философская образованность, исследовательская пытливость и интуиция, честное и добросовестное служение на ниве образования и культуры не менее заслуживают того, чтобы о них, по крайней мере, говорить в этих пособиях.

Возможность достижения этого, однако, требует (и это одна из задач курса) того, чтобы студенты ознакомились с творчеством казанских

философов непосредственно по их трудам, которые достаточно полно представлены в фонде библиотеки КГУ (см. Приложение 2), дали их анализ, составили комментарии к ним или написали реферат об их творчестве (на основе нескольких разноплановых сочинений философов). Подобная метода позволяет решить ещё одну задачу: у студентов закрепляются исследовательские навыки, умение анализировать и комментировать текст. Причём, в работе с данным материалом (текстами казанских философов, ранее им, чаще всего, неизвестным вовсе) студентам психологически легче провести самостоятельно и «безоглядно» такой анализ, чем при работе с текстами «великих», чей авторитет и, ещё более, хрестоматийные, «общепризнанные» и «неоспоримые» «научные» взгляды о последних, сковывают их, заставляют осторожничать, выглядеть «на уровне».

Цели и задачи курса предопределили и *темы*, в рамках которых можно было бы раскрыть содержание его. Они следующие:

- История кафедры философии и философского образования в Казанском университете за указанный период;
- Философское образование (университетская философия): лекции, семинары, пособия;
- «Герои мыслящего разума»: преподаватели по кафедре философии, их судьба и творчество;
- Философская мысль за пределами университетской кафедры философии.

К пособию прилагаются приложения, в третьем из которых с некоторыми купюрами приводится работа Е. А. Боброва «Преподавание философии в университетах», дающая полученное «из первых уст» яркое и достаточно полное представление о разных сторонах университетского философского образования (преподавания и учёбы) в дореволюционной России. Сведения, полученные из этой работы профессора Казанского университета, его наблюдения, скопившиеся за много лет

преподавательской деятельности в трёх российских университетах, его размышления над предметом, занимавшим ум философа долгие годы – преподавание философии - весьма поучительны. Они позволяют провести сравнительный анализ сегодняшнего и тогдашнего состояния образования вообще, философского в частности, и в особенности, увидеть проблемы, «старые» или новые, задуматься о приобретённом или потерянном. Наконец, поучиться.

Задачей данного пособия являются акцентирование внимания на некоторых важных моментах проблематики темы; разъяснение их значения и места в раскрытии содержания курса, в развернутом виде представленного в лекционном материале, а тем самым - изложение общего плана и логики курса.

Кроме того, пособие даёт возможность (тест и контрольные вопросы) для проверки степени усвоения фактического материала; в нём приведён список почти всех трудов преподавателей по кафедре философии, имеющих в Научной библиотеке КГУ, которые и должны стать материалом для самостоятельной практической (и зачётной) работы студентов (Приложение 2). Ту же, в числе прочего, цель - получить «сквозное» представление о истории кафедры философии - преследует и Приложение 1, в котором приведён список преподавателей по кафедре философии с 1804 г. по 1921 г. В Приложении 4 (с незначительными купюрами) в качестве образца университетских учебных программ начала XX века приводится «Программа по древней философии» (античной), составленная приват-доцентом по кафедре философии Гуляевым А. Д.

1. История кафедры философии в кратком изложении¹.

¹ Подробнее см.: История экономической и философской мысли в Казанском университете. – Казань: Изд. Казан. ун-та, 2003. - Гл V.

Кафедра умозрительной и практической философии (таково первое название кафедры философии Казанского университета) была учреждена сразу, «по плану», и с самого начала, с первых месяцев формального открытия университета, не была вакантной, в отличие от многих других кафедр (их должно было быть 28). Правда, философия (метафизика) не была совсем уж новостью в учебных заведениях Казани. Так, первый преподаватель по кафедре, её первый «заведующий» Лев Семенович Левицкий (набран в штат университета в январе 1805 года) - выпускник духовной семинарии и Московского университета, - был переведен на эту должность из Казанской гимназии, где как раз читал логику и метафизику.

Эти дисциплины, наряду с психологией, были традиционными «обществоведческими» курсами в учебных заведениях Империи, в том числе и в высших. Но об этом можно было бы и не упоминать (имея в виду семинарию) – настолько это было не серьезно²: сова Минервы и вправду до сих пор не ночевала в этих краях.

Первоначально кафедра находилась в составе отделения нравственных и политических наук (а их было четыре во вновь учреждённом университете), в будущем - юридического факультета. Философия (в составе логики, метафизики, психологии, истории философских систем) входила в число наук «приготовительных» (в отличие от «специальных»), которым *«необходимо должны учиться все..., какой бы род жизни и какую службу не избрали»*, как было сказано в § 109 Устава 1804 года. И далее: *«Только тот может перейти в главное отделение наук, соответствующих будущему состоянию, кто прослушал науки приготовительные»*.

² К тому же тем, кто желает получить представление об учебном процессе и о жизни в духовных учебных заведениях Империи (в семинариях, по крайней мере), посоветовал бы прочитать «Очерки бурсы» Н. Помяловского, который сам прошел путь на Голгофу этого «образования». Не говоря уже о том, что рано умерший Помяловский обещал быть великолепным русским писателем, – его слова сочны, характеристики- описания осязаемо-зримы, не только оживляют «эйдос», «идею» персонажа, но и

Как до фактического открытия университета (в 1814 году), так и после этого кафедра (как и Университет в целом) пережила очень не простые времена. Было всё: неприятие и непонимание со стороны «образованного» общества – местное дворянство желало видеть в университете только преподавание «наук воинских»;³ организационная неразбериха, неустроенность, жизнь на «птичьих правах»; отсутствие необходимых пособий, учебников, книг и всяких связей с культурными и образовательными центрами;⁴ катастрофическая нехватка преподавателей⁵ (часто - особенно в первые годы - один профессор замещал собой всю кафедру, а то и целый факультет); слабая подготовленность и отечественных преподавателей⁶, и студентов, которым (студентам) приходилось слушать лекции, главным образом, либо на немецком языке, либо на латинском; интриги, лакейство, зависть; отсутствие опыта, умения, «случайное» преподавание и почти сплошь семинарское (что касается философии, по крайней мере) образование. Были очень нелёгкие времена учения, проб, ошибок, неудач; времена научения, накопления опыта, становления, возмужания и первых успехов. Было и суровое испытание – «эпоха Магницкого». «Семь лет тяготел над Казанским университетом, - писал Н. П. Загоскин, один из «классических» историографов Казанского университета, - тот удушающий кошмар,

вычерпывают его «нутро» - только по одной этой причине его следует прочитать. Будет интересно прочитать также «Записки семинариста» русского поэта Никитина.

³ Застал здесь «почти дикарей», вспоминал позднее К. Фукс.

⁴ Из письма одного профессора, получившего назначение в Казанский университет, Н Погодину (1838 год): «Моё желание, разумеется, не было ехать в Казань, столько удалённую от центра нашей учёности и литературы» (Корбут М.К. Казанский университет за сто двадцать лет. – Казань, 1930. – С. 96).

⁵ К январю 1805 года попечителю Казанского учебного округа С.Я. Румовскому удалось набрать только шесть преподавателей.

⁶ Даже не весьма как подготовленные студенты 1805 года находили, например, «первого профессора словесности» Казанского университета Г.Н. Городчанинова (который позднее будет претендовать на освободившуюся кафедру философии, но получит отказ Совета) человеком «бездарным и отсталым» (Булич Н. Казанский университет в Александровскую эпоху. – Казань, 1875. – С.476).

который известен под названием «эпохи Магницкого»⁷. Не особенно деликатный вообще с подчинёнными умный ретроград М.Л. Магницкий, по первом инспектировании Казанского университета в качестве попечителя учебного округа предложивший в донесении российскому императору и вовсе его разрушить, особенно не церемонился с «идеологическими» кафедрами. Так, он (вполне в духе иезуитской изощрённости) распорядился вывесить над дверью кафедры философии доску с текстом из апостола Павла: «Смотрите, братья, чтобы никто не увлёк вас философиею...» (Кол. 2:8)⁸.

По новому Уставу 1835 года (значительно менее либеральному в отношении академических свобод, чем Устав 1804 года) отделения были упразднены и созданы факультеты. Кафедра философии вошла в состав 1-го (словесного) отделения философского факультета. По этому Уставу (введенному в нашем университете только в 1837 году) логика, психология и теория красноречия стали обязательными предметами для всех факультетов. Такое положение сохранялось и в дальнейшем.

Далее были либеральные 40-е годы. И надежды. Блистательный профессор русской истории, выпускник Казанского университета, горячий почитатель Гегеля (читавший историю философии и по кафедре философии) Иванов Н. А. выступал в Казани с публичными лекциями. Превосходный математик, блестящий лектор, широко образованный и глубоко мыслящий человек П. И. Котельников, профессор прикладной математики, не терпевший «предубеждений против математики»⁹ так же, как и предубеждений против философии, вместе с профессором медицинского факультета И. Г. Линдегренем создаёт гегелевский кружок. «Путём, весьма усиленного, изучения Гегеля», этой алгебры революции, готовился к экзаменам, по его собственному признанию, Н. Н. Булич,

⁷ Загоскин Н.П. Из времён Магницкого. – Казань, 1894. – С. 24-25.

⁸ Подробнее о временах Магницкого см.: История Казанского университета. 1804-20004. Казань: Изд Казан. ун-та, 2004. – С. 57 и сл.

⁹ «О предубеждении против математики» называлась его актовая речь 1842 года.

позднее встречавшийся с издателем «Колокола» и ещё позднее ставший ректором Казанского университета. А тогда, писал он также позже, «доходили до нас слухи, отчасти французские брошюры социалистов.... А тут февраль 1848 года... ».

Булич даже успел прочитать шесть лекций по кафедре философии. Но случилась очередная «французская зараза» – революция, февраль 1848 года. И в 1850 году последовало высочайше распоряжение о закрытии кафедр философии во всех российских университетах (кроме Дерптского – Прибалтика уже тогда была «витриной» государства для западного обывателя, будь то премудрый профессор или тупоумный буржуа).

Новый министр народного просвещения П. А. Ширинский – Шихматов, ретроград и обскурант, (его предшественник граф С.С. Уваров, автор известной триединой формулы «самодержавие, православие, народность», видимо, показался излишне либеральным) подсказал «обоснование» (или почувствовал последствия): *«Польза от философии не доказана, а вред от неё возможен»*. Министру, впрочем, не следовало очень беспокоиться – господа профессора Императорского Казанского университета оказались людьми благонамеренными и, без сомнения, верноподданными: в годовом отчёте за 1850/1851 а.г. читаем: *«чрезвычайно важною мерою в ходе образования было упразднение отдельной кафедры философии в университете... как бы в знак того, что все мудрствования умов, не проникнутых и не направленных чистою верою, суетны и ведут скорее к заблуждению, нежели к познанию «света истины»*.

Впрочем, интуиция не подвела императора, закрывшего кафедры философии, – связь философии с «французской заразой» он «нащупал» верно: такая связь была всегда. Вспоминаются слова Маркса: немецкая философия – теория французской революции. Так обстоит дело.

Была упразднена и кафедра философии в Казанском университете «*как несоответствующая видам правительства и не обещающая благоприятных последствий*». Была учреждена кафедра педагогики.

Ещё 26 января 1850 года министр П. А. Ширинский-Шихматов написал докладную записку «*Об ограничении преподавания философии логикой и психологией и о возложении сих предметов на профессоров богословия*». Таким образом, то, что осталось от философии, должны были довести до ума студентов местные богословы. Лекции по логике и опытной психологии читались по программам, составленным в Московской духовной академии и одобренным Синодом. Надзор за их преподаванием в Казанском университете был возложен на ректора Казанской Духовной академии.

Вот что говорит об этих курсах и программах, одобренных Синодом, ординарный профессор Казанского университета (и ещё двух российских университетов) Е. А. Бобров, с 1896 по 1903 год занимавший кафедру философии, автор сборников «*Философия в России*» и многих других полезных для России книг.

О программе по психологии: «*Богословская тенденциозность*». О программе по логике: «*здесь тенденциозность богослова - составителя [речь идёт о протоиерее Владимирском А. П., читавшем тогда логику и опытную психологию] по отношению к чуждой для него науки философии достигает своего крайнего предела*». И далее: «*Вступает в область чистого богословия*».

И резюмирует: «*программа служит материалом первостепенной важности для определения того, что в 50-х годах прошлого столетия читалось в российских университетах под именем логики и опытной психологии*»¹⁰.

¹⁰ Бобров Е. А. К истории русской литературы и просвещения в XIX столетии. – Б. м., / 19.. / – С. ,62, 68.

Только через 10 лет настало время «национальных проектов образования» – был издан указ (от 22 февраля 1860 г.) нового императора о восстановлении кафедр философии в университетах.

В нашем университете это произошло только в 1862 году, но до 1867 года кафедра оставалась вакантной. Её занял М. М. Троицкий, выпускник Киевской Духовной академии, защитивший диссертацию в Петербургском университете.

Значительно раньше этого времени был упразднен **философский** факультет – верховная власть, не без основания, усматривала связь между «философией» и «французской пагубой» – революцией, а поэтому желала устранить из русского сознания всякие подобные намёки и ассоциации: вместо него были созданы два новых факультета – историко-филологический и физико-математический. Кафедра философии была включена в состав первого.

По Уставу 1863 года кафедра философии (логика, психология и история философии) вошла в состав историко-филологического факультета с его 11 кафедрами (который в 1879 году был разделен на 3 отделения: классическое, словесное и историческое). Такое же положение кафедры сохранилось и по Уставу 1884 года, но он сильно отличался от предыдущего. Как 60-е годы отличались от 80-х.

« Период с 1860 до 63-го.. самый оживленный...в литературе, обществ, университетах», - вспоминал один из студентов Казанского университета тех лет. В читальных комнатах « шла борьба различных мнений и взглядов на один и то же предмет», и даже сыновья генералов и жандармских полковников « протестовали против крепостного права»¹¹. Либеральные идеи, которые в то время захватили русское интеллигентское общество, проникали даже в духовные семинарии и академии, как вспоминал воспитанник и той, и другой, а позднее - приват-доцент

¹¹ Бирюков А. А. Университет и студенты в начале 60-х годов // Ученые записки Казанского университета. 1930. – Т. LXXXX, кн. 5. – С. 863 (Отдельный оттиск).

Казанского университета Ф. А. Зеленогорский. *«В академии, - писал он в автобиографии, - столкнулся с материализмом¹², как в некоторых русских журналах, так и среди студентов, которые читали и даже заучивали наизусть целые страницы сочинения Бюхнера «Stoff und Kraft», литографированный перевод на русский язык ходил по рукам»¹³.*

В 80-е годы повеяло холодом 50-х. По свидетельству одного очевидца, « студенческая жизнь плелась как-то вяло...Это было время страхов, подозрений и строгостей».

По новому университетскому Уставу 1884 года логика и психология были изъяты со всех факультетов, кроме историко-филологического, а философия была сведена « на чтение в аудитории творений Платона и Аристотеля» (Ф. А. Зеленогорский). Профессор Казанского университета А. И. Смирнов и другие русские профессора свидетельствовали, что новые учебные планы и новые «программы преподавания», в основу которых были положены идеи «концентрации» на древних языках, предписанное новым Уставом, имели крайне печальные результаты для историко-философских факультетов¹⁴.

К этому времени остались в глубоком прошлом «руководства», по которым вели занятия преподаватели университета первой половины века (впрочем, как и других российских университетов): «по Рижскому»; «по Якобу»; «по Снеллю»; «по Баумейстеру». В них толкуется обо всём – от «сущности» до греховности мусульманской души.

Преподаватели кафедры в последующие десятилетия рассматриваемого периода – люди, в основном, с гимназическим и университетским образованием (есть среди них и выпускники Казанского университета). Российское университетское философское преподавание, что касается профессиональной подготовленности и образованности (и

¹² Речь идёт о первой половине 60-х годов.

¹³ Ф. А. Зеленогорский. Автобиография // Ф. А. Зеленогорский. О методах исследования и доказательства. – М., 1998. – С. 12.

¹⁴ См.: В. Н. Ивановский. Отзыв о сочинении «История кафедры философии и преподавания философских наук в Императорском Казанском университете». – Казань, 1910. – С. 8.

благодаря природному русскому дарованию, проявившемуся даже в этой, нетрадиционной и непривычной для русского ума, области духа), вполне находится на уровне тех европейских стран, где философия «у себя дома» (кажется, у Гегеля есть такое выражение).

Наряду с монографическими научными исследованиями появляются учебники, пособия, курсы и конспекты лекций по логике (их преобладание в общем объёме философской учебной литературы и появление в этом числе весьма добротных и даже значительных книг российских авторов, вероятно, находит объяснение в том, что логика была во все времена российского университетского образования едва ли ни главным предметом «философского корпуса»); пособия и учебники по психологии (другой, наряду с логикой, составляющей философского образования в наших университетах), по другим философским дисциплинам.

Это находит отражение и в расписании занятий (в разное время оно называлось по-разному, в подразумеваемые годы - «Обозрение преподаваний»). Расписания составлялось по семестрам (осеннему и весеннему) и в них указывалась также рекомендуемая по курсу литература. Так, наряду с рекомендуемой западной литературой (классической и современной тем годам) в них встречаются и издания русских авторов, хотя работ казанских философов среди них крайне мало. Правда, с источниками и философской литературой, пособиями дело обстояло не очень важно: даже в 1912 году уже упоминавшийся Е. А. Бобров будет сетовать на «скудость русской философской литературы как оригинальной, так и переводной»¹⁵.

Дореволюционные кафедры философии наших университетов были немногочисленны: так, ещё в 1907 году кафедра Московского университета насчитывала 5 преподавателей¹⁶. На кафедре философии

¹⁵ Бобров Е. А. О преподавании философии в университетах // Сб. Учёно-литературного общества при Императорском Юрьевском университете. - Юрьев, 1889. - Т.2. - С. 205.

¹⁶ См.: Ивановский В. Н. Предметная система в наших университетах и её применение к философским наукам // ЖМНП. - 1907. - Ч. XII, ноябрь. - С. 18.

Казанского университета в последние два десятилетия до революции тоже преподавало от 2 до 4-5 человек.

Пройдёт ещё несколько лет. В 1918 году будет закрыта Казанская духовная академия, и занимавший кафедру метафизики профессор Несмелов В. И. перейдёт в Казанский университет, как и часть других профессоров академии ¹⁷. Высшие женские курсы тоже «вольются» в университет. Ещё раньше (в 1919 году) будет создан факультет общественных наук (ФОН) в составе исторического, экономического и юридико-политического отделений. Он просуществовал до 1922 года.

Далее начинается другая история. И другие времена в жизни университета и кафедры философии, о которых следует писать (если писать), только обладая (помимо знаний, разумеется) чувством исторического такта, интуицией, умением видеть за деревьями лес.

Контрольные вопросы.

Исторические условия формирования российского Университета и его особенности по сравнению с европейскими университетами.

Региональная специфика в становлении российских университетов.

Учреждение Казанского университета.

Кафедра философии Казанского университета до закрытия кафедры в 1850 году.

Кафедра философии Казанского университета после вторичного открытия кафедры в 1862 году.

2. Философское образование (университетская философия): курсы, программы, пособия.

¹⁷ Я говорю о В. И. Несмелове, не называя по именам других его коллег, перешедших в университет, только потому, что здесь речь идёт о философии, - кафедру метафизики в Духовной академии возглавлял Несмелов В. И.

Что представляла собой университетская философия? Как было уже сказано, философия изначально входила в число наук «приготовительных», которым, по Уставу 1804 года, *«необходимо должны учиться все, желающие быть полезными себе и отечеству, какой бы род жизни, и какую службу ни избрали»* (§ 109). Причем, здесь же было сказано, что *«только тот может перейти в главное отделение наук, соответствующих будущему состоянию, кто прослушал науки приготовительные»*.

В дальнейшем статус философии (философских наук) изменялся. Так, по Уставу 1835 года, логика и психология, которые тогда и составляли университетский курс философии, а также теория красноречия, стали обязательными предметами для всех факультетов. Тогда же, напомним (по этому Уставу, который был введён в нашем университете только в 1837 году), вместо четырёх прежних отделений были учреждены три факультета: юридический, врачебный и философский. Кафедра философии вошла в состав 1-го (словесного) отделения философского факультета наряду с кафедрами греческой словесности и древности, римской словесности и древности, всеобщей истории, российской словесности и т. д. (2-ое отделение - физико-математическое).

Что, однако, первоначально подразумевалось под университетской философией? Об этом можно получить представление по университетским расписаниям занятий. В разные годы они назывались по-разному: Каталог преподаваний, Распределение лекций, Извещение о преподавании наук, Обзорение преподаваний.

Так, «Извещение о преподавании наук в Императорском Казанском университете с 13 августа 1814г. по 10 июля 1815 г.» объявляет, что «по отделению нравственных и политических наук *А. С. Лубкин* «по средам от 4 до 6 часов будет занимать студентов, посвятивших себя *философии*, труднейшими философскими исследованиями, состязанием и

рассуждением; а в субботу в те же часы преподавать практическую философию по Якобу и Снеллю, на русском языке».

И. Е. Срезневский, магистр философии, « по понедельникам и четвергам от 2 до 4 часов изъяснит теоретическую философию, по Якобу, на русском языке».

За этот же период А. С. Лубкин читал «практическую философию», «по Якобу» и «Снеллю» (курс 1814/ 1815 у. г.), метафизику, «по своей рукописи» (1815/ 1816 у. г.); Ю. Е. Срезневский – «историю философскую» и метафизику, «по Якобу» (1818/ 1819 у. г.).

В «Каталоге преподавания Императорского Казанского университета на 1822-1823 а. г.» читаем: «*Михаил Архипович Пальмин* с половины 9 утра до 10 часов утра будет преподавать студентам 1-го разряда нравственно-политического, физико-математического и словесного факультетов по своим тетрадам; с половины 9 утра до 10 по средам студентам 2 разряда оных же факультетов, а в те же часы по пятницам студентам 3 разряда историю философских систем, делая приличные извлечения из книг...». В 1825/ 1826 у. г. *проф. Я. М. Кароблинов* (временно) читал по кафедре логику, историю философских систем, «по Баумейстеру».

Из «Распределения лекций по факультетам и курсам 1838-1839 а. г.» видим:

на историко-филологическом факультете – логика и психология (первый курс); метафизика и нравственная философия (второй курс); история философских систем (третий курс); история философии (четвертый курс).

на юридическом, медицинском и втором отделении философского факультета по разрядам математических и естественных наук – логика и психология (первый курс).

А вот какие дисциплины читались незадолго до закрытия кафедры в 1850 году.

По «Обозрению преподаваний в Императорском Казанском университете на 1845 - 1846 у. г.», *архимандрит Гавриил* на 1 курсе всех факультетов преподавал логику и психологию (1 час в неделю); *Н. А. Иванов*, ординарный профессор по кафедре русской истории, читавший в 40-е годы некоторое время историю философии по кафедре философии, «будет читать историю древней философии, по Мирбаху» (на 4 курсе восточной словесности).

Как видим, *метафизика, практическая (нравственная) философия, история философии, история философских систем (была ещё философская терминология), а затем логика и психология* – вот основные философские дисциплины в университете в это время.

Это - традиционный набор в германских университетах и раскрытый в *тогдашних* (немецких) «руководствах» («по Снеллю» и т. д.), по которым занятия велись не только в российских университетах, но и в других странах (по составленным Л. Г. Якобом «руководствам» по философским, экономическим дисциплинам, по естественному праву, - также в Дании, Венгрии, например). Что это за «руководства»?

Без «руководств» тогда не обходился и Кант. Так, он «руководствовался» (пользовался; «лишь некоторыми рубриками», - уточняет русский дореволюционный его биограф М. М. Филиппов¹⁸) при чтении лекций «Метафизикой» Баумгартена, её же рекомендовал и для студентов.

«Руководства» – это «учебники» и «учебные пособия» тех лет, по которым читались лекции. Они же служили «руководством» к занятиям (Устав предписывал предоставлять перечень «книг, служащих руководством при университетских занятиях»).

Некоторые из «руководств», распространённых в российской школе, имели «гриф» тогдашнего Министерства народного просвещения. Так, по поручению последнего, профессор философии в Галле Людвиг Генрих

¹⁸ Дэвид Юм. Кант. Гегель. Шопенгауэр, Огюст Конт. – СПб: «ЛИО Редактор» и др., 1998. – С. 99.

Якоб, - почти 10 лет он был на русской службе: профессором в Харьковском университете, потом работал с М. Сперанским - составил на немецком языке 8 томов «Курса философии», которые были переведены на русский язык и изданы как руководства для гимназий в 4-х томах. Служили, как видим, и «руководствами» для университетских занятий по философии.

В Научной библиотеке КГУ имеются:

Якоб Людвиг Генрих. Курс философии для гимназий. – СПб., 1813.

Якоб Людвиг Генрих. Начертание эстетики. – СПб., 1813. – 123 с.

«*По Баумейстеру*» – это пособия по метафизике, логике и нравственной философии, написанные Христианом Баумейстером (1708-1785)¹⁹, немецким философом, вольфианцем, т.е. последователем систематизатора философии Лейбница Христиана Вольфа. Именно через вольфианство, этой философии «для начинающих», по словам Феофана Прокоповича, русская образованная публика, приобщившаяся в 18 веке к светской философии, и знакомилась с философией европейской. Эта система, отличавшаяся ясным изложением и, несмотря на свой рационализм и связь с естественными науками, не противоречившая догмам церкви, была положена государством « в основу преподавания философии в высших учебных заведениях»²⁰.

Переводы книг Баумейстера и были долгое время первыми наиболее известными учебными пособиями по философии для российских высших учебных заведений²¹. Первые русские самостоятельные попытки создать таковые учебные пособия, также опирались на эту систему-структуру Вольфа-Баумейстера²².

¹⁹ Более подробных сведений о нём нет ни в предисловии к русскому изданию его «Метафизики» (М., 1808), ни в Энциклопедии Брокгауза и Ефрона.

²⁰ Кошелева О. Е., Морозов Б. Н. Известные русские учебные курсы философии середины XVIII в.// Историко-философский ежегодник-91. – М.: Наука, 1991. – С. 53.

²¹ В духовных школах они господствовали.

²² Об одной из самых ранних таких попыток см.: Кошелева О. Е., Морозов Б. Н. Указ. соч.

В университетской библиотеке имеются все три его произведения, переведенные на русский язык:

«Логика». Пер. с лат. - М., 1787. – 240 с. (есть ещё боле раннее, первое, издание - М., 1760. – 228 с.; перевод выполнен студентом Московского университета А. Павловым);

« Метафизика». Ч. 1-3. – М., 1764 (тоже первое издание; имеется также издание того же произведения 1808 года);

«Нравоучительная философия». Пер. с лат. – Б. м: тип. Морского шляхетного кадетского корпуса, 1783. – 280 с.

Вот разделы «Метафизики» Баумейстера (М.,1764):

Ч.1. Онтология, или первая философия (100 с.).

бщая космологЧ.2 Оия (101-130 с.).

Ч.3, содержащая пневматологию,²³ психологию и теологию натуральную (131-255 с).

Приведем ещё мнение Карла Фукса, человека в философии образованного и сведущего, о пособиях Баумейстера: « *Преподавание наук философских*, - заверял он Магницкого в отчете 1825 года, - *ограждено равным образом от всякой опасности преподаванием курса самого простого (Баумейстер), принятого ныне и для духовных наших училищ*»²⁴.

«По Снеллю» – «Начальный курс философии» Фридриха Вильгельма Даниеля, профессора философии из Гиссена, кантианца. Имеющийся в Научной библиотеке КГУ перевод на русский язык был сделан преподавателями университета философом А. С. Лубкиным и историком П. Кондыревым²⁵; они же написали «добавления», которые зачастую

²³ Анонимный автор одного из самых ранних рукописных русских учебных пособий по философии, составленного на основе Баумейстера, объясняет: « Пневматология наука о невидимых или о безплотных вещах, яко о Боге, о душе нашей и о прочем» – См.: Кошелева О. Е., Морозов Б. Н. Указ. Соч. – С. 72.

²⁴ История Императорского Казанского университета. 1804-1904. Под ред. Н. П. Загоскина. – Казань, 1904. – Т. 3. – С. 471.

²⁵ Снелль Фридрих Вильгельм Даниель. Начальный курс философии. Пер. А. Лубкин и П. Кондырев. Ч. 1-5. – Казань: тип. ун-та, 1813-1814.

интереснее (именно как философские «добавления»), нежели «Курс» профессора философии из Гиссена.

Пособие немецкого профессора состояло из пяти частей, которые и обнимали весь тогдашний университетский курс философии и разграничивали его по учебным дисциплинам, читавшимся тогда в наших университетах (они, исходя из расписаний занятий, приведены ранее).

Вот эти части:

Ч.1. Эмпирическая психология, или наблюдательное душесловие. - 134 с. приведённого издания.

Ч.2. Логика и краткая метафизика. - 134 с.

Ч.3. Эстетика, или критика вкуса. – 80 с.

Ч.4. Нравоучение и право естественное. – 136 с.

Ч.5. Нравственное вероучение и обозрение истории философии. – 64 с.

Левицкий Л. С., первый преподаватель по кафедре философии, ещё «читал логику по руководству Рижского»²⁶. Имеется ввиду пособие, написанное русским автором *Рижским Иваном Степановичем* (1759-1811), которому принадлежит, также являвшееся «руководством», сочинение «Опыт риторики»²⁷. И о том, и о другом руководстве, например Г. Н. Горадчанинов, «первый профессор словесности» Казанского университета, которого даже не очень приготовленные студенты 1805 года считали человеком «бездарным и отсталым»²⁸, отзывался весьма не лестно за их «обширность и многосложность».

Стоит, вероятно, обратить внимание на год первых изданий некоторых из этих «руководств» (по которым занимались в первые десятилетия 19 столетия), чтобы представить себе, как плохо обстояло

²⁶ См.: Булич Н. Казанский университет в Александровскую эпоху. – Казань, 1875. – С.273.

²⁷ В университетской библиотеке имеются издания: СПб, 1796. – 396 с.; Харьков: Имп. Харьковск. ун-т, 1805. – 405 с.; М., 1809. – 381 с.

²⁸ Булич Н. Казанский университет... – С.476.

дело с литературой и источниками²⁹. Хотя для своего времени свою образовательную роль для неискушенной в философии русской публики, едва начинавшей приобщаться к философии, они выполнили. К тому же, тогда эти «руководства» были новейшими учебниками по философии, ибо представляли собой переводы с немецкого, *переводы с учебников, написанных германскими профессорами философии*.

Разумеется, было и критическое отношение к используемым «руководствам». Так, А. Лубкин и П. Кондырев, как было уже сказано, снабдили свой перевод «Снелля» «добавлениями переводчиков», которые порой интереснее оригинального текста, несколько более «сложного», чем «Баумейстер», но все же – довольно простого пособия³⁰. Эти «добавления» дают представление и о собственных взглядах переводчиков, преподавателей Казанского университета. А. С. Лубкин, скажем, решительно, и, совершенно замечательно, возражает автору на его субъективно-идеалистическое толкование пространства и времени: *«Представления времени и пространства столь тесно соединены с представлениями бытия, что последний без них теряет всю свою значительность и даже получает совсем противный смысл»*. И добавляет: *«все, что существует, существует во времени и пространстве»*³¹.

Мы видим также, что выходили из затруднительного положения с источниками и литературой и иначе. Так, в расписании лекций М. А. Пальмина (на 1822 / 23 а. г.) сообщается, что он будет *«делать приличные извлечения из книг»*. А. С. Лубкин сообщает (1815 /16 а. г.), что будет читать метафизику *“ по своей рукописи”*.

Сколько скудной была русская библиография по философии видно и из списка литературы, который приводит архимандрит Гавриил в своей «Истории философии», но уже самая его книга является достойным для

²⁹ Впрочем, Е. А. Бобров, как было уже замечено, будет сетовать на крайне бедственное положение с этим в России и в начале века 20-го – см. Приложение 3.

³⁰ Правда, как сказано издателями, это – пособие «для начинающих упражняться в философии» (здесь они могут найти «все нужное») – Начальный курс философии. Сочинение Снелля. – Казань, 1813. – С.4.

совершенно ничтожной в этом вопросе русской философской литературы стремлением восполнить этот пробел. Тем более 6 часть его " «Истории философии»" представляет собой (как бы ее ни оценивать – об этом см. далее) вообще первую у нас попытку (этим объясняются и ее заслуги, и ее недостатки) написать «историю русской философии», философию, которую, как и сам обыкновенный факт ее наличия, нужно было еще обосновать.

В 1850 году, было уже отмечено это, кафедры философии во всех, тогда еще немногих российских университетах (кроме Дерптского) были Господа профессора – члены университетского Совета закрыты – «те, кто царствует», «закрыли» «тех, кто мыслит»³². нашли таки лукавое оправдание: в годовом отчете за 1850/51а. г. читаем, что «чрезвычайно важною мерою в ходе образования было упразднение отдельной кафедры философии в университете... как бы в знак того, что... все мудрствования умов, не проникнутых и ненаправленных чистою верою, суетны и ведут скорее к заблуждению, нежели к познанию «света и истины»³³.

Лекции по логике и психологии читались по программам, составленным в Духовной академии и одобренным Синодом. Надзор за их преподаванием в Казанском университете был возложен на ректора Казанской Духовной академии.

Заметим здесь, например, что Е. А. Бобров, профессор Казанского и еще двух российских университетов считал нежелательным («убеждение, вынесенное из опыта») приступать « к научному занятию философию» под руководством «богослова» (подробнее см. Приложение 3). Что касается программ, составленных в это время богословами, вот его мнение - сошлёмся на него ещё раз - из заметки «Философия былых времен» из

³¹ Там же. – С.112, 113.

³² Слова из речи В. Гюго на похоронах Бальзака (в том же самом 1850-ом году): «Взоры теперь уже прикованы не к тем, кто царствует, а к тем, кто мыслит...».

сборника «К истории русской литературы и просвещения в 19 столетии»³⁴. О программе по логике: *«Здесь тенденциозность богослова - составителя по отношению к чуждой для него науки философии достигает крайнего предела»*; автор (протоиерей А. П. Владимирский) *«вступает в область чистого богословия»*. Программа по психологии: *«богословская тенденциозность»*. Полагаю, что отсюда ясно, что имеет в виду профессор, когда говорит: *«Программа служит материалом первостепенной важности для определения того, что в 50-х годах прошлого столетия читалось в русских университетах под именем логики и опытной психологии»*³⁵.

Кафедры философии в российских университетах были восстановлены по царскому Указу от февраля 1860 года. В Казанском университете это произошло только в 1862 году, но до 1867 года кафедра оставалась вакантной (в том году ее занял М. М. Троицкий).

И вот какие предметы читались по кафедре после ее вторичного открытия.

Троицкий М. М., историко-филологический факультет (1868/69 у. г.): студентам 1 курса 2 часа в неделю логику; студентам 2, 3, 4 курсов 2 часа в неделю психологию; студентам 3 и 4 курсов по 1 часу в неделю «продолжает излагать систему Канта».

В. А. Снегирев, историко-филологический факультет (1880/81 у. г.): студентам 1 курса 2 часа в неделю психология; студентам 2 курса 1 час в неделю логика и психология.

А. И. Смирнов, историко-филологический факультет, классическое отделение (тот же у. г.): студентам 3 и 4 курсов 2 часа в неделю «историю греческой философии с Аристотеля»; историческое и словесное отделение – «историю новой философии с Канта до Гегеля» (2 часа в неделю).

³³ См.: М. К. Корбут. Казанский государственный университет за сто двадцать лет. – Казань, 1930. – С. 89.

³⁴ Бобров Е. А. К истории русской литературы и просвещения. – Б. м., / 19../. – 68 с.

³⁵ См. там же. – С. 67, 66, 68.

А. И Смирнов, историко-филологический факультет (1900/01 у. г.):
 классическое отделение – философия Аристотеля (2 часа в неделю);
 историческое и словесное – «философию Локка и его приемников в Англии вместе с очерком философии Просвещения во Франции». Также проводил «чтение и объяснение «Поэтики» Аристотеля на классическом отделении (2 ч.). В весеннем полугодии того же учебного года он читает философию эпохи эллинизма (1 ч. классики и студенты 4-го семестра), философию в Риме (1 ч., классики), философию 18 века в Германии от Лейбница до Канта (2 ч., историки и словесники).

По «Обозрению преподаваний в 1915-1916 у. г.»:

Ягодинский И. И. (6 часов в неделю):

общефакультетские предметы – система психологии (2 ч.);

на историческом и словесном отделениях историко-филологического факультета – история новой философии (2 ч.).

Гуляев А. Д. (6 часов в неделю):

общефакультетские предметы – логика (2 ч.); история древней философии (2 ч.).

Васильев Н. А. (2 часа в неделю):

практические занятия по философии (2 ч.) – факультативно;

чтение сочинения Аристотеля «О душе» для старших классов классического отделения.

Маковельский А. И. (2 часа в неделю):

Практические занятия:

по истории материализма (2 ч.);

по греческой космологической поэзии VI века для старших классов классического отделения (2 ч.).

Что касается учебных программ, в том числе и по тем предметам, которые еще по Уставу 1835 года стали обязательными в университетском преподавании философии – логике и психологии, - то единообразия в них не было (что вполне понятно) продолжительное время (особенно, как ясно,

это касается психологии). *«Если спорно то, что именно преподавать под именем «логики», - писал Е. А. Бобров в начале 20 века, - то еще более спорным оказывается на практике вопрос, что давать в виде обязательного курса психологии».*

Так, М. М. Троицкий, по словам В. Н. Ивановского, имел « два понятия психологии, совершенно одно с другим не совпадавшие. С одной стороны, психология была для него учением о познании вообще, критикой и теорией всякого познания... с другой, – это была одной из специальных наук». Сам Ивановский замечает по этому поводу: *«пора отделить от психологии теорию познания»*³⁶ (заметьте, в статье 1900 года; можно ли быть очень строгим к преподавателям предыдущих поколений?).

Приведем для ознакомления и сравнения выдержки из программ по психологии, составленным Е. А. Бобровым и Н. А. Васильевым (обе программы относятся к началу 20 века, к 1- началу 2 десятилетия его).

Из программы **Е. А. Боброва**³⁷:

Определение психологии и необходимость определения понятия души.

Наивно-мифологическое понимание души в дофилософский период...

Общий взгляд на историю психологии Ее начатки. Психология первых греческих философов...

Психология средневековья Влияние христианства на понятие души...

Значение Декарта в истории психологии. Основание имматериализма души и несвязанность этого принципа с картезианским общим материализмом. Гносеологический принцип и значение критицизма для понятия индивидуальной души. Сознание.

Локк, как основатель «аналитически-исторического» метода разработки психологии... История познания и разложение психических сложных групп на их первоначальные простые элементы....

³⁶ Ивановский В. Н. К характеристике М. М. Троицкого // Вопросы философии и психологии. – 1900. - Кн. 52. – С. 194, 196.

Значение Беркли для психологии.

Психология Лейбница в связи сего гносеологиею и метафизикой....

Общая схема философских направлений в их отношении к психологии.

Психология универсализма (или идеализма) в противоположении ее к психологии индивидуализма.

Психология материализма(...XIX века – Фейербах, Бюхнер, Молешотт, Фохт и др.).

Позитивистская психология(Конт и др.); «психология без души»; нападки на метафизическую или умозрительную психологию и психология, как наука о душевных явлениях.

Отношение психологии к физиологии и физике.... Введение инструментов и статистики в область психологии. Фехнер, Вундт и пр. Закон Вебера и Фехнера.

Источники науки психологии.

Методы психологии... .

Различные деления и классификации психических явлений.

Ощущения...

Теория представлений или образов.

Теория памяти. Ассоциация идей и история этого учения.

Мышление, фантазия....

Теория чувствований..

Теория воли...

Теория сознания и бессознательные явления (Лейбниц, Гербарт, Гартман и др.).

Качественное и количественное понимание сознания – сознание и сознательность. Внимание.

Поток сознания.

³⁷ Из его работы «О преподавании философии в университетах» – См.: Приложение 2.

Элемент сознания; момент сознания. Единство душевной жизни и единство момента сознания. Категория времени.

Закон неслиянности и неразделенности психических элементов; закон ограниченности сферы сознания. Два слоя сознания – простое, непосредственное сознание опосредствованное.

Теория самосознания и «я».

Теория происхождения души...

Личность человека; характер; личное психическое развитие.

Отношение сознания, тела и внешнего мира. «Я» и «не-Я». Сущность и значение тела. Тело и душа и их взаимоотношение по теориям материалистов, Декарта, Спинозы, окказионалистов и Лейбница.

Общее учение о душе...

Душа здоровая и больная. Вопрос о наследственности. Природные наклонности и предрасположения....

Психология расы, пола, возраста...

Психология животных...

Значение психологии и ее отношения к другим наукам...

*А вот выдержки из «Программы по психологии» приват-доцента **Н. А. Васильева**³⁸:*

Вопрос о душе в психологии. Психология, как самостоятельная наука. Почему нельзя дать точного определения психологии? Отличие физического от психического. Связь душевных и телесных явлений. Методы психологии и методы естествознания. Психология, как наука дополнительная к естествознанию.... Психология и социальные науки.

Метод самонаблюдения....

Основные силы, факты или законы сознания. Силы слияния. Психические обертоны Джемса или «чувство отношения»

³⁸ См.: Приложение 2.

Спенсера...Внимание и сознание, их различия. Почему нельзя определить сознание?

Сила памяти...Ассоциация идей..

Система психологии. Психология Джемса, Вундта, Бэна и Авенариуса. Их логическое взаимоотношение. Изложение и критика их главнейших психологических учений..

Рефлексы. Виды рефлексов....

Локализация функции центральной нервной системы....Роль коры...

Энергетика мозга...Главные законы мозговой деятельности..

Общее понятие эволюции. Эволюция и прогресс. Христианское происхождение понятия эволюции и прогресса. Законы эволюции, предложенные Спенсером. Применение их к психике...Рост психики, как рост приспособления во времени и пространстве. Психика животных...Психика животных и психика человека.

Вопрос о чужом сознании. Изложение теории автоматизма. Почему логически нельзя опровергнуть того, кто бы стал отрицать чужое сознание?...Что такое солипсизм? Чистый опыт и метафизика. Почему мы всегда метафизики? Есть ли критерии наличности сознания?...

Вопрос о психике растений...Нервная система и сознание. Аргументация Фехнера...

Ощущения. Классификация ощущений. Закон Гамильтона....

Строение уха...

Строение глаза..

Вопрос о пространстве в новой философии. Взгляд Декарта, Ньютона, Лейбница. Кант. Его зависимость от Ньютона и Лейбница. Пространство, как условие возможности опыта. Необходимость пространственных истин. Их априорность. Что такое априорность? Пространство – интуиция, а не понятие. Неприложимость

пространства и времени к вещам в себе. Доказал ли Кант это? Влияние мистиков на Канта. Заслуги Канта..

Эмпиризм....Теория Беркли...

Теория местных знаков (Лотце).Выведение пространства из времени (Спенсер)...

Теория Юма о природе веры во внешний мир....

Иллюзии. Воспоминание, как элемент восприятия....Галлюцинации....

Ассоциация идей. История этого вопроса....

Память....

Представление и понятие. Анализ. Абстракция. Ассимиляция. Синтез. Происхождение понятий....Значение языка. Понятие и слово...Суждение. Умозаключение...

Чувства и ощущения...Аффекты или эмоции....

Личность. Представление о физическом «я». Духовное «я».Единство тождество «я». Сознание и самосознание. Темпераменты...Сон и сновидения. Гипноз.

Если отвлечься от различия в порядке изложения материала авторами (что вполне естественно), от преобладания в общем объеме материала этих, а не тех вопросов, и от делаемых акцентов (скажем, Васильев значительно больше внимания уделяет проблеме сознания, правда, кажется, более в философском аспекте), то бросается в глаза размытость, неопределенность предмета психологии, содержания ее, обнаруживающиеся в обеих программах. Справедливость вышеприведенных слов Боброва - «...еще более спорным оказывается на практике вопрос, что давать в виде обязательного курса психологии» - очевидна. Стоит только привести продолжение его мысли: « Разумеется, это стоит в самой тесной связи с тем обстоятельством, что психологи до сих пор не могут столкнуться насчет того, как единообразно определить, что же такое – наука психология». Понятным становится *при ознакомлении*

с обеими программами (другие вряд ли отличались в этом отношении) и замечание В. Ивановского: *«пора отделить от психологии теорию познания»*. Конечно, со временем, по мере развития психологии, и уяснения в умах предмета и содержания ее, положение должно было измениться.

Приведем выдержки и из программ по логике, относительно которой, по словам того же Е. А. Боброва, тоже не было ясности, *«что именно преподавать под именем «логики»*. Он даже пишет: *«фактически теперь в разных университетах под этой фирмой преподаются и изучаются разные науки»*.

Из программы **Е. А. Боброва**³⁹:

Определение науки логики. Ее отношение к другим наукам и ее практическое значение. Общий обзор истории логики. Различные направления в логике: формальная, математическая...

Учение о мышлении. Психологические условия мышления....Основные законы мышления, особенно закон достаточного основания. Общие категории положительного и отрицательного.

Учение о формах мышления...Понятие...Суждение...Умозаключение. Виды силлогизмов. Индукция...Различные виды дедуктивных методов. Аналогия.

Определение или дефиниция...

Учение о познании. Различные гносеологические направления: сенсуализм, эмпиризм, рационализм, идеализм, критицизм, позитивизм, скептицизм, мистицизм и т. д.

Душа и тело. Внешнее раздражение и ощущение.

Значение памяти и привычки в процессе познания. Закон причинности.. Психогенезис образов и представлений.

Формирование общих понятий. Субъект и объект. Душа и внешний мир.

³⁹ В: «О преподавании в университетах».

Материализм и имматериализм (панпсихизм), индивидуализм и универсализм.

Вопрос о границах и достоверности познания. Философия и отдельные науки.

Учение об истине. Истина, заблуждение, ложь. Доказательства и ошибки. Истина научная, философская, нравственная, религиозная. Идея истины в ее отношении к идеям блага и красоты.

Создается впечатление, что этими «главнейшими вопросами», на которых Бобров «останавливался в курсах логики» («О преподавании...»), он сам демонстрирует: «под этой фирмой» (логикой) «преподают и изучаются разные науки». И в любом случае нет ясности в том, «что именно преподавать под именем «логики». Впрочем, в этом случае дело, возможно, разъясняется тем, что в курсе логики Бобров «считал необходимым...останавливаться подробно и на проблемах тех наук, которые, по убеждению наших современников-философов, близко соприкасаются с наукою логики, а именно гносеологии и психологии» («О преподавании...»).

Вот выдержки из «Программы по логике» профессора А. Д. Гуляева⁴⁰:

Объективная и субъективна точка зрения на мир....

Виды познания: ощущение, воспоминание, восприятие и мышление....Логические признаки истины. Задача логики.

Краткие замечания об истории логики...

Анализ сущности и форм суждений. Предварительное определение суждения. Суждение и предложение....

Отрицание...

Множественные суждения...

⁴⁰ См.: Приложение 2.

*Возможность и необходимость в их отношении к суждению...
Кантовское и аристотелевское различие суждений.. Так называемая
модальность суждений...*

Реальная или объективная необходимость...

Понятия....Характеристика логических понятий...

*Процесс образования понятий из представлений. Значение акта
суждения в этом процессе...*

Относительность знания...

Теория выводов...

Категорический вывод...

Основное условие научного значения категорического силлогизма...

*Критика взгляда Д. С. Милля на значение категорического
силлогизма и основной смысл этого силлогизма. Критические замечания Д.
С. Милля о формальной теории категорического силлогизма; собственное
учение Милля; учение о выводе частного к частному; что есть верного и
ошибочного в учении Милля.*

*Общая задача методологии и ее постулат. Путь к достижению
идеала знания – научной системы...*

Методы выработки системы понятий...

Дефиниция...

Методы выработки системы суждений...

Общая теория индукции...

Индуктивные законы о вещах и их свойствах...

Заключение по аналогии.

Достаточно выразительное отличие этих программ по логике очевидно. Как очевидно и то, что структура учебного курса («обязательного курса», говоря словами Боброва) логики к этому времени ещё не сложилась. Программа А. Гуляева по «сухости», «формальности», а, может быть, и « по соответствию предмету» (не по структуре) ближе к нашим программам.

В Приложении 4 приведена «Программа по древней философии» того же **А. Д. Гуляева**. Знакомясь с ней, можно получить представление о тогдашних программах по античной философии и сравнить их с нынешними. Как видно, отличия небольшие (если иметь в виду структуру материала⁴¹) – они касаются в основном (что уже более важно) разных оценочных моментов (например, некоторых мест из Анаксагора, Платона).

В какой форме проходили занятия? В основном в форме лекций. Я не буду здесь затрагивать эту проблему, по-настоящему, достойную обсуждения. Тогдашнее состояние и понимание проблемы хорошо представлено в работе Е. А. Боброва о преподавании философии в наших дореволюционных университетах. Профессор сетует на то, что у нас (публикация 1912 года) почти нет практических занятий⁴².

Сообщения о практических занятиях мы находим в «Обзорах» и т. п. уже с последних десятилетий XIX века.

Так, в расписании А. И. Смирнова (осеннее полугодие 1887 года) написано: *« чтение и объяснение Платонова диалога «Менон».*

А. И. Смирнов (1900/01 у. г.): *«чтение и объяснение «Поэтики» Аристотеля (2ч., классическое отделение)».*

Е. А. Бобров (1900/01 у. г.): *практические упражнения по истории древней философии (1 час; тексты по хрестоматии Рихтера и Преллера); практические упражнения по истории новой философии.*

В. Н. Ивановский (1910/11 у. г.): *«философский семинарий - Чтение и объяснение «Критики чистого разума» Канта в связи с другими классическими сочинениями по теории познания».*

А. О. Маковельский (1915/16 у. г.): *практические занятия по 1) истории материализма; 2) греческой космологической поэзии VI века.*

⁴¹ Впрочем, различия в простом расположении материала (скажем, периодизации, типизации и т. п.) могут свидетельствовать – и чаще всего свидетельствуют – о принципиальном различии в оценке сущностных характеристик явлений, в том числе философов, философских учений, систем.

⁴² Подробнее см.: «О преподавании...» – Приложение 3.

Как проходили и что собой являли «практические занятия» можно получить некоторое (но не всецелое, т. к., скажем Е. А. Бобров, называет разные их формы⁴³) представление из следующего. В «Обзрении преподаваний в 1915-1916 у. г.» в расписании А. Д. Гуляева сказано: «*Практические занятия будут состоять в чтении студентами рефератов на темы, предложенные преподавателем, для дополнительного и лучшего уяснения читаемых курсов философии и в обсуждении этих рефератов слушателями под руководством преподавателей*». Несколько улучшилось к этому времени и положение с литературой⁴⁴. Казанские философы также причастны к этому. Появились «Введения в философию» (например, Ивановского и Маковельского), учебные пособия по логике и психологии: В. А. Снегирева по психологии (издано посмертно), И. И. Ягодинского «Краткий курс системы логики», Н. А. Васильева, А. О. Маковельского, М. М. Троицкого (правда, уже после казанского периода его деятельности) и др.⁴⁵

Для более наглядного представления о том, что собой являли эти «Введения в философию», приведем названия глав из двух таких.

Пособие **В. Н. Ивановского** состоит из 111 стр., и первая её часть имеет подзаголовок «Философия теоретического знания»

Далее такие главы:

История классификации наук;

Классификация наук;

Философия – теория познания, направления теории познания;

Об отношениях между наукой, теорией познания и метафизикой;

Метафизика...

⁴³ См.: Приложение 3.

⁴⁴ Всё же следует помнить о словах профессора Е. А. Боброва, гордившегося тем, что его студенты по Казанскому и Юрьевскому университетам логику Аристотеля изучали в подлиннике: «русские переводы Соловьева и Карпова ненадежны... Русских переводов Аристотеля рекомендовать нельзя» («О преподавании...»).

⁴⁵ См.: Приложение 2.

Между прочим, В. Ивановский полагает, что «*основное ядро философии - в великом вопросе об отношении мира и познания, объекта и субъекта*»⁴⁶.

«Введение в философию» **А. О. Маковельского** (первая часть) состоит из 79 страниц. Две главы – «*Понятие о философии*» и «*Проблема познания*» – включают следующие параграфы:

Философия как проблема

История термина «философия».

Три основных элемента, входящих в философию.

Естественная философия.

Философский эрос.

Философские системы...

Философия как поэзия...

Платоновская форма философии...

Отношение философии к науке....

Нападки на философию...

Разделение философии.

Естественная гносеология.

Интеллектуальное перерождение.

Исходный пункт философии.

Декарт...

Беркли и Юм...

Кантовский критицизм...

Классификация наук...

Логика.

Студенты также писали «медальные сочинения», наиболее достойные из которых Совет университета, по представлению факультета, отмечал золотой медалью на годичном торжественном акте.

Вот названия некоторых из них:

⁴⁶ Ивановский В. Н Введение в философию. – Казань, 1909. – Ч.1. – С. 5.

Основываясь на собственных сочинениях Шеллинга, критически рассмотреть разные фазы сего философствования и показать, на чём он остановился в настоящее время» (1843 г.);

Изложить индейскую космогонию по Ману и миф о потопе по Магабарате (1853-1854 у. г.);

Философский элемент в философии Белинского (1889г.);

Философия Парменида (1902 г.);

Учение Лейбница о субстанции и его переписка с де-Вольдером (1910 г.);

Критика Лейбницем двух первых книг сочинения Декарта об основаниях философии (1910 г.);

Лейбниц и Белль (1915 г.).

Контрольные вопросы.

Дисциплины, которые в разное время составляли университетский курс философии; их содержание и форма.

Что представляли собой «руководства», по которым первое время велись занятия по философским курсам в университете?

Программы по основным университетским философским курсам; их содержание. Сравнение с современными программами по тем же курсам.

Положение с источниками и литературой в разные периоды истории философского образования в университете.

3. «Герои мыслящего разума»: преподаватели по кафедре философии, их судьба и творчество. Философия за пределами кафедры философии ⁴⁷.

⁴⁷ Подробно об этом см. в работах, приведённых в разделе **Литература: работы о преподавателях и об отдельных периодах истории кафедры философии и философского образования в Казанском университете.**

За первые более чем сто лет существования Казанского университета много людей на постоянной или временной основе занимали кафедру философии ⁴⁸ - см. Приложение 1. Это были разные люди: они различались своими философскими пристрастиями и своим мировоззрением, дарованием и ученой репутацией, темпераментом и характерами. Одни попали в словари, справочники и «истории философии», другие – нет: остались «рядовыми» профессорами и приват-доцентами, одними из многих среди сотен и сотен тружеников на ниве российской науки и русского образования. Но именно совокупной деятельностью их научного и педагогического творчества, их помноженным дарованием, их совместными десятилетними стараниями складывалась судьба кафедры философии и история философского образования в Казанском университете. Но у каждого из них была и своя творческая судьба, своя история.

Наиболее известными среди них до закрытия кафедры философии в 1850 году, являются, если судить по позднейшим обращениям к их творчеству, *А. С. Лубкин и архимандрит Гавриил*. Но прежде, чем остановиться на этом, скажем, помимо того, что отмечено в Приложении 1, о других.

В первые десятилетия по кафедре философии мы не найдем немцев, сыгравших заметную роль как в истории российского университетского образования в качестве учителей русской пытливей до науки молодежи (таких, как Бертельс или Броннер, учителей Лобачевского), так и внесших заметный, а порой и выдающийся вклад в становление русской науки (таких, как Х. Д. Френ, основатель научной ориенталистики в России и Азиатского музея Петербургской АН, или знаменитый Карл Фукс), чем

⁴⁸ Подробно см.: Отзыв приват-доцента В. Н. Ивановского о сочинении на тему « история кафедры философии и преподавания философских наук В Императорском Казанского университета с 1804 по 1901 г.». – Казань: Типо-лит. ун-та, 1910 (список преподавателей до 1901 года); История экономической и философской мысли в Казанском университете. – Казань: Изд. Казан. ун-та. – Гл. V.

могли похвалиться другие кафедры университета. Или как это было у истоков Харьковского университета, основанного одновременно с Казанским - с 1805 по 1817 г. профессором теоретической и практической философии в нем был И. Г. Шад (Schad), до переезда в Харьков бывший профессором философии в Иенском университете, преемником Фихте по кафедре⁴⁹, «значительный и яркий человек», который «оставил заметный след в истории философской культуры в России»⁵⁰.

Но, в целом, и по уровню подготовленности первых преподавателей, и по началам их образования⁵¹, и по тем, очень не простым, если не сказать более, условиям складывания философского образования в России⁵², особых отличий от других университетских центров у нас, в Казани, не было. Если, конечно, абстрагироваться от того обстоятельства, что при одинаковости «начал образования» и пр. мы имеем дело с людьми разными, с «индивидуальностями».

Левицкий Лев Семёнович⁵³, с серебряной медалью окончивший Московский университет, перед назначением в Казанский университет

⁴⁹ И. Шад, по всему, был соблазнён обещанием очень большого жалованья (до 2400 таллеров) «на таких выгодных условиях, на которых ни один из немецких князей не мог, говорит Шад, пригласить даже знаменитого ученого» – Ф. А. Зеленогорский. Иоганн Шад. Биография // Ф. А. Зеленогорский. О методах исследования и доказательства. – М., 1998. – С. 214.

⁵⁰ Зеньковский В. В. История русской философии. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 2004. – Т. 1. – С. 142. О Шаде писал не только Зеньковский. Об его взглядах упоминается в Ueberweg. Geschichte d. Philosophie; писали Шпет, казанские философы Бобров («Философия в России»), Зеленогорский (см. выше) и др.

⁵¹ Воспитанники духовных учебных заведений со всеми вытекающими отсюда обстоятельствами.

⁵² О том, как сложно и тяжело складывалось в России философское образование, в особенности в отношении «свобод», см. у В. В. Зеньковского (указ. соч., т. 1., ч. 2, гл. 1). Приведу из этого только одну мысль историографа русской философии: «Если русское общество обладало некоторой свободой в выборе философских направлений, то для университетских профессоров эта свобода была постоянно стесняема контролем» – В. В. Зеньковский. Указ. соч., т. 1, с. 131. Между прочим, Зеньковский здесь объясняет, почему «у нас уже с конца XVIII века боялись открыто заявлять себя последователями Канта» («и других новейших немецких мыслителей») – у них была репутация атеистов. «Наоборот, поклонники английского эмпиризма могли спокойно высказывать свои взгляды, не опасаясь ничего» – В. В. Зеньковский. Там же. Антикантианство и выражение почтения к английскому эмпиризму были заметны и в философских пристрастиях казанских философов, хотя это не обязательно могло быть следствием вышеназванного обстоятельства.

⁵³ См.: Приложение 1.

преподавал в Казанской гимназии логику и метафизику. В университете читал «логику по руководству Рижского и практическую философию - по Сори». Находился на кафедре не долго: умер в 1807 году от водянки. Если довериться мнению директора (первого ректора) Казанского университета И. Я. Яковкина, даже не самого известного философа «нашей округи», говоря словами Канта (а насколько ему, этому мнению Яковкина, можно довериться?): «Г. Левицкий... в философских познаниях, кажется, слаб»⁵⁴. Впрочем, директор отмечает отменный слог Левицкого и знание им языков. Но он не отказал себе в удовольствии съязвить по поводу «тучного телосложения» адъюнкта⁵⁵ философии, «неблагоприятствующего занятиям умозрительностью», что, пожалуй, «кое-что» говорит о самом директоре, нежели об адъюнкте умозрительной и практической философии. «Отменный слог» – не понятно, что здесь имеется в виду (может быть, лекции), но ни одной работы под именем Л. С. Левицкого в университетской библиотеке нет.

После Левицкого несколько преподавателей временно замещали кафедру. Профессор латинского языка, литературы и древностей **М. Г. Герман** (1755-1822). Адъюнкт **Г. Н. Городчанинов**, ранее уже упоминавшийся. Он хотел, судя по всему, «законно» её занять. Не получилось. Члены Совета «единогласно отрицали в Городчинове знание философии, даже сам осторожный Фукс... сомневался в его философских познаниях»⁵⁶. Адъюнкт **Запольский И. И.** (1773-1810).

Далее кафедру получил **Карл Федорович Фойгт**⁵⁷ (1760-1811), саксонец, бывший дрезденский адвокат, выпускник Лейпцигского университета. Он – единственный немец в истории кафедры философии

⁵⁴ Булич Н. Казанский университет в Александровскую эпоху. – Казань, 1875. – С. 274.

⁵⁵ Помощник профессора. В таком звании Л. С. Левицкий был назначен на кафедру умозрительной и практической философии.

⁵⁶ Булич Н. Н. Указ. соч., с. 483.

⁵⁷ Не следует его путать с другим Фойгтом: Карлом Карловичем (1808-73), филологом, доктором философии (1839). С 1853 года – ректор Харьковского университета.

Казанского университета, но (хотя и родственник Эйлера) - не тот немец. С немцами кафедре не повезло. Карл Теофилус (Карл Фойгт) занимал кафедру с 1808 по 1811 год, некоторое время был и деканом отделения нравственных и политических наук, но в русской истории не «наследил», в отличие от своего соотечественника, другого Карла, Фукса.

После Фойгта попечитель Румовский предложил кафедру *Александру Степановичу Лубкину*. О нем мы скажем позже.

После Лубкина был **Срезневский Иосиф (Осин) Евсеевич**, выпускник Рязанской семинарии и, затем, московской Духовной академии. После Петербургского педагогического института был определен кандидатом юридических наук в Казанский университет. Его, намечавшегося на другой факультет, «перехватил» Лубкин, видимо, не отличавшийся завидным здоровьем, и желавший иметь под рукой человека на случай собственной болезни. Сдав экзамены, что было, если верить Буличу Н. Н., тогда «плевым» делом, Срезневский становится магистром философии. В 1817 году – экстраординарным профессором по кафедре умозрительной и практической философии. Университетский Совет рассмотрел и одобрил его обоснование на право вести «историю философскую» - предложенное Срезневским «Краткое обозрение систем философии, в 2-х частях». Был уволен М. Л. Магницким (в числе 11 других профессоров). Этого «Обозрения» (если оно вообще было издано) нет в университетской библиотеке. Трудно, опираясь только на его «Рассуждения...»⁵⁸, которые единственно есть в университетской библиотеке, высказаться об оценке Н. Н. Булича: философию он «знал лишь по жалким тогдашним семинарским учебникам»⁵⁹. Насколько объективно мнение Магницкого, что «профессор философии Срезневский преподает свои лекции так дурно, что их никто не понимает» - судить трудно, помня, что он уволил профессора, причем по «соображениям

⁵⁸ См.: Приложение 2.

⁵⁹ Булич Н. Н. Указ. соч. – С. 272.

идеологическим»⁶⁰. Умер И. О. Срезневский монастырским послушником.

Далее по кафедре философии читали (См.: Приложение 1) разной продолжительности время: **Пальмин М. А.** (в 1820-1821 уч. г. он, например, читал логику 3 часа в неделю, философскую терминологию 1, 5 часа и историю философских систем 1, 5 часа); **Скворцов М. В.; Сергеев П. С.**, профессор правоведения; его «помощники» – кандидат **Кондаков Ф. Е.** и **проф. Караблинов Я. М.; Хламов А. Ф.** Далее – архимандрит Гавриил (о нем позже) и некоторое время в 40-е годы читал историю философии Иванов Н. А. О последнем скажем несколько подробнее.

Николай Алексеевич Иванов – одна из колоритных фигур в университетской казанской науке и педагогике 40-х годов. Его слушатель Н. Н. Булич писал позднее: «*Это был блестящий профессор, увлекавший студентов*»⁶¹. Выпускник Казанского университета он был командирован на повышение квалификации в Дерпт (в Профессорский институт). Прошел основательный курс историко-филологической и философской подготовки. Получил здесь степень доктора философии и, вернувшись в родной университет, стал профессором по кафедре русской истории (его преемником по кафедре станет известный историк С. В. Ешевский, «Грановский Казанского университета»). Увлекался гегельянством и «заразил» им других. Так, под влиянием Иванова увлекся философией и даже решил профессионально заняться ею (не сложилось, к сожалению) Николай Никитич Булич, будущий профессор литературы и ректор Казанского университета. Он сам признавался, что готовился к экзаменам «*путем, весьма усиленного, чтения Гегеля*».

⁶⁰ См.: Приложение 1. В отчете, направленном в Главное правление училищ, Магницкий, в частности, писал, имея ввиду Срезневского: «*руководствуется духом, весьма удаленным от христианского учения*» – См.: История Казанского университета. 1804-2004. – Казань: Изд. Казанск. Ун-та, 2004. – С. 49.

⁶¹ См.: Булич А. К. Булич Н. Н. и современное ему казанское общество // Ученые записки Казанского университета. – 1930. – Т. LXXXX. – Кн. 5. – С. 908 (Отдельный оттиск).

Н. А. Иванов в начале и во второй половине 40-х годов читал по кафедре философии историю философии. Очевидно, его взгляды и философские пристрастия не могли не сказаться на содержании лекций. Он, кстати, и первым в Казани стал читать публичные лекции.

К сожалению, в 50-е годы с профессором произошли, как это нередко бывает, печальные перемены: *« красноречие переходит в риторику, импровизация заключается лишь в панегириках сильным мира и власть имущим»*⁶². А 50-е годы в истории николаевской России были благоприятной средой для таких перемен: они сломали весьма не одну личность, загубили не одно дарование. Еще более угнетающей была атмосфера в провинции: *« Это такая трущоба подлая, что беда...кругом невыразимая пошлость, решительно все свиные рыла»*, - писал в одном письме Н. Н. Булич⁶³.

Как было уже сказано, Булич, который думал работать по кафедре философии⁶⁴, успел прочесть только 6 лекций – кафедры философии были закрыты в российских университетах.

Вернемся, как было обещано, к А. С. Лубкину и архимандриту Гавриилу.

Александр Степанович Лубкин стал первой примечательной фигурой по кафедре философии на фоне его во многом случайных или малозаметных предшественников. Родился в семье духовного служителя, среднее образование получил в Костромской духовной семинарии, закончил Санкт-Петербургскую духовную академию. Был учителем в Костромской семинарии (математики, немецкого языка, философии). Далее была армейская семинария, в которой он занимал должность ректора и преподавателя философии. Здесь же он подготовил первый у нас учебник

⁶² Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804-1904). В 2-х частях. Под ред. Н. П. Загоскина. Ч. 1. – Казань, 1904. – С. 89.

⁶³ Булич А. К. Указ. соч. – С. 932.

⁶⁴ Он сдал экзамены на степень магистра философии, защитил диссертацию: « Значение формального и метафизического взгляда на науку логики с особенным рассмотрением логического учения Аристотеля», был назначен адъюнктом по кафедре философии.

логики под названием « Начертание логики, сочиненное и преподаваемое в Армейской семинарии Александром Лубкиным» (С –Пб., 1807). По увольнении из духовного ведомства определился в столичный Педагогический институт (« смотритель за поведением »). В 1810 году был назначен директором училищ в Оренбургской губернии. В 1811 г. попечителем Казанского учебного округа приглашен адъюнктом на кафедру умозрительной и практической философии, которую и занимал до своей смерти в 1815 году (за год до этого стал экстраординарным профессором). Находясь в стесненном положении, многодетный Лубкин был вынужден исполнять и обязанности инспектора Казанской гимназии (до 1814 г.). Уже после смерти профессора Советом университета было принято решение опубликовать в пользу его детей книгу « Начертание метафизики» - первое учебное пособие по философии, созданное на кафедре.

В своей «Логике» Лубкин (а теоретическая часть здесь незначительна по объему) уделяет основное внимание третьей фигуре силлогизма; подвергает критике теорию фигур силлогизма (по положению среднего термина), находя, что « *самое основание оной есть мнимое*». Он предлагает различать силлогизмы в зависимости от их « *намерения и употребления*». Г. Шпет, довольно строго судивший о русских философах (начального периода, по крайней мере), полагал, что в этом обосновании, исходящим из места и роли третьей фигуры, есть « *большая доля здравого смысла*»⁶⁵.

Как воспитанник духовной школы (о значении в них « Баумейстера» было уже сказано) Лубкин должен был находиться под влиянием Вольфа, и эклектический элемент в его мировоззрении сказался и позже.

Еще до прихода в университет Лубкин первым в печати выступил с критикой Канта (его теории познания, априоризма) с позиций сенсуализма – « Письма о критической философии», опубликованные в « Северной

⁶⁵ Русская философия. Очерки истории. – Свердловск: Изд. Уральск. ун-та, 1991. – С. 343.

пчеле» в 1805 году. Для уяснения взглядов философа сюда следует привлечь и упоминавшиеся выше его «добавления» к переводу «руководства» кантианца Снелля. Они касаются, прежде всего, неприятия кантовского априоризма, представления о пространстве и времени.

Суть возражений казанского философа, вполне определенно показывающих его собственную философскую позицию (он трактует пространство и время как объективные формы бытия вещей) хорошо видна из следующего: «*Что же касается до времени и пространства, столь тесно соединенных с представлением каждой вещи, то оные не суть ли паче необходимые принадлежности бытия вещей, нежели свойство или образ наших о вещах представлений*»⁶⁶. И далее: «*...вещи не представляются нам только, но и действительно суть во времени и пространстве*»⁶⁷. Лубкин не усматривал «почти никакого смысла» и в кантовских антиномиях, считал, что они некорректно поставлены. Понятие бесконечного есть также понятие не априорное - основание для него дает нам опыт.

Критика Канта у Лубкина не исчерпывается только критикой метафизики и гносеологии. В актовой речи (1815 г.) «Возможно ли нравоучению дать твердое основание независимо от религии» он подвергает критике и кантовскую практическую философию, его учение о нравственности. Суть критики в безусловном утверждении связи религии и нравственности, в указании на бога как на основательную мотивацию человеческих поступков, в неприятии «религии в пределах только разума». Нравственность может быть прочно основана только в Боге, в религии, в вере в бессмертие души⁶⁸.

Вляется егоВероятно, можно согласиться с тем, что в «философском творчестве А. С. Лубкина наиболее важным и характерным я отношением к

⁶⁶ Лубкин А. С. Письма о критической философии // Русские просветители. – М., 1966. – С. 12.

⁶⁷ Там же. – С. 15.

⁶⁸ Более подробный анализ см.: История экономической и философской мысли... Гл. VI.

кантианству»⁶⁹. Необходимо только помнить, что вернее всего относиться исторически к истории, в том числе и к истории философии в России. И при признании « здравого смысла» в лубкинской критике Канта, и при согласии с критикой априоризма (пространство и время) не следует, вероятно, преувеличивать значение этой критики, идущей от стороны, которая ещё только упражняется в философии, и не могла тогда по этой причине продумать проблему глубже. Хотя осевая линия противоположения – субъективизм- объективизм - уловлена верно – ведь и Гегель критиковал Канта за априорное понимание категорий (фигур бытия): не находятся только в мышлении, хотя и выработаны мышлением. Однако вряд ли можно согласиться с тем, что положительным, плодотворным и рациональным основанием этой критики является именно то, что она исходит из неприятия философии (в данном случае « кантианской философии»), *« разрывающей связь Бога и человека, разум веру, мораль и религию, выстраивающей абстрактные нравственные схемы»*, и, напротив, базируется на « русской духовности» с её *«стремлением к познанию Абсолютного и Вечного, с её поиском высшей Истины и Добра, выводящего за пределы ratio как ума человеческого, ограниченного и относительного...»*⁷⁰. Это вряд ли может быть вообще доводом в плодотворной и рациональной критике, которая одна только и есть в философии.

Еще одним неординарным представителем в истории кафедры до ее закрытия был **архимандрит Гавриил (Воскресенский Василий Николаевич)**. Неординарной, порой захватывающей, личностью, но не философом - мы можем судить только по работам. Но историческое значение они имеют. Собственно философское значение имеют его « История философии» и некоторые суждения о праве в « Философии правды». Его « История философии» была одной из первых по времени у

⁶⁹ Там же. – С. 149.

⁷⁰ Казанские антикантианцы (Из сочинений А. С. Лубкина и Е. А. Боброва) // История экономической и философской мысли ..С. – 53.

нас, а 6 часть её есть, собственно, первая в России « История русской философии» (См.: Приложение 2). Именно она и была причиной внимания к архимандриту как со стороны казанских, так и со стороны других российских (и советских) авторов, - правда, некоторые из них удостаивали его только несколькими скупыми строками в своих « исследованиях», « пособиях» и « историях». Оценки труда архимандрита были разными - от положительных до снисходительных и весьма критических (например, у Г. Г. Шпета в его « Очерках развития русской философии»). Это и понятно...

Василий Николаевич Воскресенский – сын дьячка, окончил Славяно-греко-латинскую академию. Бакалавр философских наук. Пострижен в монахи в 1821 году, с 1825 года – архимандрит. Дальше были духовные семинарии Орловская, Могилевская... Настоятель казанского Зилантова монастыря, преподаватель в богословском классе местного семинария.. С 1 августа 1837 года – преподаватель богословия в Казанском университете (плюс к этому метафизика, логика, история философии, психология)... Симбирская гимназия... Окончательно освободился от духовно-учебной службы в 1841 году и перешел в Казанский университет. Уволен из университета в 1850 году.

Архимандрит, который вел « не вполне монашеский образ жизни», по сообщению одного из своих биографов, к тому же не очень ладил со своим церковным начальством, не отличался покладистостью характера. После увольнения из университета по воле своего начальства провел несколько лет на службе в Сибири, потом удалось перевестись в Европейскую Россию. Попытка закрепиться на кафедре философии Казанского университета после ее вторичного открытия в 1862 году успеха не имела⁷¹.

⁷¹ См. подробнее биографию архимандрита в: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804-1904): В 2-х ч./ Под ред. Н. П. Загоскина. Ч. 1. – Казань, 1904; также см.: Литература.

Архимандрит был плохим администратором, но пользовался популярностью у казанского населения и был любим беднотой за дела благотворительные.

Студенты его обожали, хотя *«не смотря на свои выдающиеся способности и редкий дар слова, ...не был образцовым преподавателем и, на своих лекциях, постоянно мешал дело с «бездельем». Иногда вся лекция проходила у него в прятельски-шутливой беседе со студентами о городских новостях»*⁷². Был, по общему признанию, выдающимся оратором. Среди его произведений есть «Поучительные слова» (Казань, 1850). Некоторые из них составлены просто мастерски, даже в письменной форме производят большое впечатление, – насколько, видимо, сильнее они воздействовали, будучи произнесенными.

Собственно философское значение имеют только его «История философии» и некоторые суждения по философии права из «Философии правды». Последняя, в целом, мало имеет отношение к философии. Она представляет собой, большей частью, изложение норм и положений из тогдашнего права земельного, уголовного, гражданского, имущественных отношений, отношений церкви и государства и т. д. с некоторыми экскурсами в историю и теорию государства и права, а также прав человека, «истинную основу» которых составляют «религиозные верования». Именно эти экскурсии с довольно подробным изложением по этим вопросам воззрений Локка, Монтескье, Руссо и ценны, прежде всего, в этой работе архимандрита и составляли для тогдашнего читателя главное приобретение. Некоторые суждения автора, а также его замечания по поводу теорий европейских философов имеют значение только лишь для характеристики его собственных воззрений, не выходящих здесь за рамки, традиционные для богослова⁷³.

⁷² См там же. – С. 5.

⁷³ См.: Серебряков Ф. Ф. Философия и религия, или архимандрит Гавриил // Наука и религия в глобализирующемся мире. Сборник статей. – Казань: Изд Казан. ун-та, 2007.

Лучшей работой архимандрита является его «История философии» - одна из первых в России, которая первоначально состояла из 4 частей, а потом были добавлены еще 2 части («Прибавления»). В 5-ой части речь идёт о восточной философии (древнеиндийской и древнекитайской, которые архимандрит называет «нечистой», а также, рожденной на земле Палестины – «чистой»). 6-ая часть и есть его известная «история русской философии» - первая в России.

История европейской философии доведена автором до современной ему немецкой философии. В конце 4 части он, например, излагает гегелевскую философию истории философии (по «Лекциям по истории философии»), а в связи с этим обращает внимание на мысль немецкого философа о «тождестве истории философии и философии» (см.: «История философии», часть 4. – Казань, 1839. – С.123). Замечательно, что архимандрит обратил на это внимание.

«История философии» написана вполне добротнo для своего времени (для России); приведен большой список источников, материал обработан профессионально, со знанием дела. Более того, даже если архимандрит большей частью несамостоятелен, материал *про-думан*, а сам автор в этих материалах вполне ясно *вы-сказан* как мыслитель, который имеет свое, вполне определенное, понимание философии и свой взгляд на её историю.

Конечно, богослов в «Истории» иногда сказывается; например, вот в этом: «*Ум человеческий сам собою не может во всём свете постигнуть истину...Такая немощь нашей высшей душевной силы ясно показывает нам состояние нашего повреждения и живо заставляет нас чувствовать нужду в высшем откровении, содержащем благотворнейшие истины для нашего познания*» («История философии», часть 4. – С.192). Есть и другие похожие места, но их немного. В целом автор очень спокойно рассматривает историю философии, приводя мало возражений

(богословского характера), почти не вступая в полемику, без ругани, хотя симпатии свои не скрывает, когда считает нужным это сделать.

Но при этом добросовестно излагает даже взгляды просветителей, материалистов и атеистов, сопровождая это самое большее словами «надменный» (о Руссо), « лжефилософ» (о Гольбахе) и т. п. Даже Гольбаху, который *« более всех писателей старался разрушить самые основания религии, нравственности и политики»* архимандрит посвящает 4 страницы, подробно излагая его « Систему природы». Такая метода изложения историко-философского материала составляет одно из достоинств работы казанского автора и, без сомнения, имела большое значение для добросовестного просвещения широкой читающей публики, располагающей весьма скудным собранием на русском языке историко-философской (тем более - общего характера) литературы. Таким образом, само предприятие архимандрита Гавриила – его « История философии», - независимо от того, как его оценивать с высоты наших лет, было весьма полезным.

Приведем ещё места из книги В. Н. Воскресенского, которые дают представление об аспектах его философских воззрений либо о его понимании значимости философских проблем. *«Бэкон и Декарт в 17 столетии открыли истинный метод философский, на котором должны основываться все будущие труды»* (« История философии», част 4. – С. 5), - говорит автор, имея здесь в виду философию и поиски методов научного познания в Новое время (17 века) вообще, хотя это очень разные методы, и очень разными являются соответствующие им философские системы. *« Декарт своим положением я мыслю, следовательно, существую, поставил навсегда самопознание началом всякого знания философского»* (с. 6). Далее критикует Декарта за то, что он умозрителен, отвергает эмпиризм. Более симпатизирует Локку. Беркли критикует за то, что он утверждал *«отвержение действительного мира внешнего и допустил бытие только идей. Против этого заблуждения...»* (с.7)...

Более проблематичной, но и первой причиной внимания к архимандриту Гавриилу, является 6 часть его книги, которая представляет собой первую в отечественной литературе досоветского периода «историю русской философии». Отношение к ней, как было уже замечено, всегда было разное - от положительного до снисходительного и невысокого (см.: Литература: работы о преподавателях...). Но это и понятно – «история русской философии» архимандрита Гавриила есть первая такого рода книга в России, чем объясняются как её достоинства, так и её недостатки⁷⁴.

Она была первой и писалась тогда, когда никакой *истории* русской философии не было, так как не было и самой *русской философии*: Г. Шпет был прав в значительной мере, когда назвал « историю русской философии» архимандрита Гавриила преждевременной. А приват-доцент Казанского, впоследствии профессор по кафедре философии Харьковского университетов Ф. А. Зеленогорский писал в *1876 году*, сравнивая, Россию с «первенствующими нациями Европы»: «у нас нет ни в истории, ни в настоящее время представителя в философии и науке»⁷⁵.

Книга и не представляет собой «историю философии» в привычном для нас смысле слова, - она есть, большей частью, собрание более или менее больших текстов (и изложений) разных авторов, материалов и сведений о них⁷⁶, с замечаниями и некоторыми рассуждениями автора. Набор имен самый разнообразный. Иоанн Болгарский, митрополит Киевский Никифор, Владимир Мономах, Даниил Заточник, Нил Сорский, Григорий Сковорода, профессор логики и метафизики Московского

⁷⁴ Подробнее о ней см.: Журавлева Л. А. Первый учебник по истории русской философии // Методология и методика преподавания истории русской философии. – Свердловск, 1982.; Медянцева М. П., Никитина Н. П. Из истории философской мысли Казанского университета. Духовное наследие В. Н. Воскресенского // Ученые Записки Казанского университета. – Т. 137. – Казань, 1999; Серебряков Ф. Ф. Философия и религия, или архимандрит Гавриил // Наука и религия в глобализирующемся мире. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2007.

⁷⁵ Ф. А. Зеленогорский. Указ. соч. – С. 21.

⁷⁶ Есть сведения и о Лубкине А. С.

университета Д. С. Аничков, Георгий Конисский, тайный советник М. Н. Муравьев, министр народного просвещения, граф С. С. Уваров, профессор Петербургской Медико-хирургической академии Д. Велланский, епископ чигиринский И. Борисов, московский митрополит Филарет Дроздов... За редким исключением⁷⁷, это - люди, которые не имеют к философии отношения⁷⁸, ибо, говоря словами автора, « *история философии не есть история всех идей человеческого ума* ». Но, полагаем, что преждевременной в таких условиях и в это время была бы и любая другая попытка подобного предприятия. Поэтому, вероятно, судить о работе казанского автора следует, руководствуясь другими соображениями.

Его книга была первой, и этим объясняются во многом трудности ее составления (хотя богословское мышление и образование автора при этом не следует игнорировать), но и заслуги Воскресенского В. Н. тоже.

Верно, что не было истории русской философии, но философские поиски, но рефлексия были, хотя очень часто однообразные и неоригинальные, главным образом переиначивающие (а то и просто излагающие) мотивы восточного богословия. Архимандрит попытался увидеть за этим зародыш « русской философии », заявить её определенность и на этот стержень нанизать « системообразную » группу известных русских « любомудрствующих » умов, явившихся в историческом развитии России. Большею частью в этой « системе », правда, оказались персоны либо околофилософские, либо отстоящие еще далее от этого рубежа.

Архимандрит, однако, не только пишет « историю философии », но и обосновывает наличие русской философии, обосновывает методологические принципы составления её истории (а заодно довольно

⁷⁷ Например, Г Сковороды, о котором автор пишет много и с любовью; Д. Велланского, главы русских шеллингианцев; профессора петербургского педагогического института А. И. Галича и ещё двух-трёх имен.

⁷⁸ О некоторых других, безусловно, имеющих к ней отношение, например о Радищеве, архимандрит, по известным причинам, писать не мог, даже если бы и думал об этом.

здро и справедливо-критически высказывается об историко-философских принципах других, европейских, авторов), к которым нужно всё-таки относиться исторически, даже если считать их не очень убедительными. Так, он предваряет книгу небольшим рассуждением о системах философии (которых, конечно, у нас нет) и философах, которые *«могут существовать во всяком народе, хотя бы и не было систем философских»*. Но при этом не учитывает, что ведь нет и школы, нет традиции школьной (или школьных), нет *«точильного камня научного мышления»*, как по другому поводу высказался В. О. Ключевский⁷⁹, нет, следовательно, и философии, национальной философии.

Автор немногословно указывает на то, в чем заключается особенность «русской философии» («отличительного характера мышления» россиян, предпочитает говорить он) по отношению к «любомудрию»⁸⁰: *«рационализм, соображаемый с опытом»* и *«высшее примирение их в верховном начале всякого бытия»*. Во всяком случае, в этом, при желании, можно видеть и улавливание, а также и (учитывая, что «история русской философии» ещё впереди) предвосхищение характера последней.

Некоторые исследователи склонны рассматривать архимандрита Гавриила как предшественника славянофильства⁸¹. С этим вряд ли можно согласиться, так как славянофильство - это не просто мировоззрение, которое в *«вере находит основание всей философии»* и полагает, что в ней *«примеряются отдельные элементы знания, в том числе и чисто рациональные»*, как говорит А. Ф. Лосев о русских философах и какое понимание мы находим и у архимандрита. Славянофильство есть, прежде всего, очень конкретное социально-политическое, а потом уж культурно-литературное и философское явление, которое непременно предполагает

⁷⁹ Так он называл схоластику.

⁸⁰ Весьма примечательное в свете сказанного сопоставление, если не забывать, что любомудрие и есть по-гречески философия.

⁸¹ См.: Медянцева М. П., Никитина Т. И. Указ. соч.

собственную оппозицию – западничество. Подобного (при всем том любовании, которое обнаруживает автор персонажами своей книги) мы у казанского мыслителя не видим.

Как бы то ни было, но именно архимандрит Гавриил, преподаватель по кафедре философии Казанского университета, предпринял заслуживающую признания и памяти попытку показать конкретно-исторически, в движении истории, что « может собственных платонов российская земля рождать».

Вернемся к истории кафедры и дальнейшей, пришедшейся на вторую половину века, судьбе и творчеству её представителей.

Как было уже сказано, в 1860 году кафедры философии и светская философия в университетах были восстановлены. Понадобилось 10 лет, чтобы пришло осознание и признание того, что *« вследствие закрытия кафедр философии...ощущается большой пробел в умственном развитии студентов..., они лишены возможности изучать исторический ход развития духа человеческого...»*⁸². К тому же, если, например архимандрит Гавриил, возможно, и не испытывал дискомфорта от того, что, прочитав только что лекцию по богословию, скажем по Ветхому Завету, шел читать далее лекцию по логике, о Спинозе или Локке, то даже *«Синод находил нежелательным такое совмещение преподавания закона Божия с логикой и психологией»*⁸³. Впрочем, новый министр народного просвещения, А. В. Головин, обосновал необходимость восстановления кафедр философии более откровенными и искренне-незатейливыми соображениям: *« при совершенном изменении теперь направления современных идей, вполне отражающих в себе чисто утилитарные стремления века»*. Он, вероятно, еще не забыл, как его предшественник П. А. Ширинский-Шихматов через два года после закрытия кафедр философии в университетах, в 1852 году, рапортовал: *« прекращено провозглашение с университетских кафедр мечтательных теорий под именем философии»*.

⁸² Бобров Е. А. Философия в России. – Казань, 1901. – Вып 5. – С. 10.

В казанском университете, однако, кафедра оставалась вакантной до 1867 года. Но это была не только проблемой местной – общероссийской. Через 10 лет, после вторичного открытия кафедр философии «*преподавать философию уже было некому...Преподавание этой науки во всех русских университетах утвердилось не ранее половины 70-х годов*»⁸⁴, – писал Е. А. Бобров в своей «Философии в России».

1 сентября 1867 года приступил к работе в качестве экстраординарного профессора по кафедре философии Казанского университета **Матвей Михайлович Троицкий** (см. Приложение 1), а летом следующего года был утверждён в качестве ординарного профессора.

Это имя можно найти в энциклопедиях и биографических словарях по философии и психологии как в дореволюционных (XX века), так и в советских (а также в современных). Философ-позитивист, психолог, автор, имевший после публикации огромный успех книги «Немецкая психология в текущем столетии»; инициатор создания Московского психологического общества, первым председателем которого он был, наконец, человек, который, по словам В. Соловьева, «*более кого-либо сделал... возможным дальнейшее философское образование в русском обществе*».

М. Троицкий, скончавшийся в 1889 году, преподавал до последних дней своей жизни: вёл курс логики в университете, курсы педагогики в женской гимназии. Но только два года из этих лет приходятся на казанский период. В 1869 году он уезжает в Варшавский университет и позже переходит в Московский, в котором и служил всю оставшуюся жизнь. Так что научная и педагогическая деятельность М. М. Троицкого – это часть истории Московского университета, поэтому этой, основной части его жизни и творчества, мы особенно в дальнейшем касаться не будем, укажем лишь на главные вехи её⁸⁵. В основном проследим, как он оказался в Казанском университете.

⁸³ Очерки истории русской философии. – Свердловск, 1991. – С. 54.

⁸⁴ Бобров Е. А. указ. соч. – С.14.

⁸⁵ См. подробнее: Литература.

Сын дьякона, с тринадцати лет он был отдан в Калужскую семинарию, по окончании которой, имея намерение посвятить себя изучению философии и психологии, поступает в Киевскую духовную академию. Одним из преподавателей академии был П. Д. Юркевич (он читал «Историю философии»), в будущем один из заметных представителей русской университетской философии, у которого за годы учёбы сложилось вполне благожелательное отношение к юноше. Но пройдут годы и вновь пересекутся пути учителя и ученика, которых вскормило одно духовное ведомство. Но тогда они уже будут принадлежать к разным «ведомствам», мировоззренческим, философским. В таких случаях редким и непрочным бывает «частичное» «взаимопонимание», полное – никогда. Это потому, что содержание жизни *философа* состоит в его «заблуждениях», в «мечтательных теориях под именем философии», как однажды, не подозревая того, угадал один, названный выше, русский министр. И когда его лишают его «заблуждений», когда он их лишается – он перестает быть *философом*. Он умирает...А поэтому он сопротивляется, ибо хочет жить...Та, будущая встреча, не могла не оказаться бескомпромиссной. И один, профессор по кафедре философии Московского университета («заведующий»), не допустит в строй «знатоков философии»⁸⁶ другого, добивавшегося ученой степени. «Другой» не согласится...

Вернемся, однако, к 1857 году, когда М. Троицкий окончил академию... Был оставлен бакалавром в Киевской духовной академии... Перешёл на службу в систему просвещения... Потом был отправлен в заграничную командировку «с учёной целью». В германских университетах слушал К. Фишера, Лотце, Тейхмюллера...Готовил материалы для лекционных курсов по логике, психологии; для книги, как оказалось.

⁸⁶ Слова из письма Юркевича Троицкому (см. ниже), в котором объясняется причина отказа в защите диссертации.

Книга (итог его командировки) – «Немецкая психология в текущем столетии. Историко-критическое исследование с предварительным очерком успехов психологии в Англии со времен Бэкона и Локка». Она имела после публикации большой успех, среди знатоков также. М. М. Троицкий представил её в качестве диссертации (1867 год) в Московский университет.

Кафедру философии тогда, как раз, и занимал его бывший учитель по Киевской духовной академии Юркевич П. Д. Он стал первым пореформенным (то есть после восстановления кафедр философии) профессором философии по кафедре философии Московского университета.

Юркевич стал известен благодаря полемике с автором «Антропологического принципа в философии», с Чернышевским. Его заметил М. Н. Катков, редактор «Московских ведомостей» и издатель «Русского вестника», в котором и перепечатал статью Юркевича против Чернышевского... Похлопотал о переводе любезного его теперешней душе человека на вновь открытую кафедру философии в Московском университете.

М. М. Троицкий вернулся из командировки убеждённым сторонником английского эмпиризма и позитивизма, противником «немецкой философии». Но в ту пору, очевидно, позитивизм отождествлялся с материализмом и атеизмом. Ведь даже тогда, спустя много-много лет, когда и сам М. Троицкий будет возглавлять кафедру философии Московского университета, он, позитивист, «однолюб», по словам В. Соловьёва (имеется в виду приверженность «линии» в философии), съездит в столицу (начало 80-х), чтобы заверить начальство в том, что «*эмпирическая* психология» не имеет ничего общего с атеизмом. Впрочем, Ф. А. Зеленогорский, ученик Троицкого по Казанскому университету, в одной своей книге 1877 года прямо отметит эту черту отечественной философской «образованности»: «*позитивизм,*

материализм и индукция отождествляются. Спиритуализм и идеализм принимаются почти постоянно тождественными»⁸⁷.

Так (то есть, что позитивизм = материализму) вероятно, думал и Юркевич (что было очень далеко от взглядов М. Троицкого). «*Полемика Юркевича с Чернышевским более чем на десятилетие определила идейное содержание московской кафедры философии*», - писал В. Н. Ивановский⁸⁸.

П. Д. Юркевич отказал М. Троицкому в защите, объяснив в своём письме к нему, довольно самоуверенно и менторски, это так: «*Если бы я одобрил Ваш труд, то меня сочли бы варваром не только философы наших петербургских трущоб⁸⁹, но и действительные знатоки философии и все, научно образованные люди*»⁹⁰. М. Троицкий направил свою диссертацию в Санкт-Петербургский университет, где весьма успешно и защитил её, после чего был удостоен степени доктора философских наук.

Имея возможность занять кафедру философии и в Одесском, только что открывшемся, университете, М. М. Троицкий выбирает Казань. Наконец, кафедра философии Казанского университета перестала быть вакантной. Но пробыл он на кафедре только два года и в 1869 году сменил Казанский университет на Варшавский, в том году открытый вновь (после закрытия в 1831 году). Троицкого, человека, по всему, честолобивого, амбициозного, Казань, город все-таки провинциальный, видимо, не очень удовлетворяла. А Варшава как ни как – Европа, город почти что столичный. И позже, когда представится возможность занять освободившуюся в связи со смертью П. Д. Юркевича кафедру философии в Московском университете, М. Троицкий ею сразу же воспользовался. К тому же, для М. Троицкого возможность получить московскую кафедру,

⁸⁷ Ф. А. Зеленогорский. Указ. соч. – С. 21.

⁸⁸ Ивановский В. Н. К характеристике М. М. Троицкого.// Вопросы философии и психологии, 1900, кн. 52.

⁸⁹ Вероятно, намёк на Чернышевского и его единомышленников.

⁹⁰ Ивановский В. Н. Указ. соч. – С. 205.

вероятно, имела особое, глубоко личное, значение – ведь именно здесь несколько лет назад ему было отказано в праве на защиту под тем предлогом, что в противном случае «пришлось бы нести тяжесть ответственности» не только перед «действительными знатоками философии», но и «за честь университета»⁹¹.

Кстати, в начале следующего, XX века, такой же переход из Казани в Варшаву совершит и другой профессор по кафедре философии Казанского университета, Бобров Евгений Александрович, занимавший её семь лет. Еще раньше, в начале 70-х годов XIX столетия, в Харьковский университет из Казанского перешёл Ф. А. Зеленогорский, ученик Троицкого.

Что касается М. Троицкого, то в 1875 году он становится профессором по кафедре философии Московского университета. Сначала, правда, на единственную вакансию по кафедре, «идейное содержание» которой «более чем на десятилетие...определила полемика Юркевича с Чернышевским», Совет факультета на должность доцента избрал В. Соловьева, а не позитивиста Троицкого. Но, благодаря упорству последнего, Совет университета утвердил на должность профессора и его.

Позднее М. М. Троицкий будет деканом историко-филологического факультета, ректором. М.Троицкий выступит организатором открытого в 1885 году Московского психологического общества, которое сыграло большую роль в образовании философских и психологических кадров, станет трибуной для философских дискуссий⁹². С ноября 1889 года начнет выходить печатный орган общества – первый российский специальный философский журнал «Вопросы философии и психологии», значение которого в развитии философской культуры, просвещения трудно переоценить⁹³.

⁹¹ Слова из цитированного уже письма Юркевича Троицкому.

⁹² Предпринятая ранее попытка создать в Санкт-Петербурге Философское общество из-за противодействия тогдашнего министра народного просвещения не увенчалась успехом.

⁹³ См. подробнее: Брам Д. Х. К 100-летию журнала «Вопросы философии и психологии» (исторический обзор) // Историко-философский ежегодник-89.- М.: Наука, 1989.

Возвращаясь к короткому, двухгодичному, казанскому периоду деятельности М. М. Троицкого, заметим, что он вряд ли мог много сделать за это время. Но об одной его заслуге следует сказать. Профессор оставил двух учеников – Ф. А. Зеленогорского и А. И. Смирнова, с деятельностью которых, в первую очередь, Смирнова А. И., связана дальнейшая история кафедры.

Если судить по воспоминаниям бывших студентов о пребывании Троицкого в Варшавском и Московском университетах, то он обладал большим педагогическим даром. Был популярен среди студентов, а его лекции, «полные сарказма и иронии», пользовались большим успехом; аудитории, где они читались, набивались до отказа. Правда, многие отмечают, что это достигалось не за счет логики или его собственного учения, а за счет риторики и педагогического стиля. Отмечают даже, что в своих лекциях Троицкий «чужие мысли», в особенности немецких философов, которых он не принимал совершенно и которых, видимо, не понимал, «очищал» так, что «всё органически живое было в них убито», он не оставлял «ни одной сложной мысли, не упростив их до неузнаваемости». Низко оценивали содержание его лекций, слушавшие их В. Розанов, братья Трубецкие Е. Н. и С. Н. Об односторонности говорит и его ученик по Казанскому университету Ф. А. Зеленогорский: *«Проф Троицкий, увлеченный английским эмпиризмом, слишком сильно налегал как в своих учено-философских трудах, так на лекциях на исключительность индуктивного метода, как единственно научного метода»*⁹⁴.

В научной библиотеке Казанского университета нет работ, которые были бы датированы казанским периодом жизни М. Троицкого. Основные работы его были написаны уже после: и «Учебник логики» в 3-х книгах, и двухтомная «Наука о духе», большой труд по психологии, написанный с позиций ассоциативной психологии, убежденным приверженцем которой

⁹⁴ Ф. А. Зеленогорский. О методах исследования и доказательства. – М., 1998. – С. 13.

он был. Это сочинение автор, видимо, считал главной своей работой, но она прошла почти незамеченной, не вызвала особых откликов, что было крайне тяжело воспринято М. Троицким, больно его ранило.

Но к тому времени, когда М. Троицкий пришел в Казанский университет, он уже был автором имевшей большой успех и сделавшей ему имя в научно-философском сообществе (что бы там ни придумывал Юркевич) «Немецкой психологии в текущем столетии». Когда Ф. А. Зеленогорский, имея в виду годы своей учебы в Казанском университете, пишет: «Поступивший сюда на кафедру философии *известный* (выделено мною – Ф. С.) профессор М. М. Троицкий...»⁹⁵ (а это 1867 год), то следует иметь в виду, что этой известностью М. Троицкий был обязан как раз своей «Немецкой психологии», поскольку других книг у него к этому времени просто не было.

Эта книга явилась результатом его поездки в научную командировку в Германию (1862-1864), где он слушал К. Фишера, Р. Лотце, Г. Тейхмюллера...

Уезжая в Германию человеком, симпатизирующим немецким философам, он приехал домой убеждённым сторонником английского эмпиризма и индуктивного метода «*как единственного научного*» (слова его ученика Ф. А. Зеленогорского). И с низким мнением о немецкой философии, которую он, видимо, просто не понимал, с предубеждением против «метафизики».

В этой работе были заложены основные камни его философского мировоззрения, которое, в дальнейшем, только укреплялось в этом направлении, как-нибудь заметно не менялось и выразилось вполне очевидно в его психологических, основных, трудах и исследованиях. Тем более, что М. Троицкий, по словам В. Соловьева, считал ошибочными все другие философские учения и течения кроме тех, каких придерживался он

⁹⁵ Ф.А. Зеленогорский. Указ. соч. – С. 12.

сам ⁹⁶. В. Н. Ивановский, ученик М. Троицкого по Московскому университету и преподаватель по кафедре философии в Казанском университете, скажет, совершенно справедливо, судя и по другим авторам, что *«главная заслуга М. М. состояла в том, что он познакомил русскую публику с английской философией и психологией, что он насадил на русской почве английский эмпирический идеализм и критицизм»*⁹⁷. В. Соловьев тоже считал М. Троицкого *«начинателем некоторой новой умственной эпохи»*.

И хотя отношение М. Троицкого к немецкой философии дало одним повод утверждать, что он совершил *«произвольное надругательство над немецкой философией»* (А. А. Козлов, профессор Киевского университета), а другим – основание думать, что он, сторонник «чистого опыта», не обладал способностью к диалектическому мышлению, к философско-спекулятивному умозрению, его работа в области экспериментальной психологии была вовсе небезрезультативной (например, изыскания в области исследования зрительных и слуховых ощущений ⁹⁸).

«Профессор М. М. Троицкий, не имея в виду долго оставаться в Казани, желал приготовить себе преемника на кафедру философии. Некоторыми профессорами факультета указан был проф. Троицкому для этой цели»⁹⁹ **Зеленогорский Фёдор Александрович**. Но он не долго был на кафедре. Можно сказать, что и вовсе не был...

Сын сельского священника Нижегородской губернии, Ф. А. Зеленогорский поступил и в 1862 году окончил полный курс Нижегородской духовной семинарии. Затем два года учился в Казанской духовной академии. «Наклонность к занятиям философскими науками», как вспоминал позднее Зеленогорский, он чувствовал ещё в семинарии. В академии знакомится с ними ближе. Между прочим, как и многие другие

⁹⁶ Ивановский В. Н. К характеристике Троицкого // Вопросы философии и психологии. – 1900. – Кн. 52. – С. 185.

⁹⁷ Там же. – С. 205.

⁹⁸ См.; Философская энциклопедия. В 5-ти т. – М., 1970. – Т. 5. – С. 258.

⁹⁹ Ф. А. Зеленогорский. Автобиография // Ф. А. Зеленогорский. Указ. соч. – С. 12.

студенты «столкнулся» здесь с «материализмом» и, вероятно, как и они зачитывался Бюхнером. А потом *«много было работы мысли, чтобы рассчитаться с материализмом; на это посвящен был целый год среди других занятий»*¹⁰⁰. Это было, скорее всего, не очень трудно, если имелся в виду именно Бюхнер или его направление – вульгарный материализм. Похоже, Ф. Зеленогорский и сам, вполне сообразно своему же вышеприведённому упрёку, отождествляет вульгарный материализм Бюхнера и иже с ним с материализмом вообще? Ведь в другом месте «Автобиографии» он прямо пишет, что ему *«чужды были материалистические тенденции; рассчитался с ними ещё в духовной академии»*¹⁰¹. Во всяком случае, он не говорит о различиях. А ведь и тогда материализм «клином не сошёлся» на Бюхнере.

Проучившись два года в духовной академии, в 1864 году Ф. Зеленогорский переходит на историко-филологический факультет Казанского университета. По окончании учёбы в 1868 году (с серебряной медалью за сочинение «О греческой трагедии») был «прикомандирован к университету», так как М. Троицкий, «не имея в виду долго оставаться в Казани, желал приготовить себе преемника на кафедру философии». В 1870 г. он защитил диссертацию «О методических приёмах философского мышления Платона» и был утверждён в звании приват-доцента по кафедре философии Казанского университета. Однако вскоре был командирован в Санкт-Петербургский университет, где и написал диссертацию «Учение Аристотеля о душе в связи с учением о ней Сократа и Платона». В этой работе, опубликованной в столице в 1871 году, он, по всему, ещё находился под влиянием своего учителя М. Троицкого.

Далее была командировка за границу на два года. В Германию, естественно, в эту «Мекку» философии. Он слушал Эдуарда Целлера, известнейшего историка античной философии, автора классического труда

¹⁰⁰ Ф. А. Зеленогорский. Автобиография // Ф. А. Зеленогорский. Указ соч. – С. 12.

¹⁰¹ Там же. – С. 14.

«Философия греков в её историческом развитии»; Фридриха А. Ланге, неокантианца, автора известной «Истории материализма» и др.

По возвращении из-за границы (в 1873 г.) Ф Зеленогорский защитил в Варшавском университете магистерскую диссертацию («Учение Аристотеля...») и в следующем году становится доцентом по кафедре философии Харьковского университета. Она оставалась не занятой вплоть до этого, 1874 года, после её вторичного открытия.

Как видим, реально приват-доцентом Казанского университета он не проработал и года. Но, ещё формально числясь таковым, написал «Учение Аристотеля о душе в связи с учением о ней Сократа и Платона». Остальные работы, в которых и выразились его философские воззрения, были написаны уже в харьковский период. О вехах дальнейшей биографии Ф. А. Зеленогорского скажем сжато.

Защитив в Московском университете (1878 г), в качестве диссертации на степень доктора философии, пожалуй, лучшую свою работу «О математическом, метафизическом, индуктивном и критическом методах исследования и доказательства», задуманную ещё за границей и не потерявшую своей ценности и сегодня, Ф. Зеленогорский становится экстраординарным профессором Харьковского университета.

Работа «О методах исследования и доказательства» посвящена истории логики и методологии, теоретико-историческому обоснованию значения философии и «философского воспитания нации» для разработки методологии наук, опровержению того «ходячего мнения», что *« для успеха научных исследований не важно знакомство с философией»*, что *« нужно всячески избегать теорий и стремлений к обобщениям, когда последние претендуют обнять больше, чем сколько заключается в наблюдаемых фактах»*¹⁰². Автор показывает, что *«сопоставление современных национальных представителей в философии и науке главных европейских наций с такими же представителями их в истории не есть*

¹⁰² Ф. А Зеленогорский. Указ. Соч. – С. 21.

сопоставление случайное или произвольное»¹⁰³. Между прочим, далее он пишет: « К сожалению, мы должны сознаться, что мы не имеем философского воспитательного элемента, какой усвоен первенствующими нациями Европы; у нас нет ни в истории, ни в настоящее время представителя в философии и в науке. Правда, у нас теперь делаются усилия самостоятельно работать в науке; обнаруживаются попытки заявиться в ученом мире самостоятельными научными работами и самостоятельными учёными взглядами...Вообще недостаток философского образования у нас ощутителен, и важность его не только не сознаётся, но встречает возражения. Но мы укажем на то характеристическое явление в наших научных опытах, что эти опыты не заключают в себе широких научных обобщений и теорий»¹⁰⁴.

Среди последующих работ Ф. Зеленогорского следует назвать «Очерк развития психологии с Декарта до настоящего времени», историко-философские работы о Г. Сковороде, И. Шаде, первом профессоре по кафедре умозрительной и практической философии Харьковского университета, а также очерки «Из истории греческой философии», публиковавшиеся в 1890-1892 годы в харьковском журнале «Вера и разум». Ф. Зеленогорского интересовали и вопросы педагогики. Он опубликовал в «Журнале Министерства народного просвещения» очень содержательную и вызывающую интерес и ныне статью «Самодеятельность как принцип в воспитании», а для харьковского журнала «Мирный труд» статью «О преподавании философии в университете» (1902 г.), то есть ещё до одноименной работы Е. А. Боброва. Было бы очень интересно ознакомиться с её содержанием, но статьи, к сожалению, нет в университетской библиотеке.

Сам Ф. А. Зеленогорский считал, что для характеристики его «философского мировоззрения» имеет значение речь, произнесённая им в 1893 году на годовичном акте университета «Общая характеристика

¹⁰³ Там же. – С. 19.

движения философии в последние три века в её главнейших направлениях». Приведём некоторые его мысли. « *Ни дуализм Декарта..., ни дуализм Канта...не встретили сочувствия со стороны автора; его симпатии были на стороне самостоятельности и саморазвития индивидуума, а также самостоятельности и саморазвития наций в противоположность пантеизму и космополитизму. Таким образом, и в развитии новоевропейской философии...не в Бэконе,... который не был самостоятельным и оригинальным метафизиком, а в Лейбнице /усматривает направление, которое / противопоставляет направлению Декарта. Рядом с этим не склонен признать за Кантом ту роль реформатора в философии, которую приписывают ему другие. В его философии видит лишь возвращение к дуализму Декарта* »¹⁰⁵.

После 1870 г., как мы видели, кафедра философии вновь оказалась вакантной. И в 1871 году для чтения лекций по логике и психологии был приглашён выпускник и доцент Казанской духовной академии, читавшей в ней те же курсы, **Вениамин Алексеевич Снегирев**.

В 1885 году он становится приват-доцентом по кафедре философии, но в следующем году возвращается в академию, возглавляет кафедру логики и психологии. Профессор Казанского университета, историк церкви К. В. Харлампович в очерке о Казанской духовной академии, помещённой в VII томе (1907г.) «Православной богословской энциклопедии», говорит и о В. А. Снегиреве, отмечает его «редкою у философов ясность изложения». Это находили и другие авторы, вовсе не разделявшие его философских взглядов. Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с его солидной, объёмом в более, чем 600 страниц, «Психологией»¹⁰⁶, а также «Логикой», имеющимися в библиотеке КГУ, опубликованными, правда, уже после смерти «русского логика», как сказано о нём в советской «Философской энциклопедии» (М.,

¹⁰⁴ Там же. – С. 21.

¹⁰⁵ Ф. А. Зеленогорский. Указ. соч. – С. 15.

¹⁰⁶ См.: Приложение 2.

1970. – Т. 5. – С.38). При жизни философа и богослова были изданы только небольшие работы, в том числе и сочинение по психологии сновидений.

Психологию В. Снегирев считал центральной из философских наук и симпатизировал английской эмпирической психологии, что было обыкновением в тогдашней «русской философской науке» ещё с XVIII века¹⁰⁷. В философии проделал путь от «истинной философии», основанной на вере, и увлечения Шеллингом (не его натурфилософией) к спиритуализму. Был убежден, как отмечал его ученик В. Н. Несмелов, представитель русской «религиозной философии», «в самостоятельном начале душевных сил»¹⁰⁸. И, конечно, не питал любви к немецкой философии: к «фантастическому умозрению» Гегеля, к «безысходному философскому болоту» Канта и, разумеется, к «противонаучному материализму». Это достаточно ёмко характеризует философские воззрения В. А. Снегирёва.

В 1873 году становится доцентом по кафедре философии **Аполлон Иванович Смирнов**.

По окончании университета он преподавал в Нижегородской гимназии, потом был командирован в Варшавский университет. Защитил магистерскую диссертацию. В 1881 году А. И. Смирнов, защитив диссертацию на степень доктора философии, становится ординарным профессором по кафедре философии Казанского университета. В 1897 году был избран деканом историко-филологического факультета¹⁰⁹.

Смирнов А. И. – автор многих работ (см.: Приложение 2) – он ведь преподавал ещё по кафедре красноречия. Круг его интересов весьма широк – от аксиом геометрии и методологии физико-математических наук до эстетики, философии Беркли, английских моралистов, французских коммун XVIII века и проблемы бессознательного.

¹⁰⁷ Одно из убедительных объяснений этому см. выше (примечание 51) у В. В. Зеньковского.

¹⁰⁸ В. А.Снегирев. Психология. Систематический курс чтений по психологии. – Харьков, 1901. – С. XIV.

¹⁰⁹ См. подробнее в Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и Н. А. Ефрона, т. XXX.

В казанском Физико-математическом обществе он прочитал на заседании, посвящённом памяти Лобачевского, речь «Об аксиомах геометрии в связи с учением негеометров о пространствах разных форм и многих измерений».

Но мы хотим обратить внимание на публичную лекцию, прочитанную А. И. Смирновым в 1902 году. Она называется «О воспитании характера». А. Смирнов полагает, что *«целью воспитания должно быть не одно лишь развитие умственных сил, а также образование воли энергической и твердой, направленной к нравственно-добрым целям»*¹¹⁰ - (выделено мною – Ф. С.). И далее говорит: *«Чтобы быть хорошим воспитателем детей, нужно иметь ясное, отчётливое понятие о душевной жизни, о её законах, ...и особенно быть хорошо знакомым с психологией детского возраста, с особенностями детской души»*¹¹¹.

Автор отмечает, что *«исследования детей по современным методам антропологии и физиологической психологии у нас в России почти совсем отсутствуют. Другие государства Европы в этом отношении далеко нас опередили»*¹¹². Лекция А. Смирнова, полная отдельных тонких наблюдений и психологических заключений, является, несомненно, результатом его долгих раздумий над этой проблемой и представляет собой одну из первых и тогда ещё немногих попыток размышлений в области детской психологии и педагогики.

Рассматривая проблему соотношения воспитания и наследственных наклонностей, которую А. Смирнов считает одной из важнейших в этой области, казанский профессор остается при той уверенности, что *«вся педагогическая практика основана на том убеждении, что возможно видоизменять, ограничивать, направлять природные свойства, и таким*

¹¹⁰ А. И. Смирнов. О воспитании характера. – Казань, 1902. – С. 4.

¹¹¹ Там же. – С. 13.

¹¹² Там же. – С. 13.

образом, если не всецело создавать, то по крайней мере оказывать значительное, а иногда и решающее влияние на их образование»¹¹³.

С 1889 по 1896 г. приват-доцентом по кафедре философии состоял **Викентий Францевич Лютославский**, который получил степень магистра ещё в Дерптском университете.

Значительную часть этого времени В. Лютославский провёл за границей. Список его трудов также включает, в основном, английские и немецкие издания¹¹⁴. В библиотеке Казанского университета имеется только его вступительная лекция «О значении и задачах истории философии», прочитанная в сентябре 1889 года студентам университета при открытии курса по философии и опубликованная в следующем году в «Вопросах философии и психологии»¹¹⁵. Содержание этой работы имеет значение не толь как выражение его личного мировоззрения. Излагая свое понимание причин заметно возросшего в это время количества исследований по истории философии и вообще интереса к ней, В. Лютославский, в сущности, затрагивает проблему соотношения философии и истории философии, имеющую принципиальное теоретическое значение, в том числе для понимания сущности философии и притом до сих пор не имеющую однозначного решения; даже после принципиального разъяснения Гегеля в его "Лекциях по истории философии».

Эту проблему В. Лютославский *прямо* ставит только в одном-двух местах, но подразумевается она постоянно, - если и не рассуждением о ней, то рассуждением о «значении истории философии», теоретической сутью которого всё же остается эта проблема, а не функции истории философии, как полагает В. Лютославский.

В работе казанского философа мы найдем и такие замечательные мысли: *«история философии – это не случайное дополнение к самой науке*

¹¹³ Там же. – С. 10.

¹¹⁴ См. его библиографию в «Биографическом словаре профессоров...».

философии, а необходимая часть её». Но разочарование наступает потом, когда узнаём, почему же она «необходимая часть её». Оказывается потому, что посредством истории философии мы *«переживаем внутренний опыт давно умерших поколений»*.

Переживаем, конечно. И это, психологическое, значение истории философии есть факт, который могут признавать люди, совершенно иначе смотрящие на соотношение философии и истории философии (например, «гегельянцы» и люди, полагающие, что история философии есть «музей»). Поэтому педагогическое, метафизическое и психологическое значения истории философии, о которых говорит В. Лютославский есть только «значения», но этим ещё ни сколько не высказан взгляд на действительное соотношение философии и истории философии.

Такое «психологическое» понимание истории философии не выходит за пределы её понимания как музея мирозерцаний, истории переживаний, озарений, уникальных проявлений духа. Здесь нет научной истории философии. Здесь мы ещё находимся на уровне занимательных историй доксографов. Это – альбом психологических портретов «давно умерших мыслителей» к философии, связь с которой, по крайней мере, не ясна и уж тем более не предполагается *необходимо*. Объективного значения истории философии – или объективной истории философии – здесь нет.

В действительности, каждая философская система есть лишь относительная истина, но в совокупном движении философской мысли они обнаруживают логику развития последней, обнаруживают шаги шествия объективного духа философии. Поэтому история философии тождественна философии, которая есть история философии в сжатом виде.

В. Лютославский обработал § 69 – о философии в России – в известном Ueberweg- Heinze. Grundriss der Geschichte des Philosophie (

¹¹⁵ В. Ф. Лютославский. О значении и задачах истории философии. Из журнала «Вопросы философии и психологии». – М.: Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнер и К., 1890.

часть 3) вместе с *Евгением Александровичем Бобровым*, который после него с 1896 по 1903 год будет занимать кафедру философии.

Сын землемера, вышедшего из крестьян, Е. Бобров родился в Риге, окончил Екатеринбургскую гимназию. Учился в Казанском университете, потом (1889г) на историко-филологическом факультете Юрьевского (Дерптского) университета, который успешно и окончил.

В университете его учителем был известный немецкий профессор философии, перешедший на русскую службу в Юрьевский университет, Густав Тейхмюллер, персоналист, лучший в России, по словам Е. Боброва, знаток Аристотеля. О нем он всегда вспоминал с большой теплотой ("мой уважаемый учитель")¹¹⁶. Тейхмюллер был в свою очередь учеником известного немецкого философа, критика Гегеля Адольфа Тренделенберга, которого слушали Фейербах, Маркс, Кьеркегор, Brentano.

По окончании университета Е. Бобров был оставлен в университете, написал магистерскую диссертацию «Отношение искусства к науке и нравственности», три года (до 1896) преподавал в Юрьевском университете, затем перешел в Казанский. Здесь он занимал кафедру философии до 1903 года и более 10 лет преподавал затем в Варшавском университете. В 1915 году, после начала первой мировой войны, Варшавский университет был переведён в Ростов-на-Дону и в дальнейшем стал известен как Северо-Кавказский университет.

Вместе с университетом переехал и Е. А. Бобров, который в советские годы читал здесь историю русской литературы, вел семинарий научно-исследовательский по истории литературы¹¹⁷. Кстати, в бытность

¹¹⁶ Воспоминания о Тейхмюллере Е. А. Бобров поместил в первом выпуске своих «исследований и материалов» «Философия в России»; см. также его «О понятии искусства. Умозрительно-психологическое исследование» (Приложение 2).

¹¹⁷ Вот некоторые темы этого семинария, которым руководил Е. А. Бобров, некогда гордившийся, что он является последователем Тейхмюллера и панпсихизма А. Козлова, убежденного противника материализма, и сам полагавший, что материализм даёт «несостоятельное объяснение ходу вселенной»: «О значении искусства в трудовом обществе», «О древнегреческом поэте-хлеборобе Гесиоде в свете социологического метода». В конспекте последнего доклада у Боброва сказано: «классовый принцип

свою в Казанском университете организовал студенческий философский кружок, первый такого рода здесь.

В Казанском университете Е. А. Бобров читал разные курсы: логику, психологию, гносеологию, историю древней и новой философии, педагогику и историю педагогики. О своем университетском педагогическом опыте и формах занятий Е. А. Бобров пишет в «Преподавании философии в университетах» - см.: Приложение 3 и комментарий к нему.

Был он и весьма плодовитым автором (см.: Приложение 2; здесь приведены только работы, имеющиеся в библиотеке КГУ). Помимо трудов, которые имеют преимущественно значение для характеристики его собственных философских воззрений, есть в его наследии и сочинения, которые и до сих пор представляют интерес и ценность при изучении и осмыслении российской культуры и её истории, а также имеют значение в контексте обращения к истории древнегреческой философии. Некоторые из этих работ были написаны в казанский период его жизни. Кроме произведений, приведённых в Приложении 2 (т. е. имеющихся в библиотеке Казанского университета), назовём ещё некоторые: «Этюды по метафизике Лейбница» (Варшава, 1905), «Логика Аристотеля» (Варшава, 1906), «Философские этюды. Т. 1-4» (Варшава, 1911), «Этюды по истории древней философии» (Варшава, 1914), «История древней философии» (Варшава, 1915; Ростов н /Д., 1916).

Если каждая работа, написанная тем или иным автором, имеет значение в его творческой биографии; если только через все эти их творения-муки мы и можем рассчитывать их понять, задавшись такой целью, то лишь некоторые из их трудов, размышлений, прозрений, исповедей, спустя многие годы, могут иметь значение для нас, пытающихся сохраниться в каком-нибудь культурном и философском

чрезвычайно удобно проводится при анализе творений Гесиода». Что ж, как говорится в древней пословице, времена меняются, а вместе с ними меняемся и мы.

пространстве. Даже от самых великих в истории остаются (и не потому, что утрачены) далеко не все их творения. Впрочем, не редко забытые мысли забытых авторов забытых трудов оказываются, к нашему наивному удивлению, актуальными, едва мы по той или иной причине откроем эти забытые труды.

Среди работ Е. А. Боброва есть произведения – историко-философские и историко-литературные – интересные и поныне. Интересные и содержательные. В них, во всяком случае, порой содержатся уникальные материалы, частности по истории русской культуры и философии.

Такое значение, например, имеют 6 выпусков «Философии в России», подготовленных в Казани, - см.: Приложение 2. Книги имеют подзаголовок: «материалы, исследования и заметки». Эти «исследования и заметки» очень разные и по объему, и по темам, и по эпохам, и по содержанию. Но все вместе они дают богатый, полезный и разносторонний «материал» по «истории философии в России». Вот как оценивал «Философию в России» ученик Е. Боброва, известный у нас в будущем исследователь античной философии и автор «Досократиков» А. О. Маковельский, хорошо знакомый с ситуацией в тогдашней русской философской и историко-философской литературе: она «*заложила фундамент новой дисциплины – истории русской философии...Мимо...не может пройти ни один исследователь судеб философии в России, ни один историк русской культуры*»¹¹⁸.

Первый выпуск посвящён ординарному профессору Киевского университета А. А. Козлову, проводнику в нашей литературе «панпсихизма», которого Е. Бобров очень высоко ценил. Хотя и не во всём («я не разделяю его ошибок: идеализм не может дать переход от общей идеи к единичным вещам, не может представить обещанного вывода материального принципа из духовного»), но в основных положениях

«панпсихизма», по всему, разделял его взгляды. Е. Бобров называет А. А. Козлова «бесспорно, замечательнейшим из современных русских философов»¹¹⁹. Одно время А. А. Козлов издавал философско-литературный сборник «Своё слово» для борьбы с «идеализмом, позитивизмом и обыкновенно тесно с ним связанным материализмом», который Е. Бобров рекомендует своим студентам как «полезное для ознакомления с философией». Издавал также один из первых философских журналов «Философский трехмесячник»; правда, успехом он не пользовался, так как А. Козлов печатал в нём преимущественно материалы собственного направления.

Вот некоторые воззрения А. Козлова, которые Е. Бобров приводит сочувственно, без критики и которые в той или иной форме, часто в дословном виде, мы находим и в его собственных работах (например, «О понятии бытия», «Из истории критического индивидуализма», «О самосознании» - см.: Приложение 2): «Действительное бытие есть дух, а не материальное... Тела же суть видимость и значки, под которыми нам являются духовные субстанции»; «и первичные, и вторичные качества – наша принадлежность»; «время не есть нечто реальное, существуя лишь в нашей мысли»; «материя... нереальна»¹²⁰.

В первом сборнике Е. Бобров также опубликовал свои воспоминания о Г. Тейхмюллере, стороннике неoleyбницианства. Еще ранее, сблизив их взгляды¹²¹, Е. А. Бобров написал работу «О понятии бытия. Учение Г. Тейхмюллера и А. А. Козлова» (Приложение 2).

Второй и третий выпуски посвящены шеллингианству в России и А. Н. Радищеву. В целом, взгляд на Радищева у него таков: «надобно раз и навсегда причислять его (подчиняясь поверхностному взгляду Пушкина) к

¹¹⁸ Работы профессора Е. А. Боброва по философии // Известия Северо-Кавказского государственного университета. – 1928. – Т. III (XVI). – С. 6.

¹¹⁹ Е. А. Бобров. О понятии искусства. Умозрительно-психологическое исследование. – Юрьев: Печатня К. А. Германа, 1894. – С. 3.

¹²⁰ Е. А. Бобров. Философия в России. – Казань, 1900. Вып. 1. – С. 14, 15.

последователям французских материалистов XVIII века»; он был «представителем критического индивидуализма или панпсихизма»¹²².

В 4-5 сборниках представлены небольшие очерки о некоторых профессорах философии в российских университетах, в том числе и о профессоре богословия Казанского университета протоиерее А. П. Владимирском, которому после закрытия кафедры философии было присвоено звание ординарного профессора философии и поручено чтение лекций по логике и опытной психологии. К этому протоиерею, который до той поры вел в Казанской духовной академии библейскую историю и церковное право, пишет Е. А. Бобров, был совершенно не подготовлен.

В одном из сборников есть очерк о знаменитом профессоре сельского хозяйства М. Г. Павлове, о котором А. И. Герцен писал, что «германская философия была привита Московскому университету М. Г. Павловым».

И это только некоторые «исследования и заметки» из «Философии в России». К ней примыкают и другие аналогичные работы, в том числе написанные и изданные в казанский период жизни профессора: «Философия и литература. Сб. статей», «Литература и просвещение в России. Материалы, исследования и заметки» в 4 томах – см.: Приложение 2.

Что касается философских взглядов Е. А. Боброва, то они изложены в ряде его работ, таких, как «Из истории критического индивидуализма», «О понятии бытия», «О понятии искусства», «О самосознании», «Этические воззрения графа Толстого и философская их критика».

Е. А. Бобров – сторонник «критического индивидуализма» Г. Тейхмюллера и «панпсихизма» А. А. Козлова с тем небольшим отличием, что кое в чем считает нужным не согласиться с одним (с Козловым – см. выше) и дополнить другого (к понятиям Тейхмюллера «бытие

¹²¹ А. А. Козлов, в целом, придерживается, по мнению Боброва, в вопросе о бытии Тейхмюллера, но ему «нельзя отказать в собственной оригинальности» («О понятии бытия», с.5).

¹²² Е. А. Бобров. Философия в России. – Казань, 1900. Вып. 2-3. – С. 529, 531.

субстанциональное», «бытие реальное», «бытие идеальное» прибавляет понятие «бытие координальное»). Причём, в очерке о Радищеве в сборнике «Философия в России» Бобров отождествляет эти понятия: «критический индивидуализм или панпсихизм» (см. выше).

Критический индивидуализм, «философию личности» (как он называет собственные взгляды) Е. Бобров определяет так: «истинный и строгий критицизм в соединении с индивидуалистической метафизикой»¹²³. Причем, последнее понятие («индивидуалистическая метафизика») здесь есть отождествление «понятия субстанции с понятием индивида, особи или личности», а «критицизм» суть обращение к «психологическому исследованию нашего знания», которое «ограничивает пределы его областью собственного сознания и показывает, что весь, так называемый, внешний мир есть призрак». С этих позиций критикует не только материализм как метафизическое учение (поскольку имеет свою онтологию), но и объективный идеализм (который называет универсализмом) платоновского и гегелевского типа за то, что в основу учения кладётся «общее», а не «личность, индивид, особь». «Сознание и индивидуальная субстанция, - пишет он в другой работе («Психологические воззрения древних греческих философов»), - вот основа новой метафизики»¹²⁴.

В другой работе, «О понятии искусства», Е. А. Бобров свои взгляды также определяет («я исповедаю») как «персонализм». Говорит даже так: «Я охотно назвался бы «эгоистом», т. е. приверженцем философии «я», что довольно точно близко выражало бы сущность дела»¹²⁵.

В основе своей философские воззрения Е. Боброва – субъективно идеалистические, хотя он не употребляет этого понятия и критикует идеализм (объективный - «одно из грандиознейших заблуждений человеческого ума», поскольку есть гипостизация понятий в силы и

¹²³ Е. А. Бобров. Из истории критического индивидуализма. – Казань, 1898. – С. 41, 4, 50.

¹²⁴ Е. А. Бобров. Психологические воззрения древних греческих философов. – С. – Пб., 1906. – С. 54.

¹²⁵ Е. А. Бобров. О понятии искусства. – Юрьев, 1894. – С. 9.

существа). Приведем несколько его мыслей по фундаментальным проблемам. Из **«Истории критического индивидуализма»**: «чувственный мир есть не более, как ряд комплексов наших собственных разнообразных ощущений»; «критицизм», точку зрения которого он всецело разделяет, «рассматривает мир как субъективное представление»; «показывает субъективное происхождение всех категорий и показывает, что...пространство, время, движение, материя суть простые перспективы или способы нашего воззрения, которым вне нас ничего не может соответствовать». **«О понятии бытия»**: « в самосознании лежит единственный источник нашего понятия о бытии»; присоединяется к мнению Г. Тейхмюллера, что предубеждением является то, что будто бы «к понятию вещи относится и признак бытия». Правда, последние мысли не сугубо субъективно идеалистические, однако, весьма характерные для Е. Боброва. Очень забавно, что в одной статье советского периода (к 30-летию педагогической деятельности Е. А. Боброва) говорилось, что его учение о бытии « уже направлялось, в сущности, к материализму», к тому, «что теперь утверждается в диалектическом материализме»¹²⁶.

Среди учеников Е. Боброва по Казанскому университету были А. О. Маковельский и И. И. Ягодинский, оба в скором будущем преподаватели по кафедре.

Ещё при Боброве стал преподавать по кафедре **Александр Дмитриевич Гуляев**. Сын священника, по окончании семинарии поступил в Казанскую духовную академию, затем перешёл в Казанский университет. Был оставлен на кафедре «для специального изучения исторических и философских наук», занимался под руководством А. И. Смирнова. Затем была командировка в Московский университет, где он слушал Л. Лопатина и С. Трубецкого. Приват-доцент А. Д. Гуляев преподавал по кафедре с 1902 по 1920 год. Начало 20-х годов были очень непростыми, а в материальном отношении - хуже того для университетской профессуры

¹²⁶ Известия Северо-Кавказского университета. – 1928. – Т. III (XVI). – С. 9.

(говорим здесь только о ней), и А. Д. Гуляев вместе с А. О. Маковельским, своим коллегой по кафедре, принимает предложение переехать в Баку, в недавно (в 1919 г.) открывшийся Азербайджанский университет. Здесь он заведовал кафедрой истории философии, с 1923 по 1926 год был ректором, читал разные курсы по философским наукам и педагогике, в том числе и по кафедре диалектического материализма.

Судя по всему, основная область интересов А. Д. Гуляева – история философии. В библиотеке Казанского университета имеются только две его большие работы (помимо программ по логике, истории древней философии и отзыва на магистерскую диссертацию В. Н. Ивановского) и обе также по истории философии. Это – вышедшие в 1915 году «Лекции по истории древней философии» (231 с) и «Этическое учение в «Мыслях» Паскаля» (1906, 276 с). Представление о структуре его «Лекций» можно получить по «Программе по истории древней философии» – см. Приложение 4. Для характеристики, по крайней мере, философской осведомлённости А. Гуляева, быть может, показательна такая деталь: в отзыве на магистерскую диссертацию В. Н. Ивановского «Ассоциационизм психологический и логический» (1909) он считает необходимым отметить в числе недостатков работы¹²⁷ то, что автор «*ни слова не говорит о знаменитом теперь Гуссерле*».

В 1904 году приглашение в Казанский университет получает **Владимир Николаевич Ивановский**.

Сын учителя, он после окончания гимназии поступил в Московский университет, который и окончил в 1890 году. Подрабатывал частными уроками, сотрудничал в журнале «Вопросы философии и психологии», даже занимался книгоношеством. После сдачи магистерских экзаменов был оставлен в Московском университете. Становится приват-доцентом. Проходит научную командировку в Германии: слушает Дильтея, Зиммеля,

¹²⁷ Отзыв был, в целом, благожелательным.

Бергсона. Участвует в работе 1-го международного философского конгресса в Париже, даже выступает с докладом на нём.

В 1904 году был приглашён в Казанский университет и, приняв приглашение, был зачислен приват-доцентом по кафедре философии. В том же году вновь оказывается на международном философском конгрессе (2-ом), на этот раз в Женеве, в составе русской делегации из 20 человек. На конгрессе выступают Виндельбанд, Бергсон, др. В. Ивановский участвует в прениях. Вместе с другим представителем Казанского университета, проф. А. В. Васильевым, отцом в скором будущем преподавателя по кафедре философии русского логика Н. Васильева, был избран в международную комиссию по устройству философских конгрессов¹²⁸.

На кафедре оставался до 1912 года, когда под давлением попечителя учебного округа, с подозрением относившегося к его общественно-педагогической активности, был вынужден её покинуть.

Среди работ В. Ивановского (имеющихся в библиотеке университета), действительно, значительное их число - работы по педагогике и проблемам образования. Это тема, которая, судя по их работам, занимала всех преподавателей по кафедре философии последних предреволюционных годов. Есть такие работы и у Боброва, а также у Маковельского, Ягодинского, Васильева, Сотонина. Есть они и у В. Несмелова, который некоторое время перед закрытием историко-филологического факультета работал в университете.

Сказать, что это – обыкновенная тогда вещь среди «старорежимных» профессоров нельзя. Профессор Е. Бобров писал: *«вопрос о методах преподавания той или другой науки, к сожалению, в общем мало вызывает к себе интереса среди университетских преподавателей.*

¹²⁸ См.: В. Н. Ивановский. Второй международный философский конгресс в Женеве / 4-8-го сентября 1904г. / . – СПб., 1904.

Большинство последних совершенно игнорирует педагогические вопросы...» – см. Приложение 3.

Не знаю, насколько приблизились к этому «интересу» профессора других российских университетов, но такой общий и самостоятельный «интерес» профессоров Казанского университета свидетельствует о том, что их долгий педагогический опыт и размышления привели к пониманию того, что именно образование является тем узлом, развязывание которого способно в некотором смысле послужить локомотивом общественного развития. Отсюда – внимание к проблемам педагогики, образования, реформирования и оптимизации школьной, вузовской системы.

Среди педагогических работ В. Ивановского есть доклад «Предметная система в наших университетах и её применение к философским наукам, опубликованный в «Журнале Министерства народного просвещения» (ЖМНП)¹²⁹. Автор предлагает перейти от «курсовой» (когда учились и сдавали экзамены по всем факультетским курсам) к «предметной» системе учебных планов, то есть по отделениям и более мелким группам и специальностям. Эти группы формируются из ряда родственных наук с центром из крупного предмета преподавания. В группу «философских наук» следует, по мнению В. Ивановского, включить группу пропедевтических курсов (логика, психология, введение в философию, общее языковедение, греческие и латинские авторы), основные курсы (секция психологии, философские науки о природе, философские науки об обществе и культуре) и вспомогательные. *Историю философии и гносеологию, полагает автор, обязаны изучать студенты всех секций.*

Между прочим, В. Ивановский заявляет, что недостатком современной (1907 г.) постановки образования в Казанском университете является то, что *«в числе отделений вовсе нет, например, отделения столь*

¹²⁹ В. Н. Ивановский. Предметная система в наших университетах и её применение к философским наукам"»// ЖМНП. – 1907. – ЧастьXIII, ноябрь.

важного, как философский»¹³⁰. На историко-филологическом факультете, продолжает он, «признана необходимость образовывать философские группы», но пока об этом «нечего и думать» из-за малочисленности кафедры. Что ж, должно было пройти целых долгих 90 лет прежде, чем этот недостаток будет устранён.

Следует привести и мысли В. Ивановского из его речи «К вопросу о генезисе ассоциационизма», характеризующие его твердую убежденность в выдающемся значении философского образования в системе образования вообще. *«Философское образование должно составлять основу всякого специального образования, в том числе психологического»*. Ибо и теория познания – через критику понятий, - и *история философии* – через установление их закономерного развития в прошлом человеческой мысли – *«утверждают идеи относительности и изменчивости этих понятий...и предохраняют от неподвижного догматизма и наивного самодовольного некритического мышления»*. *«Поэтому желательно, чтобы...в университете с философией знакомилось возможно большее число студентов всех факультетов и специальностей»*. Но, разумеется, при этом и преподавание философии *«должно иметь не догматический, а критический характер, ставить себе целью не только и не просто сообщение и запечатление в умах готового философского учения, а побуждение слушателей к исканию и развитию мыслей»*¹³¹.

О философских воззрениях В. Н. Ивановского можно получить представление по ряду его работ, таких, как его магистерская диссертация «Ассоциационизм психологический. Историко-критическое исследование», «К вопросу о генезисе ассоциационизма», «Памяти И. Канта», «Введение в философию», «К характеристике М. Троицкого» - см. Приложение 2.

¹³⁰ В. Н. Ивановский. Указ. соч. – С. 11.

¹³¹ Ивановский В. Н. К вопросу о генезисе ассоциационизма. – Казань, 1910. – С. 27.

На него сильное влияние оказал его учитель по Московскому университету М. М. Троицкий. И хотя В. Ивановский не всецело разделял его взгляды, обнаружил критический подход к некоторым их аспектам¹³², но полностью освободиться от этого влияния не смог. В. Н. Ивановский – позитивист, сторонник британского эмпиризма и ассоциационизма, историко-критическому исследованию которого он посвящает большой труд «Ассоциационизм психологический и гносеологический».

Ассоциационизм, говорит В. Ивановский, вырастает в XVIII веке из давно уже известного факта связывания идей по смежности, сходству и контрасту. И далее весьма подробно исторически рассматривает становление ассоциационизма из двух его источников: математического естествознания Нового времени и «критики познания», восходящей к Юму, к английской философии. Далее замечает, что эти «два элемента» остались внутри ассоциационизма «непримиримыми»: для математического естествознания материальный мир представлялся определяющим, а «другая тенденция – берклианская, имевшая решительно идеалистический характер».

Говоря о британском эмпиризме, В. Ивановский в речи перед диспутом по его магистерской диссертации, заявляет, что одна тенденция в нем *«шла от Бэкона и Гоббса, её можно найти и у Локка»*, другая тенденция – *«берклианская, имевшая решительно идеалистический характер»*. Сам он, по всему, был склонен к первой.

Вот ещё его мысль: *«Основной и центральной проблемой гносеологии являются вопросы об отношении между мышлением и*

¹³² Так, он пишет: «Профессор Троицкий видел в ассоциационизме едва ли не окончательное решение гносеологических проблем – доктрину, едва ли не завершающую всё развитие теории познания, ...и это убеждение отражалось и на его отношении к истории проблемы: сам собою подбирался в этой истории преимущественно тот материал, который отвечал общему теоретическому убеждению» – Ивановский В. Н. К вопросу о генезисе ассоциационизма. – Казань, 1910. – С. 3, 4.

бытием, или о значимости познания, и последних условиях всякого опыта и познания»¹³³.

Значение для характеристики его взглядов имеет и речь «Памяти И. Канта», с которой он выступил на заседании Физико-математического Общества при Казанском университете в марте 1904 года.

Мы убеждены, говорит он здесь, что оба направления в современной гносеологии – «психологическое» и «трансцендентальное» – «в своей крайней формулировке односторонни»¹³⁴.

«С одной стороны, мы должны (согласно основному положению критической философии) *познать* для того, чтобы утверждать *существование*. С другой, анализ самого познания показывает нам, что должны *существовать* в субъекте некоторые условия для того, чтобы стало возможным само *познание*, и что, следовательно, нам приходится *предполагать* существование кое-чего независимо и раньше познания... Для нас отсюда вытекает обязанность дать в своем мировоззрении место обоим ответам, совместить так или иначе Юма с Кантом.. И таково именно, на мой взгляд, основное направление современной гносеологии...»¹³⁵.

В 1906 году приват-доцентом по кафедре философии становится **Иван Иванович Ягодинский** – выпускник историко-филологического факультета Казанского университета, ученик Е. А. Боброва. Ординарным профессором стал после ухода с кафедры В. Н. Ивановского и оставался на кафедре до 1917 года. «При временном правительстве все назначенные Кассо [царским министром просвещения] профессора были сняты с работы»¹³⁶. О дальнейшей его судьбе нам известно только, что ещё в 1928 году он преподавал в Северо-Кавказском университете (вместе с Е. А. Бобровым).

¹³³ Ивановский В. Н. К вопросу... - С. 25.

¹³⁴ В. Н. Ивановский. Памяти И. Канта. – Казань, 1905. – С. 6.

¹³⁵ Там же. – С. 12.

¹³⁶ Советская педагогика. – 1939. - № 3. – С. 159.

Под влиянием своего учителя И. Ягодинский ещё в студенческие годы увлекся Лейбницем и не утратил к нему интереса и во все последующие годы, в том числе – советские. Правда, это были другие времена, другие ценности, другие авторитеты. О том, как время нашло отражение в статье И. Ягодинского об очерке Лейбница о свободе воли, опубликованной в 1928 году в «Известиях Северо-Кавказского государственного университета» (т. III), можно судить по таким, например, его «открытиям». В работе И. И. Ягодинский ссылается на Н. Бухарина – марксистский авторитет в это время ещё всеми признанный, и далее добавляет, что у него в этом вопросе имеется *«нечто новое по сравнению с Лейбницем» (!)*.

И. И. Ягодинский был логиком (он автор солидной монографии «Генетический метод в логике»), исследователь творчества Лейбница, автор одной из немногих в дореволюционной российской историко-философской литературе работ о софистах («Софист Протагор»), в которой очень высоко оценивает великого греческого мудреца.

Много писал по проблемам образования и педагогики. Интересна, например, его статья в «Вопросах образования и воспитания» (1914, декабрь) «Несколько слов о преподавании философской пропедевтики в средней школе». В качестве таковой он, кстати, рекомендует чтение Платона и Лейбница. Как видим, в вопросе о возможности довузовской философской пропедевтики И. Ягодинский расходится со своим учителем, Е. Бобровым, который не считал полезным ознакомление с философией до университета (см. Приложение 3).

На одно суждение И. Ягодинского из этой статьи хотим обратить особое внимание, ибо оно имеет значение для выражения *принципиального* воззрения на один из важнейших вопросов – сущности историко-философского процесса, вопрос о соотношении философии и истории философии и, в конечном счете, понимании философии. И это понимание, обнаруженное И. И. Ягодинским, вызывает разочарование – В.

Ф.Лютославский в лекции, прочитанной за 25 лет до этого «О значении и задачах изучения истории философии», в этом вопросе высказывает, хотя и не совсем удовлетворительное, но все же значительно более глубокое понимание. И. И. Ягодинский стоит ещё на архаичных, догегелевских позициях – для него история философии есть только «музей». Он пишет: *«История философии – это музей...В ней трудно найти то, что называют философией...в истории философии мы видим только мелькание разного рода концепций в их отношении друг к другу»*¹³⁷.

В рассматриваемые года на кафедре философии одновременно работало несколько человек. Среди них был **Николай Александрович Васильев**. Сын профессора физико-математических наук, который и сам был очень не равнодушен к философии, Н. А. Васильев – логик, имя которого в соответствующих научных кругах хорошо известно, причем, не только в нашей стране. Он является одним из *«предшественников неклассической логики, первым предшественником логики паранепротиворечивой»*¹³⁸. На одном из заседаний Физико-математического Общества при Казанском университете, на котором присутствовали, в том числе, и его коллеги по кафедре Н. А. Васильев выступил с докладом «Неэвклидова геометрия и неаристотелева логика».

После окончания Казанского университета (медицинского факультета в 1904 году и историко-филологического – в 1906) Н. А. Васильев был оставлен (1907 г.) в университете для приготовления к профессорскому званию. Далее были заграничная командировка, защита магистерской диссертации, звание приват-доцента, преподавательская и научная работа. И далеко не только в области логики (см. Приложение 2). В университете Н. А. Васильев оставался до закрытия историко-филологического факультета.

¹³⁷ Вопросы образования и воспитания. – 1914, декабрь. – С. 1016.

¹³⁸ См.: Н. А. Васильев. Воображаемая логика. Избранные труды. – М.: Наука, 1989. – С. 6.

Этим мы здесь и ограничимся. Судьба и творчество Н. А. Васильева подробно исследованы в работах бывшего профессора кафедры философии КГУ В. А. Бажанова, по которым лучше всего и ознакомиться с творческой деятельностью Николая Александровича Васильева¹³⁹.

В 1912 году приват-доцентом по кафедре философии становится **Александр Осипович Маковельский..**

По окончании гимназии в Гродно А. О. Маковельский поступает на историко-филологический факультет Казанского университета. По философии слушал Боброва, Гуляева, Ивановского. Е. Бобров привил ему интерес к античной философии. *«Мой первый реферат, прочитанный на практических занятиях проф. Е. А. Боброва, об устройстве Вселенной по Анаксимену, - вспоминал позднее свои студенческие годы А. Маковельский, - был тем зерном, из которого выросли впоследствии 3 тома моих «Досократиков».*

По окончании университета (с дипломом первой степени) был оставлен на кафедре для приготовления к профессорскому званию. В 1912 году становится приват-доцентом, прочитав для этого две испытательные лекции: «Мораль Эпиктета» и «Теория зрения в её историческом развитии». Перед самой первой мировой войной А. Маковельский выезжает в научную командировку в Германию. Побывал в Берлине, в Мюнхене. Слушал лекции Кассирера, Зиммеля. И собирал материалы для своих «Досократиков», которые издает по возвращении в Казань.

В 1918 году А. О. Маковельский был утверждён профессором Казанского университета. Но в 1920 году получает приглашение в Бакинский (Азербайджанский) университет и вместе с А. Д. Гуляевым покидает Казань.

¹³⁹ См. работы В. А. Бажанова в списке **Литературы**, а также написанный им очерк о развитии логики в Казанском университете в указанной ранее книге «История экономической и философской мысли в Казанском университете». Здесь говорится не только об идеях Н. А. Васильева, но и о логических воззрениях А. Лубкина, А. Смрнова, В. Снегирева, И. Ягодинского.

Дальнейшая творческая судьба его связана с этим университетом уже в советский период отечественной истории и обращаться к ней мы не будем¹⁴⁰.

Известность, и заслуженную, в университетской, научной и культурной среде А. О. Маковельскому принесли 3 тома «Досократиков», первый том которого «Ч.1. Дозлеатовский период» вышел в Казани в 1914 году. Второй – «Ч.2. Элеатовский период» был издан в Казани в 1915 году. И третий – «Ч. 3. Пифагорийцы (Анаксагор и другие)» увидел свет в 1919 г.

И хотя и в переводах, и в композиции были изъяны¹⁴¹ этот перевод на русский язык знаменитых «Фрагментов досократиков» Г. Дильса (с 3-го изд.) имел тогда большое культурное, научное и научно-просветительское значение. Свои переводы А. Маковельский сопровождал большими статьями о досократических философах, чего, естественно, не было и не могло быть у Дильса, но для русского читателя, неизбалованного обилием историко-философской литературы, это оказалось весьма кстати. Особенно удалась А. Маковельскому статья о Гераклите. Надо отметить, что статьи были написаны на основе новейших, для того времени, исследований по досократикам.

Работа была высоко оценена современниками. Вот что писал С. Франк: *«А. Маковельский предпринял тяжелый и ответственный труд. Задача в целом удалась превосходно... Это вполне самостоятельные исследования свидетельствующие не только об основательности знаний автора, но и о здравости и тонкости его историко-философской интуиции» («Русская мысль», 1915. Апрель).*

Но «Досократики» – не единственное замечательное достижение и заслуга А. Маковельского. В 1918 году в Казани выходит новая его работа «Досократовская философия. Историко-критический обзор источников».

¹⁴⁰ См.: А. О. Маковельский. Библиография. – Баку: Изд-во АН Аз. ССР, 1964.

¹⁴¹ См об этом: Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1. Издание подготовил А. В. Лебедев. – М.: Изд-во «Наука», 1989. – С. 6 и сл.

Это в тогдашней отечественной литературе – *«единственный обзор историко-философской мысли древности»*, как писал один из тогдашних профессоров (А. Б. Селиханович). Коллега автора по кафедре философии А. Д. Гуляев так оценил работу казанского исследователя: *«русская ученая историко-философская литература до сих пор совсем не имеет трудов, посвященных теме, избранной проф. А. Маковельским, и трактующих её в столь же широком охвате. И даже для богатой европейской литературы его сочинение далеко не излишне»*¹⁴².

Еще один преподаватель по кафедре философии тех лет **Константин Иванович Сотонин**, человек весьма необыкновенный и разносторонний, полиглот: он владел греческим, латинским, английским, немецким, французским и итальянским языками. Занимался и поэтическим творчеством (как и Н. Васильев).

Родился в Казанской губернии, по окончании 2-ой казанской гимназии поступил в 1912 году на историко-филологический факультет Казанского университета. Ещё будучи студентом выпустил несколько работ: словарь терминов Канта, таблицы по истории философии, «К вопросу об идеях Платона».

После окончания университета в 1916 году был оставлен на кафедре для приготовления к профессорскому званию по рекомендации своего научного руководителя А. Д. Гуляева. Был командирован в Петроград, в столичных библиотеках штудировал философов. В столице увлекся идеями В. М. Бехтерева, что позднее отразится и в его философском творчестве. Изучает психологию, физиологию нервной системы, психопатологию.

В 1919 году становится преподавателем экспериментальной психологии и эстетики в Казанском университете. Читал психологию, методологию наук, общую патологию, эстетику, введение в систему философии, экспериментальную педагогику и другие курсы.

¹⁴² А. О. Маковельский Библиография. – С. 20-21.

После упразднения историко-филологического факультета преподает на Факультете общественных наук (ФОН), а после закрытия и последнего в Восточном педагогическом институте. Возглавлял психологический отдел академического центра Наркомпроса республики.

В ноябре 1929 года был арестован ОГПУ как руководитель нелегального политико-философского кружка. Против него (и членов кружка) были выдвинуты политические и идеологические обвинения, было придумано даже целое явление – «сотонинщина». К. Сотонин был приговорен к трём годам исправительно-трудовых лагерей. По выходе из заключения, уехал из республики. Умер в 1944 году; в последние годы жизни научной и преподавательской деятельностью не занимался.

В 20-е годы выходят работы К. Сотонина, в которых и представлены, главным образом, его философские и эстетические взгляды: скандально известная и послужившая для всяческих обвинений «Идея философской клиники: Введение в систему философии» (1922), «НОТ как философия трудящихся масс» (1924), «Сократ: Введение в косметику» (1925), «Анализ эстетического переживания».

Об его оригинальных идеях иначе, как эксцентричных, не выражаются. Имеется ввиду, прежде всего, его «идея философской клиники», основанная на его понимании философии, которая *«должна стать на почву чисто практического удовлетворения насущных, земных потребностей человека»*. Философия должна быть учением о недовольствах. А последние мешают людям реализовываться, получать радость и удовольствие от жизни, нормально функционировать в обществе, негативно сказываются на работоспособности. *«Философия есть дитя неудовлетворенности, неудовлетворенного эротического, страстного стремления к благу»*. Философия есть стремление к благой жизни, отыскание путей к благой жизни, решение проблемы недовольства. Но решение этой проблемы не может осуществляться по шаблону, «для всех». Необходимо применять различные методы и подходить к каждому

недовольному индивидуально. *«Научной философия становится лишь тогда, когда начинает обращать внимание на реальные причины недовольства человека окружающим и видит устранение недовольства или в устранении причин, или в устранении их следствий».*

Как лечение недовольства философия схожа с медициной и должна на неё опираться, опираться на медицинские способы лечения болезней. *«Конечный смысл и той, и другой – некоторое действие в отношении к личности, направленное к тому, чтобы увеличить благосостояние этой личности».* Философская система должна быть построена по модели медицины. В её составе он выделяет философскую диагностику, философскую терапию и философскую профилактику. «Философская клиника» - особое «учебно-лечебное учреждение, где недовольные могли бы найти организованную помощь». Работать в них будут врачи-философы.

Между прочим, в системе философии не может быть места метафизике, логике, гносеологии и т. п., так как они есть дисциплины разлагающие и непригодные для философской клиники.

Как бы ни относиться к идеям К. Сотонина, их необычность очевидна. Как очевидно и то, что в них много интересного и свежего, выходящего за привычные, выпрямляющие и «окисляющие» мысль шаблоны. Во всяком случае, размышление его мысли вызывают.

После закрытия Казанской духовной академии на работу В Казанский университет был принят особым решением Совета университета **Виктор Иванович Несмелов**, возглавлявший в академии кафедру метафизики. В решении Совета было сказано: *«пригласить в качестве временного преподавателя по кафедре философии...; принимая во внимание... необеспеченность преподавания философских предметов на факультете поручить ему, В. И. Несмелову, в 1920 – 1921 учебном году чтение курсов логики и истории новой философии».*

Вскоре факультет был закрыт. Пребывание В. Несмелова профессором по кафедре философии оказалось весьма недолгим. И поэтому вряд ли можно его деятельность связывать с ней, хотя, конечно, он в «историях русской философии» самый известный «доморощенный» философ.

Автор 2-х томной «Науки о человеке», главной своей работы, по праву входящей в фонд «русской религиозной философии», он является автором ещё ряда трудов, философское значение среди которых принадлежит сочинению «Вера и знание с точки зрения гносеологии», изданному в Казани в 1913 году.

Творчество В. И. Несмелова достаточно хорошо изучено и продолжает привлекать к себе внимание, поэтому о нем можно получить представление по литературе, указанной в **Литературе**.

Кафедра философии, хотя именно с ней связано философское образование в университете, не была, однако, единственным каналом проникновения философской мысли и философских влияний в университете. Не была она и исключительным органом философской подготовки умов, единственным в университете «окном» в философски-широкое мирозрение. Были и другие «окна», другие каналы. Другие люди, наконец.

Прежде всего (если иметь в виду целые дисциплины) это читавшийся на юридическом факультете курс философии права по кафедре энциклопедии и философии права. История преподавания и содержание курса были освещены ещё в начале XX века в трудах Владислава Францевича Залесского¹⁴³. Здесь философию права читали П. С. Сергеев, читавший, как было ранее отмечено и по кафедре философии, Д. И. Мейер, С. В. Пахман, Н. П. Загоскин, Г. Ф. Шершеневич.

¹⁴³ См., например: В. Ф. Залесский. История преподавания философии права в связи с важнейшими данными внешней истории юридического факультета // ЖМНП. – 1903. - №№ 10-12.

А. И Герцен когда-то писал (в «Былое и думы»): *«Университет... не должен оканчивать научное воспитание: его дело - возбудить вопросы, научить спрашивать»*. И в этом смысле миссия университета и работа философии, её самооправдание как духа совпадают. Поэтому классический университет и философия в основе своей суть одно и то же. Это – одна и та же работа.

И её выполняли многие подвижники университетской науки, чьим трудом и создавалось это имя – «Казанский университет».

Они делали это, когда знакомили студентов с новейшими философскими течениями, с идеями философии истории, философии искусства, языка, с философскими вопросами науки, литературы, естествознания и математики.

Филолог профессор А. М. Миронов читал на историческом отделении историю античного искусства, а «классиком» и словесникам – историю эстетических учений (1915/16 у.г.).

Об историке Н. А. Иванове, читавшем и по кафедре философии, уже было сказано. Его лекции (в том числе публичные, которые он первым начал читать в Казани) заостряли мысль на том, говорит историограф Казанского университета М. К. Корбут, что *«человека надо изучать не в мертвой книге, но в жизни»*. Ещё более это относится к его преемнику по кафедре, ученику Грановского С. В. Ешевскому, лекции которого по истории собирали даже медиков.

На лекциях профессора русской литературы Н. Н. Булича «аудитория набита битком», вспоминал один студент тех лет (А. А. Бирюков).

В этом ряду проводников философской (в широком смысле слова) мысли можно было бы назвать многих других. Профессора русской словесности К. Т. Фойгта, греческой словесности и языка С. П. Шестакова, языкознания Е. Ф. Будде, юриста Д. И. Мейера, профессора классической

филологии, автора работ о Полибии, Аристотеле, Фукидиде Ф. Г. Мищенко...

Широко известны представители естествознания и математики, далеко не ограничивавшиеся узкой специальностью, а бывшие, по-настоящему, «героями мыслящего разума», не рассудка только.

Учителя Н. И. Лобачевского Бартельс М. Ф. и Броннер Ф. К., которому будущий великий геометр обязан первоначальному знакомству с европейской философией своего времени.

О значении в истории университета и умственной жизни Казани медика и этнографа, натуралиста и писателя Карла Фукса, который никогда не расставался с увлечением ещё своей молодости – философией, – о литературно-философских собраниях в его доме сказано так много, что здесь повторяться будет излишним.

Превосходный математик, блестящий лектор и преподаватель профессор прикладной математики П. И. Котельников, *«воспитанный на Канте и Гегеле»*, по словам его ученика профессора Ф. М. Суворова, создал в Казани вместе с профессором медицинского факультета И. Г. Линдегренем гегелевский кружок. Своими блестящими лекциями о принципах механики, *«очень убедительно доказывал возможность общефилософского образования для профессора какой бы то ни было специальности»* (Ф. М. Суворов).

Все казанское студенчество, а не только медицинский факультет, на котором он преподавал, охватывало в 40-50-е годы XIX века влияние профессора анатомии Е. Ф. Аристова, лекции которого вызывали у студентов восторг. Он был силой умственной и моральной. Был личностью *«в высшей степени самобытною, представлявшею редкое гармоническое сочетание широкого, философски настроенного ума с непоколебимостью твёрдым характером»*¹⁴⁴.

¹⁴⁴ Биобиблиографический словарь. Ч. 1. – С. 372.

Профессор физико-математических наук А. В. Васильев (отец философа Н. А. Васильева) был и философом, профессионально и живо интересовавшимся вопросами истории и философии математики. Он – участник международного философского конгресса, автор работ по истории математики, по общественным и философским проблемам, по педагогике. Он – один из создателей Физико-математического Общества при Казанском университете, на заседаниях которого выступали с докладами и преподаватели по кафедре философии: А. Смирнов, В. Ивановский, Н. Васильев...

Философия и философское влияние было представлено и за пределами Казанского университета. Это относится прежде всего, к духовной академии, хотя философия в системе богословского образования, конечно, занимала далеко не доминирующее место. Несмотря на это в духовных академиях преподавали и люди весьма известные в истории русского высшего образования и гуманитарной науки, даже выдающиеся – логик М. И. Каринский, скажем. Автор первого русского «Введения в философию» (1833) Ф. Ф. Сидонский – тоже из духовной академии (С.-Петербургской), как и А. Е. Светилин, автор наиболее распространенного руководства по логике в учебных заведениях дореволюционной России. В Московской духовной академии кафедру философии занимал П. Флоренский, в Киевской преподавал автор «Философского лексикона» С. С. Гогоцкий, П. Д. Юркевич...

По Уставу 1884 года обязательными для всех студентов духовных академий были «сделаны» логика, психология и история философии. Что касается философии, то большее внимание уделялось Шеллингу, платонизму, английскому эмпиризму. Изучали Канта, но совершенно не принимали¹⁴⁵

¹⁴⁵ О философии в духовных академиях см.: Философия Шеллинга в России. – С.-Пб., 1998 (Гл. 1, ч. 3).

Такое же положение было в Казанской духовной академии (1842 г.). Здесь работали В. А. Снегирев и его ученик В. И. Несмелов (из «известных»), который возглавлял с 1888 года кафедру метафизики.

Этим не исчерпывается общественное влияние науки «елленских мудрецов», как выразился один русский государственный муж XVII века, но источником концентрических кругов его всегда был здесь Казанский университет.

ЛИТЕРАТУРА

Общие работы по истории Казанского университета и кафедры философии, а также философского образования в России:

Булич Н. Н. Казанский университет в Александровскую эпоху// Учёные записки императорского Казанского университета. – Казань, 1875.

Загоскин Н. П. История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования. – Казань, 1902-1906.

Корбут М. К. Казанский государственный университет имени В. И. Ульянова-Ленина за 125 лет. – Казань, 1930.

История Казанского университета. 1804-2004. – Казань: Издательство Казанского университета, 2004.

Васильев А. Университет и национальное воспитание. – Казань, 1912.

Залесский В. Ф. К столетию Императорского Казанского университета. История преподавания философии права в связи с важнейшими данными внешней истории юридического факультета. // Журнал Министерства народного просвещения. – 1903. - №№ 10-12.

Зеньковский В. В. История русской философии. В 2-х т. – Ростов-на – Дону: «Феникс», 2004. – Т.1: Введение; Ч. 2, гл. 1; Т. 2.: Ч. 3, гл. 4.

Отзыв приват-доцента В. Н. Ивановского о сочинении на тему «История кафедры философии и преподавания философских наук в Императорском Казанском университете с 1804 по 1901г.» – Казань: Типо-лит.ун – та, 1910.

История экономической и философской мысли в Казанском университете. – Казань: Издательство Казанского университета, 2003.

Философия Шеллинга в России. – Спб., 1998.

Университет. Общество. Человек / М. Б. Садыков, Ф. Ф. Серебряков, М. Д. Щелкунов, А. В. Петров. – Казань: Изд. Казан. ун-та, 2003.

Университетское образование: приглашение к размышлению / В. А. Садовничий, В. В. Белокуров, В. Г. Сушко, Е. В. Шикин. – М.: Изд. Моск. Ун-та, 1995.

Работы о преподавателях и отдельных периодах истории кафедры философии и философского образования в Казанском университете.

Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804-1904). В 2-х частях. Под ред. Н. П. Загоскина.- Казань, 1904.

Деятели Императорского Казанского университета. 1805-1900 гг. / Сост. проф. Н. П. Загоскин. – Казань, 1900.

Казанский университет. 1804-2004. Биобиблиографический словарь. – Казань: Издательство Казан. ун-та, 2002-2004.

Философская энциклопедия: в 5-ти т. – М., 1960-1970.

Русский биографический словарь. Издание Императорского Русского Исторического общества. – М., 1914.

Русская философия. Малый энциклопедический словарь. - М.,1995.

Русская философия. Очерки истории. – Свердловск, 1991.

Алексеев П. В. Философы России XIX – XX столетий. Биографии, идеи, труды. – М., 2002.

Шпет Г. Очерк развития русской философии. Ч.1. – Петроград, 1922.

Бажанов В. А. История логической мысли в Казанском университете // История экономической и философской мысли в Казанском университете. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003.

Бажанов В. А. Николай Александрович Васильев. 1888-1940.- М.: Наука, 1988.

Бажанов В. А. Николай Александрович Васильев. 1888-1940. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002.

Блонский П. А. О. Маковельский. « Досократики», т.1 // Вопросы философии и психологии. –1915. – Т. XXVI.

Беляев М. Проф. Северо-Кавказского государственного университета *Евгений Александрович Бобров* (Обзор научной и педагогической деятельности к сорокалетию его деятельности (1888-1928) // Известия Северо-Кавказского государственного университета. – Ростов-на-Дону.- 1928. – Т.3 (16).

Бердяев Н. А. Опыт философского оправдания христианства (О книге *Несмелова* «Наука о человеке») // Духовный кризис интеллигенции. – С.-Пб., 1910.

Васильев Н. А. Воображаемая логика: Избр. тр. / Отв. ред. [и автор *предисл.*(выделено мною – Ф. С.)] В. А. Смирнов. – М.: Наука, 1989. – 263 с. (в приложении: рецензии на прижизненные труды Н. А. *Васильева*).

Введенский А. И. Один из типов нашей университетской философии (о переводах и сочинениях *Е. А. Боброва*) // Богословский вестник. – 1896, август.

Гогоцкий С. Несколько мыслей по поводу сочинения « Немецкая психология в текущем столетии» *М. Троицкого*. – Киев, 1867.

Журавлева Л. А. Первый учебник по истории русской философии. // Методология и методика преподавания истории русской философии. – Свердловск, 1982 (*архимандрит Гавриил*).

Зеленогорский Ф. А. О методах исследования и доказательствах. Сост. и примеч. К. А. Томилин. – М.: РОССПЭН, 1998 (здесь: Автобиография).

Ивановский В. Н. К характеристике М. М. Троицкого. – Б. м., б. г. – 30 с. Отд оттиск из “Вопросы философии и психологии”. – Кн. 52. – С.183 – 213.

Ивановский В. Н. М. М. Троицкий (Некролог) // Вопросы философии и психологии. – 1889. – Кн. 2.

Кагаров Е. Г. А. О. Маковельский. “Досократики”, т. 1// Гермес. – 1915. - № № 13, 14.

Каринский М. Н. Учебник логики М. М. Троицкого // Журнал Министерства Народного Просвещения. – 1889. - № 6.

Козлов А. А. О последнем сочинении профессора Троицкого «Наука о духе» // Русская мысль. – 1883. - № 4.

Козлов А. А. Теория искусства с точки зрения Тейхмюллера // Вопросы философии и психологии. – 1895. – Кн. 2 (27). (Бобров Е. А.)

Красновский А.А. Памяти проф. В. Н. Ивановского // Советская педагогика. – 1939. - № 3.

Краснопольская Л. Н. Религиозное учение В. И Несмелова о человеке и его связь с современной религиозной антропологией // Проблемы личности в религии и атеизме. – М., 1969.

Маковельский А. О. Библиография. – Баку: Изд.-во Акад. Наук Аз. ССР, 1964.

Маковельский А. О. Работы профессора Е. Боброва по философии.// Известия Северо-Кавказского государственного университета. – Ростов-на-Дону. – 1928 – Т. 3 (16).

Новиков А. И. Из истории формирования историко-философской науки в России. // Методологические проблемы истории общественной мысли. Л., 1971 (*архимандрит Гавриил*).

Медянцева М. П., Никитина Т. И. Из истории философской мысли Казанского университета. Духовное наследие В. Н. Воскресенского. // Учёные записки Казанского государственного университета. Т. 137. – Казань, 1999 (*архимандрит Гавриил*).

Несмелов В. И. Вера и знание с точки зрения гносеологии. – Репринтное воспроизведение издания 1913 года с добавлением иллюстрир. вступит. статьи, послесл. и коммент. (выделено мною – Ф. С.). – Казань: МП «Вернисаж», 1992. – 24 с., 110 с.

Никитина Т. И. Казанские антикантианцы (Из сочинений А. С. Лубкина и Е. А. Боброва) // История экономической и философской мысли в Казанском университете. – Казань: Изд. Казан. ун – та, 2003.

Памяти В. А. Снегирёва // Православный собеседник. – 1889. – Кн. II, май.

Розанов В. Заметки о важнейших течениях русской философской мысли // Вопросы философии и психологии. – 1890. – Кн. 3. (*Троицкий М. М.*)

Рожанский И. Д. Ранняя греческая философия // Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1. – М.: Наука, 1989 (*Маковельский А. О.*, «*Досократики*»).

Серебряков Ф. Ф. Философия и религия, или *архимандрит Гавриил* // Наука и религия в эпоху глобализирующемся мире. Сб. статей. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2007.

Серебряков Ф. Ф. О преподавании философии в университете (по поводу одной современной работы столетней давности) // Методика преподавания философии в высшей школе. – Казань: Изд – во Казан. ун – та, 2008 (*Бобров Е. А.*).

Сидонский Ф. О “ Немецкой психологии” *Троицкого* // ЖМНП. – 1867 – Ч. 134.

Соловьев В. Три характеристики // Вестник Европы. – 1900, янв. (*Троицкий М. М.*).

Тузов Л. Л. Из истории философской мысли в Казанском университете (Полемика *А. С. Лубкина* против кантовской философии) // Учёные записки Казанского университета. – 1956. – Т. 116. – Кн. 5.

Тест по спецкурсу

1. Первое название кафедры философии Казанского университета:
 - а) кафедра философии;
 - б) кафедра философских систем;
 - в) кафедра умозрительной и практической философии;
 - г) кафедра метафизики.
2. Первый преподаватель по кафедре философии:
 - а) А. Лубкин;
 - б) Л. Левицкий;
 - в) О. Срезневский.
3. Автор первого пособия, написанного на кафедре философии («Начертание метафизики»):
 - а) А. Лубкин;
 - б) Л. Левицкий;
 - в) О. Срезневский.
4. Имя этого человека, одного из первых профессоров философии университета, попало (как автора книги по логике)даже в советский,

вообще-то краткий, словарь-справочник по логике (Н. Кондаков. Введение в логику). Это:

- а) А. Лубкин;
- б) Л. Левицкий;
- в) О. Срезневский.

5. Единственный немец, который некоторое время занимал кафедру философии:

- а) К. Фойгт;
- б) К. Фукс;
- в) Ф. Броннер.

6. Он не только читал в университете «свои» богословские курсы, но и по кафедре философии также; был автором первой в России книги по истории русской философии (шестая часть его « Истории философии»). Это... .

7. Он, попечитель Казанского учебного округа, распорядился вывесить над дверью кафедры философии доску с надписью из послания апостола Павла: « Смотрите, братия, чтобы не увлек никто вас философиєю..» (Кол. 2. 8). Имя его... .

8. Он был известным представителем академической философии в России, автором книги по христианской антропологии « Наука о человеке», заведовал кафедрой метафизики в Казанской Духовной академии. Это:

- а) В. Несмелов;
- б) М. Троицкий;
- в) Е. Бобров.

9. По Уставу 1835 года этот курс, наряду с логикой и психологией, стал обязательным для всех факультетов:

- а) теория красноречия;
- б) введение в философию;
- в) теория и история культуры.

10. Он занял кафедру после ее восстановления в 60-е годы XIX века, был инициатором издания в России журнала « Вопросы философии и психологии». Он, по словам В. Соловьева, более кого-либо сделал возможным дальнейшее развитие философского образования в России. Это:

- а) М. Троицкий;
- б) Е. Бобров;
- в) В. Воскресенский (архим. Гавриил).

11. Выпускник Дерптского университета, он несколько занимал кафедру философии в Казанском университете, оставил блестящих учеников, автор сборников « Философия в России»:

- а) Е. Бобров;
- б) М. Троицкий;
- в) Н. Бунич.

12. Имея ввиду эту книгу А. Маковельского, изданную в Казани в 1918 году, его коллега А. Гуляев писал : « И даже для богатой европейской литературы его сочинение далеко не излишне»:

- а) « Досократики»;
- б) « Софисты»;
- в) « Мораль Эпиктета»;
- г) «Досократическая философия. Историко-критический обзор источников».

13. Он, выпускник Казанского университета и её преподаватель по кафедре философии, осуществил впервые в России перевод и издание (со своими статьями-введениями) материалов из DK – настольной книги всякого антиковеда:

- а) И. Ягодинский;
- б) А. Маковельский;
- в) В. Ивановский.

14. В 1920 году он оставляет кафедру философии в Казанском университете и переезжает в открывшийся университет в Баку, где и продолжается еще долго его научно-преподавательская деятельность:

- а) И. Ягодинский;
- б) А. Маковельский;
- в) Н. Васильев.

15. Они преподавали не по кафедре философии, но весьма причастны к философскому образованию университетского студенчества:

- а) Ф. Зеленогорский;
- б) Л. Кассо;
- в) П. Котельников;
- г) К. Фукс;
- д) Г. Шершеневич;
- е) Ф. Броннер.

16. Преподавание в университете он, выпускник его, начал на кафедре философии, 50 лет своей жизни отдал университету, был деканом, ректором, является автором первого классического труда по истории нашего университета:

- а) Н. Бунич;
- б) архимандрит Гавриил;
- в) М. Троицкий.

17. Приват-доцент сначала Московского, потом Казанского университета, в Париже он слушает лекции Дильтея, Зиммеля, Бергсона, участвует в работе 1 и 2 международных философских конгрессов, является сторонником британского эмпиризма:

- а) И. Ягодинский;
- б) В. Ивановский;
- в) Н. Васильев.

18. На одном из заседаний Физико-Математического общества с докладом «Неэвклидова геометрия и неаристотелева логика» выступил

один из предшественников неклассической логики, преподаватель Казанского университета....

19. С первыми в Росси лекциями по математической логике именно в Казанском университете выступил выдающийся русский логик:

- а) М. Каринский;
- б) П. Порецкий;
- в) Н. Васильев.

20. Название факультета (отделения), в составе которого первоначально находилась кафедра философии:

- а) историко-филологический;
- б) нравственных и политических наук;
- в) юридический;
- г) философский.

21. Учебные пособия, по которым первоначально происходило преподавание философских дисциплин (выберите три правильных ответа):

- а) Снелля;
- б) Якоба;
- в) Баумейстера;
- г) Шлейермахера.

21. Упразднение кафедр философии в российских университетах было вызвано:

- а) требованием церкви;
- б) событиями 1848 года во Франции;
- в) нехваткой преподавателей;
- г) реформой образования.

22. В 40-е годы 19 века и в среде преподавателей, и в среде студенчества очень сильным было увлечение философией:

- а) Канта;
- б) Гегеля;
- в) Шеллинга;

г) Шопенгауэра.

23. Ещё будучи студентом Казанского университета он был увлечён философией Лейбница и остался верен этому увлечению, став его профессором:

а) Ягодинский;

б) Троицкий;

в) Ивановский.

24. Философский факультет университета получил своё название, потому что :

а) включал в себя кафедру философии;

б) готовил по специальности «философия»;

в) по иной причине.

25. Он исходил из того, что в основу изучения древнегреческой философии должны быть положены «сочинения Платона и Аристотеля в подлинном греческом тексте» и гордился тем, что его ученики знакомились в «курсе логики с подлинным Аристотелем»:

а) Е. Бобров;

б) М. Троицкий;

в) Н. Васильев.

26. В «Обзрении преподаваний в 1915-1916 у. г.» к занятиям по одной из философских дисциплин рекомендованы следующие источники: Лейбниц, Юм, Беркли, Шопенгауэр. Пособия: Виндельбанд, Фишер... . Курс называется «История... философии». Какой?

27. В «Обзрении преподаваний в 1915-1916 у. г.» к занятиям по одной из философских дисциплин рекомендованы источники: Дж. Милль, Гуссерль, сборник примеров Н. Лосского... . Пособия: Н. Ланге, Минто... . Это курс по

28. В «Обзрении преподаваний в 1915-1916 у. г.» к занятиям по одной из философских дисциплин рекомендованы пособия: Э. Целлер, Гомперц, Виндельбанд, Маковельский... . Речь идёт об истории... .

29. Лубкин А. С. писал, критикуя одного немецкого профессора: «Представления пространства и времени столь тесно соединены с представлением бытия, что последний без них теряет всю свою значительность...все, что существует, существует во времени и пространстве». Здесь подвергается критике... .

30. М. Троицкий писал: «Всё содержание мышления... уже дано в наших ощущениях, которые для нас непредрекимо достоверны и привнесение вещей, стоящих за этими ощущениями, мало меняет дело на практике». Под этими словами мог бы «подписать»::

а) Беркли;

б) Маркс;

в) Гегель.

31. Бобров был популяризатором идей А. А. Козлова, профессора Киевского университета, который писал: «... и первичные, и вторичные качества наша принадлежность...». С этим согласился бы:

а) Юм;

б) Беркли;

в) Спиноза;

г) Локк..

32. «Это единственный [в русской научной литературе] обзор историко-философской мысли древности “ [античности], - писал один из российских профессоров, имея ввиду работу этого преподавателя Казанского университета:

а) Маковельского;

б) Ягодинского;

в) Ивановского.

33. И. Ягодинский писал: “История философии – это музей... .В ней трудно найти то, что называют философией... только мелькание различного рода концепций..”. Можно ли сказать, что он разделяет взгляд

на историю философии известного немецкого философа, автора “Лекций по истории философии”?”

- а) да;
- б) нет.

Темы рефератов по смежным вопросам курса.

Миссия Университета.

Европейский и российский университет: общее и отличие.

Особенности формирования и историческая специфика российских университетов.

Классическое университетское образование: плюсы и минусы.

Реформирование высшего (университетского) образования: что следует реформировать, а что трогать нельзя.

Философия в дореволюционных российских высших учебных заведениях¹⁴⁶.

Философские курсы в дореволюционных российских университетах.

Источники, учебные пособия и литература по философии в дореволюционных российских университетах.

Философское образование в Казанском университете в послереволюционный период.

Приложение 1. Преподаватели по кафедре философии Казанского университета (1804 – 1921 г. г.)

Левицкий Лев Семёнович (1772 – 1807) – выпускник Рязанской Духовной семинарии и Московского университета; учитель Казанской гимназии. В январе 1805 года был приглашён попечителем Казанского учебного округа С. Я. Румовским на кафедру умозрительной и практической философии.

Герман Мартин Готфрид (1775 – 1822) – ординарный профессор латинского языка, литературы и древностей; преподавал некоторое время логику и психологию, «пользуясь половинным вознаграждением». Уволен из университета попечителем М. Л. Магницким в 1811 году.

Городчанинов Григорий Николаевич (1772 – 1852) – «первый профессор словесности» Казанского университета (на кафедре красноречия), до марта 1808 года «за особый оклад» читал курс философии. Но надолго закрепиться на кафедре ему не удалось – члены Совета университета (в том числе и Карл Фукс) «отрицали в Городчинове знание философии» (Булич Н. Казанский университет в Александровскую эпоху. – Казань, 1875. – С. 483).

Карл Фёдорович Фойгт (Карл Теофилус) (1760 – 1811), бывший дрезденский адвокат. Он вряд ли был лучшей заменой Городчанинову (первоначально Фойгт намечался на кафедру права древних и новых народов, но потом директор И. Ф. Яковкин передумал). Приняв кафедру в 1808 году, Фойгт занимал её до 1811 года в звании ординарного профессора.

Лубкин Александр Степанович (1771 – 1815). Адъюнкт, с 1814 года – экстраординарный профессор; первый в России критик (с позиций эмпиризма) трансцендентального идеализма Канта, автор одного из первых учебников по логике («Начертание логики», 1807).

Срезневский Иосиф (Осип) Евсеевич (1780 -?) – экстраординарный профессор (1815 – 1819), читал метафизику, нравственную философию, «историю философскую». Уволен М. Л. Магницким по «идеологическим соображениям».. – именно его лекции и торжественная речь ,

утверждавшие значимость рационалистического познания мира, стали основанием для политических обвинений в адрес Казанского университета» (История Казанского университета. 1804 – 2004. – Казань: Изд – во Казан. ун – та, 2004. – С.57).

Пальмин Михаил Архипович (1783 – 1852) - с 1820 года экстраординарный, а с 1822 г. ординарный профессор философии, дипломатики и политической экономии. Читал логику, философскую терминологию, « историю философских систем». В 1823 году « уволен от преподавания философии», а в следующем – и вовсе из университета, Играл позорную роль в деле о суде над профессором Г. И. Солнцевым (из – за преподавания последним « естественного права»).

Скворцов Михаил Васильевич (1791 -?) – адъюнкт российской словесности, читал по кафедре очень короткое время с апреля по июнь 1823 года.

Сергеев Пётр Сергеевич (? – 1868) – профессор правоведения, в 1823 году ему « поручается» преподавание философии, в 1824 г. становится ординарным профессором философии.

Кондаков Феодосий Евстафьевич –преподаватель правоведения, в 1823 – 1824 г. г. преподавал историю философских систем (в качестве помощника прфессора Сергеева П. С.).

Караблинов Яков Минич (1779 -?) – экстраординарный профессор политической экономии и дипломатики, читал философию в 1825 – 1826 г. г. («по случаю временного удаления проф. Сергеева П. С.»). Уволен из университета в 1837 году.

Хламов Андрей Филимонович (1795 -?) – адъюнкт философии и российской словесности, на кафедре с 1829 г. по 1837 г., потом читал историю и литературу славянских народов (с 1835 года ещё и теорию красноречия).

Архимандрит Гавриил (Воскресенский Василий Николаевич) (1795 – 1868).

Иванов Николай Алексеевич (1813 – 1869) – доктор философии, ординарный профессор по кафедре русской истории, читал историю философии несколько лет с небольшими перерывами в 40-е годы XIX века (1840 – 1843), (1844 – 1847).

Булич Николай Никитич (1824 – 1895) – профессор литературы, ректор, первый историограф Казанского университета. После защиты диссертации был назначен адъюнктом по кафедре философии; успел прочитать шесть лекций в 1850 году перед закрытием кафедры. Читал некоторое время после восстановления кафедры в 1862 году историю философии.

Владимирский Александр Поликарпович (1821 – 1906) – ординарный профессор, протоиерей, настоятель университетской церкви (с 1851 года). Приступил к чтению лекций (опытная психология, логика) в сентябре 1850 года, продолжил в 60-е годы. Оставил службу в 1871 году.

Троицкий Матвей Михайлович (1835 – 1899).

Зеленогорский Фёдор Александрович (1839 – 1909) – выпускник Казанского университета, приват-доцент (с 1870 г.); на кафедре до 1874 года (большую часть этого времени провел в заграничных командировках), перешел в Харьковский университет. В казанский период выпустил изданную в Петербурге работу «Учение Аристотеля о душе в связи с учением о ней Сократа и Платона» (1871).

Снегирев Вениамин Алексеевич (1841 – 1889) – приват-доцент (1885), с 1871 года читал логику, психологию (по приглашению, будучи экстраординарным профессором Духовной академии). В 1886 году возвращается в академию, возглавив кафедру логики и психологии. Автор «Логики», «Психологии» (изданы посмертно).

Смирнов Аполлон Иванович (1838 – 1902) – доцент, ординарный профессор с 1881 года (состоял также преподавателем по кафедре теории искусств). Читал логику, историю античной и новой философии, теорию красноречия.

Лютославский Викентий Францевич (1863 -?) – приват-доцент с 1889 г. по 1896 г., степень магистра философии получил ещё в Дерптском университете. Вместе с Бобровым Е. А. обработал параграф о философии в России (§ 69) в известном издании Ueberweg – Heinze. Grundriss der Geschichte des Pilosophieh, часть 3 (1897 г.).

Бобров Евгений Александрович (1867 – 1933).

Гуляев Александр Дмитриевич (1870 – 1930) – приват-доцент, на кафедре с 1902 года. В 1920 году был приглашён в Азербайджанский университет на кафедру истории философии. В 1915 году вышли его “Лекции по истории древней философии”.

Ивановский Владимир Николаевич (1867 – 1939) – приват-доцент с 1904 г. Участник 1 и 2 международных философских конгрессов. Оставался в университете до 1912 года, сторонник британского эмпиризма.

Ягодинский Иван Иванович (1868 - ?) – приват-доцент (с 1906 г.), позднее - ординарный профессор до 1917 года (уволен при Временном правительстве). Значительная часть работ посвящена Лейбницу, логике (“Генетический метод в логике”).

Маковельский Александр Осипович (1884 – 1968) – приват-доцент с 1912 года, в 1918 г. становится профессором. В бытность преподавателем Казанского университета подготовил и издал 3 тома своих “Досократиков” (на основе DK). В 1918 году выходит его «Досократическая философия. Историко-критический обзор источников», первый такого рода труд в русской историко-философской литературе. В 1920 году переходит в Азербайджанский университет.

Васильев Николай Александрович (1880 – 1940) – приват-доцент, с 1918 года – профессор по кафедре философии (до 1921 г.); создатель «воображаемой логики», один из предшественников неклассической логики («Неэвклидова геометрия и неаристотелева логика»). Автор работ по философии, психологии, этике, поэтике.

Сотонин Константин Иванович (1893 – 1944?) – на кафедре философии с 1916 года, с 1919 г. – преподаватель экспериментальной психологии и эстетики (до 1922 г.), читал психологию, методологию наук, эстетику, общую патологию, историю философии. Автор нашумевшей «Идеи философской клиники» (1922), а также более ранних работ о Платоне, Канте и др.

Несмелов Виктор Иванович (1863 – 1937) – доктор богословия, профессор Казанской Духовной академии, с 1889 года и до закрытия академии в 1918 г. занимал кафедру метафизики. Автор двухтомной «Науки о человеке», оказавшей влияние на развитие религиозно-философской и богословской мысли в России. После закрытия Духовной академии был приглашён «в качестве временного преподавателя по кафедре философии» в Казанский университет. «С 1920 г. имеет поручение чтения лекций по истории философии и логике на факультетах историко-филологического факультета и ФОН КГУ» (НАРТ, ф. Р-1337, оп. 29, д. 4).

В 1921 году был закрыт историко-филологический факультет, а в следующем и факультет общественных наук (ФОН).

Приложение 2. Основные труды преподавателей Казанского университета по кафедре философии (1804 – 1921), имеющиеся в фонде Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского КГУ.

Архимандрит Гавриил (Воскресенский). История философии. Ч. 1 – 6. – Казань, 1839-1840.

Архимандрит Гавриил. История философии. Ч. 6. Русская философия. – Казань, 1840.

Архимандрит Гавриил. Поучительные слова. Ч. 1-2. – Казань: университетская типография, 1850. – 191 с.

Архимандрит Гавриил. Философия правды. – Казань: университетская типография, 1843. – 64 с.

Бобров Е. А. Из истории критического индивидуализма. – Казань: Типо-лит. Императорского ун-та, 1898. – 51с.

Бобров Е. А. Краткий отчёт о занятиях во время ученой командировки летом 1898 года. С приложением двух рассуждений: 1. О координальном бытии и 2. Искусство и христианство. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1889. – 29 с.

Бобров Е. А. Новая реконструкция монадологии Лейбница. - Юрьев, 1896.- 16 с.

Бобров Е. А. О преподавании философии в университете. – Оттиск из: Сборник Учёно-Литературного общества при Императорском Юрьеском университете. – Т.ХII / Шифр книги в Научной библиотеке КГУ: В 81100 /

Бобров Е. А. Из лекций по педагогической психологии. Историческое введение. – Варшава, 1912. – 233с.

Бобров Е. А. К истории русской литературы и просвещения в XIX столетии. – Б. м., \ 19..\ – 68с.

Бобров Е. А. Историческое введение в логику. – Варшава, 1913. – 140с.

Бобров Е. А. Историческое введение в психологию. Изд 2-е. – Спб, Варшава: «Орос», 1913. – 170 с.

Бобров Е. А. Литература и просвещение в России XIX в. Материалы, исследования и заметки. Т. 2-4. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1902. Т.1. 1901. – 216 с.

Т.2. – 271 с.

Т. 3. – 199 с.

Т. 4. – 312 с.

Бобров Е. А. О понятии бытия. Учение Г. Тейхмюллера А. А. Козлова. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1898. – 76 с.

Бобров Е. А. О понятии искусства. Умозрительно-психологическое исследование. – Юрьев: печатня Германа, 1894. – 248 с.

Бобров Е. А. О самопознании. Речь, произнесённая 5 ноября 1897 года на торжественном акте Императорского Казанского университета. – Казань, 1898. – 42 с.

Бобров Е. А. Психологические воззрения древних греческих философов. – Спб.: Тип. П. П. Сойкина, 1906. – 54 с.

Бобров Е. А. Философия в России. Материалы, исследования и заметки. Вып. 1-3, 4, 6. – Казань: Типо-лит. Имп. кн-та, 1899 – 1902.

Вып. 1. 1899. – 48 с.

Вып. 2. 1899. – 255 с.

Вып. 3. 1900. – 256 с.

Вып. 4. 1901. – 284 с.

Вып. 5. 1901. – 208 с.

Вып. 6. 1902. – 48 с.

Бобров Е. А. Философия Парменида. Отзыв о рукописном сочинении. – Казань, 1903. – 16 с.

Бобров Е. А. Этические воззрения графа Толстого и философская их критика. – Юрьев, 1897. – 100 с.

Бобров Е. А. Философия и литература. Сб. статей / 1888 - 1898 /. Т. 1. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1898. – 170 с.

Васильев Н. А. Воображаемая логика: Избр. тр. – М.: Наука, 1989. – 263 с.

Васильев Н. А. Лекции по психологии. – Казань: кн. Маг. М. А. Голубова, 1914. – 225 с.

Васильев Н. А. Логика и металогика. – М.: “Мусагет”, 19.. - 29 с.

Васильев Н. А. Логические и исторические методы в этике (Об эстетических системах Л. Н. Толстого и В. С. Соловьева). – Б. м., б. г. – 9 с.

Васильев Н. А. О частных суждениях, о треугольнике противоположностей, о законе исключённого четвёртого, - Казань: типо.-лит. ун.-та, 1910. – 47 с.

Васильев Н. А. Программа по психологии. – Казань: тип.-лит. ун.-та., 1915. – 6 с.

Васильев Н. А. Третий международный философский конгресс в Гейдельберге (31 авг.-5 сент. 1908). – Спб., 1909. – 35 с.

Гуляев А. Д. Лекции по истории древней философии. – Казань, 1909. – 231 с.

Гуляев А. Д. Программа по истории древней философии. – Казань: тип. аренд. А. И. Барышева. – Б. г. – 12 с.

Гуляев А. Д. Программа по логике. – Казань: тип. Л. П. Антонова, 1913. – 5 с.

Гуляев А. Д. Этическое учение в «Мыслях» Паскаля. – Казань: типо.-лит. Имп. ун-та, 1906. – 276 с.

Гуляев А. Д. В. Н. Ивановский. Ассоциационизм психологический и гносеологический. Историко-критическое исследование. Ч. I. – Казань: типо.-лит. ун.-та, 1909. – 12 с.

Зеленогорский Ф. А. Учение Аристотеля «О душе» в связи с учением о ней Сократа и Платона. – Спб.: печатная В. И. Головина, 1871. – 85 с.

Зеленогорский Ф. А. Очерк развития психологии с Декарта до настоящего времени. – Харьков: Унив. Тип., 1885. – 195 с.

Зеленогорский Ф. А. О методах исследования и доказательствах. Сост. и примеч. К. А. Томилин. – М.: РОССПЭН, 1998. – 320 с. (здесь: Автобиография; О математическом, метафизическом, индуктивном и критическом методах исследования и доказательства; Из истории греческой философии. Общее обозрение греческой философии от Фалеса до Сократа; Памяти Г. С. Сковороды; Иоганн Шад; Общая характеристика движения философии в последние три века в ее главнейших направлениях; Самодеятельность как принцип в воспитании. Все названные работы относятся уже к харьковскому периоду).

Ивановский В. Н. Ассоциационизм психологический и гносеологический. Историко-критическое исследование. Часть 1. – Казань, 1909. – 228 с.

Ивановский В. Н. Введение в философию. Часть 1. – Казань, 1909. – 112 с.

Ивановский В. Н. К вопросу о генезисе ассоциационизма. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1910. – 28 с.

Ивановский В. Н. Второй международный философский конгресс в Женеве / 4 – 8 сентября 1904 г. /. – Спб., 1904. – 28 с.

Ивановский В. Н. Движение к распространению университетского образования в России. – М., 1900. – 50 с.

Ивановский В. Н.. Памяти И. Канта. По поводу столетия со дня его кончины. Речь, сказанная в заседании Физико-математического общества при Имп Казан ун-те 13 марта 1904 г. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1905. – 22 с.

Ивановский В. Н. К характеристике М. М. Троицкого. – Б. м., б. г. – 30 с.

Ивановский В. Н.. Мистика и схоластика XI – XII веков. Ансельм Кентерберийский, Абеляр и Бернард Клервальский. – М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1897. – 20 с.

Ивановский В. Н.. Народное образование и университеты в Средние века. – М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1898. – 30 с.

Ивановский В. Н.. Предметная система в наших университетах и её применение к философским наукам. – Спб.: Сенатская тип., 1907. - 56 с. (Извлечение из: « Журнал Министерства народного образования» за 1907 г.).

Ивановский В. Н.. Педагогические идеи античного мира. – Казань, 1911. – С. 190-208 / Приложение к: Спекторский Е. Понятие общества в античном мире. – Варшава, 1911 /.

Ивановский В. Н.. О преподавании педагогики. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1904. – 25 с.

Лубкин А. С. Письма о критической философии. // Русские просветители. – М., 1966.

Лубкин А. С. Начертание логики. – Спб.: тип. Ф. Дрехслера, 1807. – 295 с.; см. также: Русские просветители. – М., 1966.

Лубкин А. С. Рассуждение о том, возможно ли нравоучению дать твердое основание независимо от религии. - Казань: университетская типография, 1815. – 40 с.

Лютославский В. Ф. О значении и задачах истории философии / Из журнала “Вопросы философии и психологии” / – М.: типо-литография т-ва И. Н. Кушнеров и К., 1890. – С. 45-63.

Маковельский А. О. В поисках за абсолютной достоверностью. – Казань, 1912. – 40 с.

Маковельский А. О. Введение в философию. 2-е изд. Ч. 1-2. – Казань, М. А. Голубев, 1915-1917.

Маковельский А. О. Досократики. Историко-критический обзор и перевод фрагментов, доксографического и биографического материала. Ч. 1-3. – Казань: кн. Маг. Голубева, 1914-1919.

Маковельский А. О. Досократовская философия. Ч. 1. Обзор источников.- Казань, 1918.

Маковельский А. О. Из лекций по психологии. Понятие о душе. История вопроса и его современное состояние. – Казань: М. А. Голубев, 1913. – 50 с.

Маковельский А. О. Мораль Эпиктета. – Казань: Типо-лит. Имп ун та, 1912. – 37 с.

Маковельский.А. О. Понятие о душе в древней Греции. – Б. м., б. г. – 14 с.

Маковельский А. О. Психология Вюрцбургской школы и её педагогические выводы. – Б. м. , б. г. – 16 с.

Маковельский А. О. Этико-политическая система Гоббса. – Казань, 1912. – 9 с.

Несмелов В. И. Вера и знание с точки зрения гносеологии. Казань: центр. Тип., 1913. – 95 с.

Несмелов В. И. Вопрос о смысле жизни в учении новозаветного откровения. – Казань, 1895. – 39 с.

Несмелов В. И. К вопросу о цели образования. Ответ критику Русской Мысли г. В. К. – Казань: Тип.-лит. ун-та, 1900. – 32 с.

Несмелов В. И. Наука о человеке. Т. 1-2. – Казань, 1906-1907.

Т.1. – 1906 – 418 с.

Т.2. – 1907 – 438 с.

Снегирев В. А. Логика. Систематический курс чтений по логике. – Харьков, 1901. – 321 с.

Снегирев В. А.. Вера в сны и снотолкование. – Казань; университетская типография, 1874. – 41 с.

Снегирев В. А. Психологические сочинения Аристотеля. – Казань: тип. Имп. ун-та, 1885. – 98 с.

Снегирев В. А. Психология. Систематический курс чтений по психологии. – Харьков, 1893. – 689 с.

Смирнов А. И. Английские моралисты XVII века. Реформа моральных наук и основание научной этики в Англии. – Казань, 1880. – 440 с.

Смирнов А. И. Механическое мировоззрение и психическая жизнь. – Казань: Университетская типография, 1877. – 65 с.

Смирнов А. И. О воспитании характера. – Казань: Типо-лит. ун-та, 1902. – 20 с.

Смирнов А. И. О сознании и бессознательных духовных явлениях. – Казань: Унив. тип., 1875. – 58 с.

Смирнов А. И. Основные понятия и методы наук физико-математических. Публичные лекции по философии наук. – Казань, 1896. – 164 с.

Смирнов А. И. Об аксиомах геометрии в связи с учением негеометров о пространствах разных форм и многих измерений. – Казань: Типо-лит.ун-та, 1884. – 57 с.

Смирнов А. И. Психологические основания физико-математических наук. Публичные лекции. Лекции 1-5. – Казань, 1896 – Отд оттиск из Уч. Зап. 1896, № 4. – С.113-260, 147-196.

Смирнов А. И. Философия Беркли. Исторический и критический очерк. – Варшава, 1873. – 211 с.

Смирнов А. И. Эстетика как наука о прекрасном в природе и искусстве. Отд.1-2. – Казань: бр. Башмаковы, 1894-1900.

Отд. 1. – 1894 – 160 с.

Отд. 2. – 1900 – 161-277 с.

Смирнов А. И. Эстетическое значение формы в произведениях природы и искусства. – Казань: тип. т-ва Печенкина и К, 1894. – 39 с.

Смирнов А. И. Коммуна средневековой Франции в связи с политическим ростом третьего сословия. – Казань: тип. Ун-та, 1873. – 313 с.

Сотонин К. И. Анализ эстетического переживания. – Казань: лит.-худ. Ин-т, 1925. – 18 с.

Сотонин К. И. Заопытное и трансцендентное. История и метафизика. – Казань, 1915. – 47 с.

Сотнин К. И. Идея философской клиники. Введение в систему философии. – Казань: Гос. Изд. Тат. соц.- сов. Респ., 1922. – 52 с.

Сотонин К. И. К вопросу об идеях Платона. – Пг.: Сенатск. тип., 1915. – 29 с.

Сотонин К. И. НОТ как философия трудящихся масс. – Казань: Тип. «Труд», 1924. – 16 с.

Сотонин К. И. Словарь терминов Канта / К трём Критикам /. – Казань: М. А. Голубев, 1913. – 89 с.

Сотонин К. И. Таблицы по истории философии. – Казань: М. А. Голубев, 1914. - 17 с.

Сотонин К. И. Темпераменты. Проблемы и гипотезы. – Казань: ГИЗ, 1921. – 96 с.

Срезневский И. Е. Рассуждение о разных системах нравоучения, сравнённых по их началам, говорённое в торжественном собрании Императорского Казанского университета. – Казань, 1817. – 28 с.

Троицкий М. М. Наука о духе. Общие свойства и законы человеческого духа. Тт. 1-2. – М.: Н. А. Абрикосова, 1882.

Т. 1. – 344 с.

Т. 2. – 320 с.

Троицкий М. М. Немецкая психология в текущем столетии. Историко-критическое исследование с предварительным очерком успехов психологии в Англии со времен Бэкона и Локка. Тт. 1-2. – М., 1883.

Т. 1. – 408 с.

Т. 2. – 517 с.

Троицкий М. М. Учебник логики с подробным указателем на историю и современное состояние этой науки в России и в других странах. Кн. 1-3. – М., 1886 – 1888.

Кн. 1. – 1886. – 247 с.

Кн. 2. – 1886. – 253 с.

Кн. 3. – 1888. – 147 с.

Ягодинский И. И. Генетический метод в логике. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1909. – 380 с.

Ягодинский И.И. Краткий курс системы логики, составленный по лекциям приват-доцента И. И. Ягодинского, читанным в 1907 – 1908 а. г. – Казань, 1908. – 348 с.

Ягодинский И. И. Неизданное сочинение Лейбница. Исповедь философа. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1915. – 94 с.

Ягодинский И. И. Свободная школа. – Казань: Типо-лит Имп. ун-та, 1909. – 26 с.

Ягодинский И. И. Софист Протагор. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1906. – 35 с.

Ягодинский И. И. Сочинения Лейбница. – Казань, 1913. – 136 с.

Ягодинский И. И. Философия Лейбница. Процесс образования системы. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1914. – 432 с.

Ягодинский И. И. Наше “ Я “ и его свойства. – Казань, 1914. – 7 с.

Ягодинский И. И. Несколько слов о преподавании философской пропедевтики в средней школе// Вопросы образования и воспитания. - 1914, ноябрь, декабрь.

Ягодинский И. И. Метод и задачи современной логики // Вопросы педагогики. – 1912. - №1.

Ягодинский И. И. Основные законы логики и общая задача логики // Вестник образования и воспитания. – 1915.Апрель.

Приложение 3. Из работы Е. А. Боброва «О преподавании философии в университетах» (с комментарием).

С самого начала своего вступления на философскую кафедру пишущий эти строки испытывал особый интерес к вопросу о способах преподавания и изучения философии. В течение годов я думал над этим вопросом, читал подходящие книги и статьи из журналов и, наконец, практически применял при преподавании своих философских курсов различные методы, стараясь отыскать приемы самые простые и наиболее целесообразные, позволяющие достигать требуемых результатов в наискратчайший срок с наибольшей уверенностью и удачей. Этот же

вопрос был взят мною в качестве темы для вступительной (ненапечатанной лекции в Императорском Варшавском университете 10 сентября 1903 года). Для применения различных приемов в университетском преподавании философии я имел возможности более, чем кто либо другой, потому что я преподавал философию в трех русских университетах с самым разнообразным составом слушателей, отличавшихся друг от друга национальностью, общим мировоззрением, степенью и качеством культуры, возрастом, предварительною подготовкой, ходом образования и т.д.

Не могу не сказать при этом случае, что вопрос о методах преподавания той или другой науки, к сожалению, в общем мало вызывает к себе интереса среди университетских преподавателей. Большинство последних совершенно игнорирует педагогические вопросы, некоторые и самое занятие такие вопросы ставит ниже своего достоинства потому де, что они – профессора, их дело разрабатывать науку, у нас де университет, а не гимназия; педагогика это – дело учителей средней школы. Случалось мне слышать даже и такие утверждения, что де мое дело прочесть лекцию, а там уже дело не мое, а дело студентов разбираться в ней как хотят. Если они не усваивают себе содержания прочитанного курса, то это их собственная вина: они либо ленивы, либо невнимательны, либо, наконец, не имеют достаточной для университета подготовки и должны восполнять открывающиеся пробелы собственными силами. Нельзя не сказать, что эта точка зрения удобна для преподающих, но учащиеся не всегда с нею легко примиряются. Преподавание как философии, так и других наук, ведется обыкновенно по рутине и, преимущественно в форме монологической или так называемой лекции... . Противники лекционной системы желали бы видеть ее окончательно изгнанною из университетов и предлагают заменить ее либо диалогическим преподаванием, либо даже – прямо чтением книг под руководством профессора, причем самое “преподавание” – в теперешнем смысле слова – совершенно упразднилось бы... . Мы

спешим оговориться, что лично мы вовсе не принадлежим к числу тех ожесточенных противников лекционной системы, которая требует ее уничтожить в университетах и заменить лекции одними, например, практическими занятиями. В течение веков лекции служили методом преподавания, и результатами исторического опыта никогда и никому нельзя пренебрегать вообще, - а в частности педагогу. А если и в лекционной системе есть важные для успехов слушателей стороны, то искусный педагог именно и должен показать свое умение, комбинируя в своей практике выгодные стороны различных методов преподавания. Не беря на себя смелости рассуждать здесь о значении лекционной системы вообще, мы полагаем лишь по отношению к своей специальности, т.е. философии что лекции являются незаменимым методом. Невыгодные стороны лекционной системы никак не связаны с самою ее сущностью, а проистекают, главным образом, из разобщенности лекций от другого приема преподавания – от практических занятий. Нигде, ни в Западной Европе, ни в Америке лекции одни, сами по себе, не читаются: к ним присоединялись и присоединяются практические упражнения, и центр преподавания полагается именно в последних. Только у нас в России о практических занятиях совсем позабыли, а ограничились исключительно одними лекциями теоретическими... У нас в России, - и притом не в виде подражания западным протестантам, но самостоятельно приходится к мысли о необходимости иной постановки учебного дела в университетах... .

Вопрос об изучении философии является интересным и современным с точки зрения науки и академической педагогики; в то же время он важен и в социальном отношении. ... Поэтому надобно выяснить прежде всего цель преподавания философии.

Оставляя в стороне вопрос об общественной и общенаучной пользе философии, которую нельзя не признать громадною, поставим себе задачею решить более узкий и чисто педагогический вопрос: какую пользу

может принести философия в отношении воспитания? Какие силы душевные могут развиваться от изучения философских наук?

При усвоении всех наук вообще действуют две душевные силы: память и мышление. Но при различных науках роль и взаимное отношение этих двух сил меняется... Философия, подобно математике, при изучении её предъявляет особенные требования не к памяти, а к мышлению. Без упражнения мышления нельзя быть философом, хотя бы памятью наизусть усвоили себе все сочинения всех философов. Можно сказать даже более: философия, как познание познания, наука наук, - самое-то мышление (в логике и теории познания) делает предметом науки и мышления. Таким образом, философия есть наука мышления *par excellence*, и ничто не может в такой сильной степени изодрать и закалить мышление, как именно изучение философии и упражнение в ней.

Помимо своего в высшей степени важного содержания, помимо великих и многоценных своих результатов, философия и в педагогическом отношении чрезвычайно полезна, как наука, особенно развивающая в юноше мыслительную способность. Вот почему философия является как бы пропедевтикою всех остальных наук, вот почему философию и её историю предлагают для изучения, преимущественно, в самом начале факультетского образования. Человек, изодривший свое мышление усвоением себе философии, будет, конечно, сильнее других при изучении других наук; он будет усваивать их сознательнее...

Результаты современной системы преподавания философии в общем ничтожны и даже могут быть приравнены к нулю... Как и прежде, так и теперь интересуются, собственно говоря, не главным ядром философии, не гносеологиею, логикой или метафизикой, а преимущественно, её прикладными, вторичными или выводными из неё науками, как то: этикою, политикою, экономикою, социологию и т. д....

Преподавание философии обыкновенно происходит теперь у нас, в университетах приблизительно таким образом. Профессор читает лекцию

по тетради или по конспекту в течение часа. Слушатели обязаны всё это время чисто пассивно слушать читаемое им, не прерывая профессора ни одним вопросом. Некоторые из них пытаются записывать за профессором. .. По окончании лекции профессор раскланивается и уходит – и так дело идёт до самого экзамена.... Скажем, кстати, несколько слов и об экзаменах по философии. Очевидно, профессор может требовать со студентов знаний по философии только в таком случае, если он не ограничивался одним только отчитыванием лекций, но прилагал старания к фактическому распространению философских сведений среди своих слушателей... . Ничего не требовать с экзаменанта по философии, впрочем, будет вполне логично со стороны тех профессоров, которые не работали над студентами и ничего им не дали, кроме чтения лекций... Добавим ещё, что в философии (как и в других науках) иной профессор на экзамене не удовлетворяется познаниями по философии вообще, но требует того именно, что он читал в данный семестр, или изложения того именно направления, какого он сам держится...

Воспитание вообще и обучение в частности есть один из специальных родов социального взаимоотношения.. . Каковы должны быть преподаватель философии и его ученик, если имеется в виду наилучшее достижение цели – обучения философии. Каковы же те требования, какие можно приложить к преподавателю философии?

Конечно, во всякой профессии прежде всего необходимо иметь соответствующее дарование, способность. В нашем случае необходимо иметь уже от природы педагогический талант. .. Недостачу таланта надо восполнить разными средствами, а прежде всего благими намерениями...Состоят эти благие намерения в желании принести добро, т. е в данном случае – поделиться с учениками своими знаниями, просветить учеников, дать им интерес почувствовать интерес и важность нашей науки, философии, возбудить в них охоту самим потрудиться над усвоением философских сведений..

Всякое дело делается хорошо тогда, когда оно делается нами с любовью, с радостью. Не всякий, кто обладает познаниями, не всякий ученый годится быть профессором. Настоящим профессором может быть лишь тот, кто любит это дело.. и для кого лишение этой преподавательской обязанности и деятельности является сердечной утратой и печалью. Настоящим профессором философии явится тот, кому доставляет радость – самая возможность учить философии, кому приятна самая эта философская учеба, в ком рождается чувство довольства и удовлетворения при передачи философии своим слушателям....

Мы продолжаем настаивать на том, что преподавать философию и достоин, и может лишь тот, кто, считая философию истинною и высшею наукой, желает посвящать ей свои силы и сам лично, и желает приобретать для этого служения философии другие, юные силы, - тот, кому служение философии и ее преподавание доставляет живую и чистую радость...

Но, если к работе и благим намерениям присоединяется еще талант философски-систематического творчества или же дарование великого педагога, то, разумеется, сила воздействия такого философа на молодежь еще более возрастает, поле его работы ещё расширяется.

Во всяком случае, одно необходимо в себе развить всякому, кто дерзнет выступать в качестве преподавателя философии – *это дар свободного владения речью...* Философ должен развить себя до того, чтобы читать свои лекции более или мене свободно. Монотонное чтение по тетради вообще убийственно для всякого преподавания – и в конец уничтожает философию. Живая интонация, живая речь, живая, на виду у слушателя строяемая фраза сильнее действует – и именно при преподавании философии. ... Именно слова и мысли *in statu nascendi*, эта мысль в ее рождении – при преподавании философии обладает особенными чарами...Таковы приблизительно все те главные черты, которыми на наш взгляд, должен характеризоваться хороший преподаватель.

Какими свойствами должен обладать ученик, чтобы преуспеть в науке философии?

Опять-таки прежде всего требуется для этого специальный *философский талант*. Талантливых людей вообще меньше, чем средних и бездарных, но на основании своей профессорской практики я думаю, что философские таланты между нашею студенческою молодежью встречаются вовсе не так редко, как обыкновенно полагают. Философских голов и вообще людей, которые могли бы с успехом заниматься философиею, имеются среди студентов довольно... .

Кроме таланта к изучению философии, надобно иметь ещё желание работать над нею, интерес к ней. Но нельзя иметь интерес к тому, чего не знаешь совсем, или о чем имеешь совершенно неудовлетворительное представление. Здесь выдвигается вопрос о том, нужно ли для успеха университетского преподавания философии, чтобы приступающие к философским курсам студенты уже заранее из средней школы приносили собой некоторые познания по этой науке?...

Мое убеждение, вынесенное из опыта, таково, что предварительные сведения по философии не нужны.... Итак, свежесть и не испорченность философского вкуса имеют громадные преимущества. Лучше ничего не знать по философии, чем знать что-либо в плохом и неверном изложении. Наиболее обещает успеха — прямой приступ к научному занятию философиею под руководством университетского (и светского, не богослова) специалиста... Единственно, что требуется от ученика-студента философии, это взгляд на философию, как на нечто серьезное; хорошо в студенте некое, так сказать, заочное *благовение* к философии....

Специальные знания по философии и интерес к ней ... должен дать университет... .

Интерес к философии и способность к изучению этой науки наук далеко ещё не всё. На них одних не уедешь. Необходимо желание потрудиться, необходимы *труд и трудолюбие*. Трудолюбие студента,

занимающегося философией, не раз будет подвергаться испытанию... Я лично, желая испытать, годится ли тот или другой интересующийся философией студент к специальным занятиям философией, прежде всего ставил на сильную пробу его трудолюбие, давая для детального изучения и разбора что-нибудь скучное (для начинающего!) и очень трудное, обыкновенно, разбор подлинных фрагментов дософистиков. Многие не выдерживали и сбегали. Это показывало, что в них интерес и любовь к философии были случайны и во всяком случае не так велики, чтобы во имя её напряженно трудиться над преодолением трудностей... Трудолюбие, философская работоспособность, терпение и усердие в работе.. – эти особенности надо ценить в студенте не мене, если не более, чем простую одаренность в философии и высказываемый к ней интерес. При всем интересе, при всей даровитости без серьёзной работы, без терпения и преодоления трудностей, - стать философом-ученым нельзя.

Но кроме вышеуказанных свойств, необходимы для полного успеха ещё некоторые. Необходимо, например, полное доверие и уважение к самой личности своего учителя философии... Необходимо помнить, что для успешного понимания некоторых философских проблем и всего их научного значения надобно *время*, иногда очень долгое.... Для полного уразумения сути потребуются годы, умственная зрелость, известный возраст, - и притом долгое, *постоянное* и упорное взвешивание и рассмотрение этих проблем...

Теперь после рассмотрения нужных для наилучшего успеха в философии свойств учителя и ученика, обратимся к вопросу о том, можно ли изгнать *лекции* из преподавания философии. По нашему мнению, лекции по философии заменить конваторием, как предлагают некоторые, или собеседованием профессора со студентами, при чём студенты предварительно подчитывались бы по рекомендованным им заранее книгам, никак нельзя и не следует. Студенты, поступающие в университет.. в громадном большинстве случаев не имеют ещё

правильного, или вернее, никакого понятия о философии. Затем подчитываться по философии было бы трудно.. При том, конечно, не все стали бы подчитываться, а большинство – по тем или иным причинам – приходило бы на конферсаторий совершенно не подготовленными, а стало быть, не могло бы и принимать активного участия в беседе. Наконец, философские книги без подготовки и читать почти невозможно... .

Итак, первый и предварительный *посев* философского знания должен быть делаем профессором в виде лекций, в виде чтения *краткого, систематического курса*. Профессору философии нельзя предполагать у своих слушателей никаких знаний по его науке; ему приходится начинать с самого начала, с объяснения наиболее часто встречающихся философских терминов. Кроме того, в самом начале курса философу приходится преодолевать два предрассудка, почерпаемые из ходячих в обществе воззрений на философию и обыкновенно приносимых студентами с собою в университет. Эти предрассудки таковы:

- 1) философия чрезмерно трудна, и постижение её превышает силы обыкновенного человека, и
- 2) философия – суемудрие и празднословие, ерунда, недостойная внимания нормального человека; она годится только для нескольких смешных педантов и чудаков. Усилия, употребляемые на её изучение, ничуть не вознаграждаются результатами, да и вообще серьёзно заниматься философией не стоит в виду её скучности, непрактичности и неприложимости к нуждам действительной жизни.

В противность этому профессор философии должен стараться поселить в своих слушателях убеждение в том,

- 1) что философия, как наука, хотя и требует при усвоении её внимания значительного напряжения мышления, но и при всём том не превосходит умственных сил обыкновенного человека и

- 2) что изучение философии есть дело серьёзное и высокое. Философские проблемы не только не скучны и не смешны, как кажется некоторым невежественным пошлякам и острякам, но наоборот привлекали к себе интерес и силы всех величайших гениев всех времён и народов, таких гениев, как Платон, Аристотель, Декарт, Лейбниц и т. д.

Курс философии, читаемый в виде лекции, должен быть краток и давать только самое общее обозрение важнейшего содержания данной философской дисциплины...

Курс должен быть общедоступен, ясен и в логическом отношении план его должен быть схематичен и известен... Что касается рекомендуемых книг, то профессор делает точные и подробные указания и ссылки на страницы и главы трудов, где студент может прочесть о том же предмете. Глухие ссылки на целые сочинения и на отдельных писателей... совершенно бесполезны....

Самый лучший успех дела гарантируется тем, чтобы студент не пытался записывать лекции философии целиком, пропуская при этом важное и уловляя отдельные. Бессвязные фразы, перевирая имена и факты. Надо внимательно прослушать час, или вовсе ничего не записывая, или только отмечая для памяти себе общий план..., списывая с доски года, имена и названия сочинений, а также записывая дословно, если профессор найдет нужным что-либо продиктовать.. . Человек, одаренный философски и трудолюбивый, несомненно, придя домой с лекции, в тот же вечер составит себе краткий конспект того, что он слышал сегодня от профессоров. Такая работа – составление конспекта – принесет ему величайшую пользу. Что вести такие конспекты по философии возможно, я знаю хорошо, потому что сам так слушал некогда лекции Тейхмюллера....

К лекциям присоединяется целая сеть *практических занятий по философии* .. и без практических занятий не может быть успехов в философии.

Практические занятия могут состоять прежде всего из чтения первоисточников, т.е. сочинения великих философов, изучения которых в подлиннике не может заменить никакое, хотя бы и самое искусное изложение. Притом, эти сочинения либо читает сам профессор... и сопровождает прочтенное своими собственными комментариями, либо (если сочинения, например, читаются в греческом подлиннике) студенты готовятся у себя на дому и на лекции сами переводят избранные места, а профессор исправляет ошибки студенческого перевода... С поступлением в университет новых поколений студентов, не изучавших греческого языка, разумеется должна будет прекратиться и самостоятельная работа студентов над текстами греческих мыслителей.

Затем занятия ещё могут в *реферировании* студентами прочитанных ими философских трактатов и монографий. Самым важным видом практических занятий должно признать свободный конваторий. Студенты уже имеют некоторую подготовку, они уже прослушали курс (или отдел такового) и прочли в дополнение к нему несколько книг, успели уже всё это взвесить, имели время обдумать, переварить усвоенное ими и претворить в свою плоть и кровь. Теперь они могут уже с успехом выступить *собеседниками*. Собеседования должны быть ведены не только между профессором и студентами, но получают особенный для учащихся интерес, когда завязывается беседа или диспут между самими студентами....

Предлагая студентам книгу или тему для реферата, всего лучше заранее позаботиться об *оппонентах*, и притом оппонентах подготовленных. А потому практичным является для каждого предстоящего реферата избрание *докладчика* и ещё одного или нескольких оппонентов, которые в такой же мере, как и сам докладчик, разработали бы

материалы темы, могли бы ещё до диспута составить по данному вопросу своё обоснованное мнение, а затем на диспуте, противопоставив его мнению докладчика, оспаривали бы последнее, или вообще, или в части, если возможно, и поддерживали собственные тезисы... .

Конверсатории имеют громадное значение; только с помощью их можно выполнить высшую задачу университетского преподавания: пробудить в студенте научные запросы и научную самостоятельность (выделено мною – Ф. С.). Раз в ком-либо пробужден неугасающий интерес к философским проблемам и развилась философски-научная самостоятельность, он уже приобретен для философии....

Так как результаты сознательного педагогического опыта не могут не быть ценными для трудящихся на том же поприще (выделено мною – Ф. С.), то я позволю себе сделать некоторые указания относительно того, как сам я читал главнейшие философские дисциплины из числа преподаваемых в университетах.

Будучи обязан преподавать «логику» студентам-филологам,...[хотя] лично я вовсе не поклонник школьной формальной логики, за которую до сих пор считают нужным сохранять характер введения, философской пропедевтики,... я следовал примеру своего незабвенного учителя Тейхмюллера, в свою очередь державшегося своего учителя Тренделенбурга, и ни одного семестра не оставлявшего без чтения со студентами какого-нибудь аристотелева текста.

В преподавании *истории философии* как *древней*, так и *новой* я всегда обращал особенное внимание на ознакомление студентов с первоисточниками и подлинными сочинениями, стараясь излагать того или другого философского автора не в своей более или менее произвольной схеме, но по возможности представляя в извлечении весь трактат в той последовательности, какая имеется в оригинале. Такого метода держался я, начиная с важнейших фрагментов досократиков, продолжая Платоном и

Аристотелем, - и потом – Декартом, Лейбницем, Бэконом, Гоббсом, Локком, Берклием, Юмом и т. д.

Очень важною стороною деятельности профессора философии, на которую в общем, - надо сказать правду, - очень мало обращают внимания, является *подготовка* молодых учёных *специалистов*. Я лично всегда придавал этому приготовлению огромное значение. Если возможно, надобно наметать подходящих лиц с первого или второго семестра их штудий – и вести их соответствующим образом *всё время* их университетского курса....

Инструкция для профессорского стипендиата должна наметать не только пути общего научного развития в пределах той или иной специальности. Но должна ещё указывать те отделы и вопросы избранной стипендиатом науки, точное знание которых для него особенно важно и явится потом непременно условием приобретения ученой степени и достижения профессорского звания.

Специальное изучение философии должно быть основано на подробном и основательном изучении *истории философии* в её памятниках и *первоисточниках*. Если многие философские вопросы являются в наше время спорными и зависимыми от того или другого направления, то единственно лишь изучение истории философии может дать нам бесспорные и объективные точки зрения на предметы философии, единственно история философии может застраховать молодого, начинающего мыслителя от односторонних научных увлечений при выработке им себе мирозерцания. Приобретши твердые исторические основы, можно впоследствии обратиться и к вопросам систематической философии, вопросам гносеологии, метафизики, психологии, общенаучной методологии. Логики, этики, эстетики и т. д.

История философии должна быть изучена стипендиатом равномерно в обоих её отделах, и древнем, и новом.

В основу изучения греческой, древней философии, разумеется, полагаются сочинения *Платона и Аристотеля*. Из Платона желательно изучение стипендиатом важнейших, перечисленных далее диалогов. ...

К диалогам, стоящим изучения по их содержанию, надобно отнести Теэтета, Государство, Парменида, Протагора, Федра, Федона, Горгия, Менона, Апологию Сократа, Пиршество, Критона, Филеба, Софиста, Политика. Изучение Сократа по диалогам платона дополняется «Меморабиями» *Ксенофонта*.. К изучению Платона присоединяется потом изучение Аристотеля, из творений которого особенно важны для философа *Метафизика*, некоторые книги и места из «*Органона*» (по выбору руководителя), *Психология*, *Риторика*, *Поэтика*, *Политика*, *Никомахова Этика*, некоторые главы «*Физики*»...

Изучение первоисточников по истории древней философии завершается ознакомлением с *доксографами и* избранными *фрагментами* из сочинений философов *дософистического и* *послеаристотелевского* периодов....

Постоянным руководством по истории греческой философии должен служить большой, классический труд Целлера, который дополняется курсом Гомперца....

Изучение истории новой философии должно быть основано опять-таки на широком и обстоятельном чтении первоисточников, сочинений великих мыслителей этого периода....До некоторой степени допустимы купюры при чтении и в сочинениях Спинозы, кроме «*Этики*». Зато целиком должны быть прочитаны Декарта «*Метафизические размышления*» (особенно внимательно – первые два) и «*Рассуждение о методе*», Локка «*Опыт*», Беркли «*Трактат о принципах человеческого знания*», Юма «*Исследование*» – и по крайней мере, хоть первая книга «*Трактата*». Из трудов Лейбница необходимо ознакомиться с «*Новыми Опытами*», и с некоторыми частями переписки (например, корреспонденция с Кларком, де-Боссом, Арно) и с некоторыми его малыми

трактатами («Монадология», «О вселенском духе» и т. п.). Очень поучительна также полемика Декарта с критиками его «Размышления о первой философии»... Изучение Канта можно ограничить только его тремя «Критиками» и «Пролегоменами». Это всё – материал громоздкий и трудно усвояемый, но плоды не вознаграждают усилий, потраченных на изучение Канта.... Изучение преемников Канта тоже надо сократить значительно. Достаточно будет, если молодой философ не поскучает ознакомиться с «Назначением человека» Фихте, «Идеями о философии природы» Шеллинга, «Энциклопедиею» Гегеля, с «Миром, как воля и представление» Шопенгауэра. Результаты и здесь вряд ли вознаградят за труды по путешествию в этой бесплодной (кроме разве Гегеля) области....

Что касается *метафизики*, то почти все проблемы этой науки будут для стипендиата хорошо известными и близкими из внимательно проштудированных им творений Платона, Аристотеля, Декарта, Лейбница, Локка, Беркли, Юма, Канта, Гербарта, не говоря уже о тех, кто ославил метафизику и превратил название этой науки почти в бранное слово, т. е. Шеллинга и Комп....

Замечу ещё, что я считаю совершенно непрактическою современную постановку изучения философии на самих факультетах, именно последовательность, в какой предлагаются отдельные дисциплины. В виде пропедевтики предлагаются логика или психология, а – важнейшее – история философии, особенно новой, преподается потом, на высших курсах. Между тем всякому понятно, что научный характер и логика, и психология могут получить только в том случае, когда преподавание их обусловлено на *историческом фундаменте*. Таким образом, преподавая логику и психологию, тратишь много времени на исторические введения и справки. Потом это же самое вторично приходится разбирать в специальном курсе истории философии.... Таким образом, помимо *более правильного приступа к философии – с её истории* (выделено мною – Ф. С.)...

Первое знакомство с философом нередко бывает неприятно. Ошибочно считать философа пророком, глаголом жгущим сердца людей. Философ заманивает не чувством, не возгласом, но рассуждением холодным и беспристрастным. Спор, затеянный Сократом с его будущим учеником, часто бывал неприятен для самолюбия будущего философа. Путем неопровержимых доказательств Сократ убеждал собеседника – подчас – неожиданно для того, что он де ничего и ни в чем не понимает, хотя сам он ранее считал себя сведущим в разных вещах. Но убедившись – хотя и не без урона для самолюбия – в своем незнании, он достигал высшей – сравнительно с прежнею – ступени умственной зрелости: в нём пробуждалась работа критической и творческой мысли, доселе дремавшей – и самое это пробуждение мысли для учителя философии ценно в высшей степени. Пускай ученик не согласен с со своим учителем, пусть он спорит с ним, - но в нём возжён огонь философии, в нём вспыхнул эрос...

Свидетельство истории указывает, что и вообще везде философия, где только она приносила плод – и для науки, и для жизни, - изучалась в живом, тесном и дружественном общении учителя и учеников (выделено мною – Ф. С.)...

Профессор философии должен приглашать своих слушателей – сподвижников – в дружном, живом и постоянном общении с ним работать над наукою наук, над познанием познания, над философиєю, обещая трудиться не впереди, а посреди своих друзей – учеников, с одинаковым у всех философским эросом...

Комментарий на работу Е. А. Боброва¹⁴⁷.

¹⁴⁷ Более подробные комментарии к работе см.: Серебряков Ф. Ф. О преподавании философии в университете (по поводу одной современной работы столетней давности) // Методика преподавания философии в современной высшей школе. – Казань: Изд. Казан. ун-та, 2008.

В 1903 году Евгений Александрович Бобров свою вступительную лекцию в качестве профессора Варшавского университета, куда он перевелся из Казанского, посвятил теме, которая (как мы прочитали) занимала его ум давно « О преподавании философии в университетах ». К этому времени он уже имел опыт преподавания философии в двух российских университетах – Юрьевском (Дерптском) и Казанском. Лекция не была напечатана. Позднее он написал работу страниц в 50 под тем же названием. Она была опубликована в Сборнике Учено-Литературного Общества при Императорском Юрьевском университете, Т. XII. Именно этот текст (с купюрами) и приведен выше; полностью работу см. в Приложении 2.

Собственно вся работа Боброва Е. А. посвящена, как видим, обоснованию наиболее эффективных форм и методов преподавания философии. Много внимания профессор уделяет при этом изложению собственного опыта преподавания.

Для всякого, кто сегодня имеет касательство к университетскому философскому образованию и обучению, будь то преподаватель или студент, лекция профессора, работавшего на протяжении нескольких десятилетий в трёх российских университетах, имевшего громадный опыт преподавания, интересна и поучительна, весьма полезна уже сама по себе. А тем более потому, что представляется возможность сравнивать с днем сегодняшним, сопоставлять с нынешними проблемами, увидеть их в новом свете (или напротив: в новых, современных, проблемах вдруг обнаружить проблемы, как оказывается, совсем старые, столетней давности). Поводов для размышления в любом случае достаточно. Полагаю, что так оно и было по прочтении работы профессора.

Сама тема – о преподавании философии. Казалось бы (столько лет прошло!) столетней давности проблемы вряд ли могут быть интересными

сегодня. Но в действительности многое оказывается до боли знакомым, актуальным, многие проблемы и сегодня – *проблемами*¹⁴⁸.

Бобров, как видимо ему подсказывает опыт, начинает, прежде всего, с вопроса, который возникает и сегодня в преподавании. « *Надобно прежде выяснить, всего, цель преподавания философии* »; « *какую пользу может принести философия в отношении воспитания?* ». Полагаю, и сегодняшние преподаватели формулируют эту цель так или примерно так, как это делает наш профессор философии: « *помимо своего в высшей степени важного содержания, помимо великих и многоценных своих результатов* », « *ничто не может в такой степени изодрать и закалить мышление, как именно изучение философии и упражнение в ней* ».

Интересно, что и сегодня существуют (и буквально в том же по смыслу выражении, хотя иногда и не в такой литературно правильной форме) « два предрассудка, почерпаемые из ходячих в обществе воззрений на философию ». « *Эти предрассудки таковы:*

- 1) *философия чрезмерно трудна, и постижение её превышает силы обыкновенного человека, и*
- 2) *философия есть суемудрие и празднословие, ерунда, недостойная нормального человека. Усилия, употребляемые на её изучение, ничуть не вознаграждаются результатами, да и вообще серьёзно заниматься философией не стоит в виду её скучности, непрактичности и неприменимости к нуждам действительной жизни* ».

Как и тогда, эти предрассудки распространены не только в мещанской или малообразованной среде, но и в немалой части так называемого образованного постсоветского общества.

Что касается студентов, то результаты преподавания философии, видимо, можно считать в той мере успешными, в какой они в ходе учебы в университете (или по окончании его) будут расставаться с этими

¹⁴⁸ Чем возможно объяснить эту актуальность стародавних проблем в философии, здесь говорить не

предрасудками. Хотя объективные трудности в занятиях философией действительно существуют, и о них достаточно подробно говорит профессор философии. Отсюда же, видимо, и его стремление искать (и излагать их в своей работе) наиболее эффективные формы и методы занятий. И с этой стороны труд Е. А. Боброва нисколько не потерял своего значения. Следует, быть может, добавить, что хотя занятия философией и способствуют, более всего, развитию мыслительной способности, но какой-то определенный, «заданный» (или предданный) уровень такой способности все же нужен. Однако, очевидно, эта способность не является всеобщей.

Крайне интересной, заслуживающей внимания и современного читателя (преподавателя и студента) является та часть рассуждений профессора, где он говорит о качествах, которые должен иметь настоящий преподаватель философии, а также о требованиях, которые должны быть предъявляемы к студентам, занимающимся философией, если они хотят достичь в этом деле каких-нибудь результатов. Не будем их перечислять вновь; вспомним только вот это место: *« интерес к философии и способность к изучению этой науки наук далеко ещё не всё. На них одних не уедешь.... Необходимо трудолюбие, философская работоспособность, терпение и усердие в работе, хотя бы и моментально скучной и трудной».*

У нас и раньше поднимались (то затихая, то оживляясь вновь), а в последнее время (в том числе и в связи с известными процессами в области реформирования высшей школы) обсуждаются особенно активно вопросы о соотношении лекций и практических занятий, которым в своей работе много внимания уделяет и Е. А. Бобров. Уделяет, не исходя из формальных соображений, уместных в теме о преподавании философии, а потому, что, как явствует из приведенного текста, эти вопросы очень горячо дебатировались и в его время, сто лет назад. Бобров, как мы видели, обнажённо ставит проблему: *« можно ли изгнать лекции из преподавания*

философии... заменить конферсаторием [диалог, диспут], как предлагают некоторые, или собеседованием профессора со студентами, причем студенты предварительно подчитывались бы по рекомендованным им заранее книгам»? Обсуждение этих вопросов носило общероссийский характер: они дискутировались в университетском сообществе, многочисленные публикации по ним появлялись в журналах, в том числе в « Журнале Министерства народного просвещения», в « Вопросы образования и воспитания», в « Вопросы педагогики». И преподаватели по кафедре философии Казанского университета весьма активно участвовали в этих дискуссиях (например, В. Ивановский, И. Ягодинский и др. – см. Приложение 2).

Бобровская постановка проблемы – вполне современная. Но и аргументы *дискутирующих* сторон (в смысле *pro et contra*) тоже очень похожи на нынешние. По этой причине весьма полезно прислушаться к « голосу из прошлого», в котором слышим много разумного, *актуального* и поучительно. И уж тем более полезного для размышлений: в доводах Боброва, соглашаться с ними или нет, есть над чем задуматься. Не излагая заново аргументы профессора философии, приведу его резюмирующую (и сейчас вообще-то для нас не новую, вполне общую, но которую приходится повторять вновь и вновь) мысль: « *Лекции являются незаменимым методом. Невыгодные стороны лекционной системы никак не связаны с его сущностью, а проистекают, главным образом, из разобщенности лекций от другого приема преподавания – от практических занятий*». Эта проблема, очень не простая, – лекции + практические занятия – весьма актуальна и сегодня. Нахождение эффективных форм такого соотношения – это как раз то, над чем стоит задумываться, но проблему можно решать только в рамках этого двуединства. Кстати, соображения самих студентов по этому поводу могли бы оказаться весьма ценными, – и они их излагают: в ходе занятий по данному спецкурсу высказываются (в письменной форме), например, по

таким темам: « Реформа университетского образования: что нуждается в реформировании, а что трогать нельзя», « Классическое университетское образование: плюсы и минусы».

Одно соображение Е. Боброва в связи с обсуждаемым вопросом «о лекциях» требует, вероятно, уточнения. Он считает, что лекции должны представлять собой « чтение *краткого систематического курса*» и не содержать «*сложное философское рассуждение*». Если с этим можно согласиться, когда речь идет об «обычных факультетах», то это не подходит к философскому отделению, как кажется (что вовсе не значит, что и их форма должна быть сложной). Это, кстати, еще раз привлекает внимание к тому, как важно тщательно продумывать вопрос о последовательности (по их доступности) преподаваемых курсов, о чем говорит и Е. Бобров¹⁴⁹.

Небесполезными являются и размышления профессора философии о формах и характере, содержании практических занятий (лучше в этом случае обратиться к полному тексту его работы - см.: Приложение 2 - , хотя купюры в приведённом выше его тексте сделаны и небольшие). Особенно следует обратить внимание на ту форму этой работы, которая во времена Е. Боброва называлась конверсаторием и которая, по его справедливому мнению, имеет «громадное значение». Почему? « *Только с помощью их можно выполнить высшую задачу университетского преподавания: пробудить в студентах научные запросы и научную самостоятельность*» или, пользуясь его же словами, сказанными по другому поводу, « *изошрить и закалить мышление*», развить «*мыслительную способность*»¹⁵⁰. Однако в нашем случае (в случае нашей современности, в отличие, вероятно, от времен Е. Боброва, когда студенты читали

¹⁴⁹ И не он один. Так, В. Ивановский в интересной работе « Предметная система в наших университетах и её применение к философским наукам» (первоначально опубликована в « Журнале Министерства народного просвещения») - так же. Здесь же он, кстати, недоумевает по поводу того, что в Казанском университете до сих пор нет философского отделения (См.: Приложение 2).

¹⁵⁰ Как видим, не только мы первые находим в этом одну из основных задач университетского обучения. как о том заявляем в наших « творческих» работах». И как видим, насколько полезно бывает почаще

Аристотеля в оригинале, как он сам сообщает) при этом надо иметь в виду одно важное обстоятельство. Достижению подобной задачи не способствуют спор, диалог, неподготовленные участниками его в отношении темы, формы, знания сути проблемы, в том числе и литературы о ней, как чаще всего бывает у нас – тогда «конверсаторий» превращается просто в разговор «за жизнь», в разговор просто «пришедших с улицы» людей. Это – одна из самых слабых сторон наших «конверсаториев». И педантичные размышления Е. Боброва об эффективных формах практических занятий позволяют более трезво, реалистичнее взглянуть на вещи и не обольщаться, как это не редко бывает, «активностью» студентов на наших занятиях.

Наконец, хочу обратить внимание на последние страницы работы Е. А. Боброва, где он говорит о подготовке «*молодых учёных специалистов*» (аспирантов). И в особенности вот на такое его, не имеющее «срока давности» суждение; суждение, более, кажется, актуальное в наши дни, чем в те, когда оно было высказано: «*Специальное изучение философии должно быть основано на подробном и основательном изучении истории философии в её памятниках и первоисточниках....Единственно лишь изучение истории философии может дать нам бесспорные и объективные точки зрения на предметы философии, застраховать молодого, начинающего мыслителя от односторонних научных увлечений при выработке им себе мирозерцания*».

Оно, это суждение профессора Казанского университета, очень созвучно мысли К. Ясперса, столь же не имеющей «срока давности»: «*Основа философствования – по-прежнему лежит в традиции, без штудирования Платона, Канта и других великих нам не сделать в нем и шагу*».

Приложение 4. ПРОГРАММА по истории древней философии. К введению в философию вообще и древнюю в частности¹⁵¹.

1 бил. Первичная основа философии. Цель, предмет, главная задача и проблема философии. Существо философствования. Необходимость философии. Первичная цельная философия. Дифференцирование философии от жизни.

2 бил. Непосредственное и рефлексивное философствование. Догматическая и критическая рефлексия...

3 бил. Источники философствования. Объективные и субъективные факторы. Самобоснованность и самодостоверность сознания. Критическое и наивное сознание... Основные интуиции. Интуиция причинной связи – как основа метафизического творчества.

4 бил. Общая точка зрения и направление исследования истории философии. Выводы по отношению греческой философии: отношения к жизни; ее развитие от наивного философствования к рефлексивному; от мифологического мышления к научному, от мифологии к теософии, от чувственного к сверхчувственному совершенному идеалу. Замечания о делении греческой философии на периоды...

5 бил. Критические замечания, касающиеся обычного взгляда на задачи греческой философии...

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

Подготовительный период греческой философии.

6 бил. Глава первая. Греческое мировоззрение в эпоху Гомера и Гесиода и его значение для развития философии. Это мировоззрение не есть первоначальное мировоззрение греков. – Природа Греции. Социально-экономические условия. Жизненное сознание и творчество идеалов.

статьями. Хотя бы для того, чтобы самим не покрываться плесенью самодовольства и коркой спеси.

¹⁵¹ Гуляев А. Д. Программа по истории древней философии. – Казань: Тип. аренд. А. И. Барбашева, б. г. – 12 с.

Эстетический элемент. Моральный элемент. Темные стороны морального сознания, примирение противоречий в натуралистической точке зрения. Религиозный элемент. Начатки нравственно-религиозного мировоззрения. Теоретическое сознание; зачатки теоретического мировоззрения.

7 бил. Мировоззрение Гесиода – мировоззрение «Трудов и дней». Три главных идеи Гесиода: труды, закон правды, счастье. – Теогония Гесиода. Результат гомерово-гесиодовской эпохи мировоззрения. Причины его эволюции. Внутренние причины.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Подготовительный период, продолжение: Очерк основных моментов греческого мировоззрения после Гесиода до Софистов и Сократа.

8 бил. Замечания об эволюции греческой жизни. Порядок рассмотрения подготовительного периода. Связь и единство эволюции мировоззрения за этот период. Эстетический элемент. Моральный элемент. Отношение к врагу.

9 бил. Рефлексия в области нравственного сознания. Заметка об Анаксимандре. Пифагорейская этическая рефлексия. Этическая рефлексия у Гераклита. У Демокрита. Поэты Феогност и Симонид Коосский.

10 бил. Религиозный элемент. Консерватизм, рационализм, мистицизм. Мистерии. Орфическая теософия. Ферекид Сиротский. Развитие наукообразной рефлексии в области религиозного сознания. Ксенофан, Гераклит, Парменид, Эмпедокл. Атомисты. Анаксагор.

11 бил. Теоретическое сознание. Первые опыты построения наукообразных мировоззрений. Начатки гносеогических воззрений.

Фалес, Анаксимандр, Анаксимен. Общие черты древнеионийского воззрения.

12 бил. Пифагор и Ксенофан. Моменты сходства и различия пифагорейского мировоззрения с древнеионийским. Главные факторы пифагорейского мировоззрения. Мир есть гармония, космос. Мировые

противоположности. Предел и беспредельное. Космос как гармония и число. Начало как божество; огонь... .

13 бил. Мировоззрение Ксенофана... Монистическое воззрение Ксенофана, его место и значение, характер и обоснование.

Гераклит и Парменид.

14 бил...Сущность гераклитовского мировоззрения; источники и приемы философствования. – Неразделенность физического и психического. Огонь жизни. Жизнь-борьба. Гармония, как следствие борьбы. Взаимоотношение противоположностей. Жизнь – постоянное изменение. Имманентные законы жизни. От человека к космосу.

15 бил. Парменид. Особенность его ума. Новый метод философских построений. ..Новое решение проблемы монизма. Мнение Парменида. Действие учения Парменида на умы. Задача учеников Парменида. Законы. Доказательство против множественности в мире. Доказательство против движения в мире. Мелисс. Последователи Гераклита. Кратет.

16 бил. Дальнейшие теоретические задачи. Эмпедокл, атомисты, Анаксагор... Общие черты философии в эпоху после Парменида; реальность мирового процесса; множественность начал; мировой процесс в его отношении к сущему. Мировоззрение Эмпедокла – апология пифагорейского жизнепонимания.... .

17 бил. Атомисты. Основные положения из мировоззрения...Абсолютная реальность движения. Бесконечная множественность, вместо единства. Материализм атомистов. Подчинение мирового движения разумной необходимости... .

18 бил. Жизненная задача философии Анаксагора. Главные моменты его мировоззрения...Усилия противопоставить вещество духу – нус – активное начало Космоса. Совмещение материализма и спиритуализма, механицизма и целесообразности. Разрыв с эволюционизмом; мир –

результат воздействия трансцендентного Нуса на косную массу вещества. Аналогия между мировоззрением и этическим сознанием Анаксагора.

19 бил. Софисты. Антропологизм как органическое следствие предшествующей философии. Влияние жизни Два поколения софистов. Старшие софисты... Новые воззрения. Индивидуалистический антропологизм....Решительный индивидуализм Протагора в учении о познании. Процесс познания по Протагору. Младшие софисты....

20 бил. Сократ. Особенности его личности. Сократическое философствование. Сократический идеал. Философская любовь. «Повивальное искусство» Сократа. Метод раскрытия этического самосознания. Основные моменты этического самосознания....Ближайшее значение Сократа. Диалоги Платона: Апология, Критон, Федон, речь Алкивиада в похвалу Сократу в диалоге Пир.

21 бил. Сократические школы: киренская, мегарская, киническая.

Период философских систем.

22 бил. Платон. Сочинения Платона...Общие замечания о философии Платона (чистосократовский взгляд на знание; соединение постоянного искания, критики и мистического идеализма; философия Сократа была исходной точкой философии Платона; идеализм Платона; он имеет этический корень; умопостигаемая область безусловных норм не только нравственных, но всего сущего).

23 бил. Учение Платона о познании. Диалектический метод; его сущность; его предмет – понятия; проверка через рассмотрений последствий, вытекающих из принятых предположений. Предмет понятий 0 вечно сущее. Платон и Парменид. Вопрос о сущности знания в диалоге Теэтет. Учение об идеях. Идея, как сущность, род, вид, причина. Их бестелесность, их сверхмирный характер....Идея блага...Наш мир – мир теней...Сближение с пифагореизмом.

24 бил. Учение Платона о матери. Материя как небытие, как основа, восприимница, пространство и т. п. чувственных вещей; она невеществена и нетелесна. Дуализм Платона. Телеологизм. Учение о мировой душе и мироздании...Творец мира...Подробности миробразования. Мир как живое разумное существо. Учение о душе. Доказательства бессмертия души.

25 бил. Этика Платона...Природа высшего блага. Учение об удовольствии; о добродетелях. Этика индивидуальная. Этика социальная: республика Платона. Государственный союз; его истинная цель... .Программа воспитания. Пророческий характер платоновского идеала государства...Последний период философии Платона; его диалог «Законы», происшедшие изменения во взглядах Платона. Древняя Академия.

26 бил. Аристотель.....Сочинения Аристотеля. Их судьба. Классификация сочинений Аристотеля. Философия Аристотеля. Введение: черты сходства и различия с философией Платона. – Логика Аристотеля; его учение о доказательстве...умозрение и опыт.

27 бил. Метафизика Аристотеля, ее предмет и задачи. Критика теорий предшественников. Возможность и действительность, динаизм и энергия у Аристотеля. Четыре причины. Критика Платона Отношение общего к частному. Учение о форме и материи, энергии и потенции. Учение Аристотеля о движении и первом двигателе. Критика метафизики Аристотеля.

28 бил. Физика Аристотеля. Ее отличие от метафизики; ее предмет. Виды движения. Пространство и время. Инстинктивное творчество в природе. Мир – вечен. Учение о душе. Организм, жизнь, душа... .Этика Аристотеля. «Желающая» часть души. Цель. Учение Аристотеля о благе....Добродетели умственные (дианоэтические) и нравственные (этические). Учение о золотой середине. *Политика* Аристотеля. Человек –

общественное существо. Государство, его возникновение и цель. Критика платонова государства. Обзор конституций. Школа Аристотеля.

29 бил. Философия после Аристотеля. Общая характеристика...Основные вопросы после аристотелевских систем. Стоическая школа....Задачи стоической философии; ее главные вопросы. Логика стоиков...Физика стоиков. Своеобразный материализм. Следы дуализма. Логос мира. Пантеизм стоиков. Влияние Гераклита. Фатализм стоиков. Человеческая душа.

30 бил. Этика стоиков. «Жизнь, сообразная с природой». «Безразличное». Критика гедоников и Эпикура; долг; борьба со страстями» добродетель; идеал мудреца. Космополитизм стоиков. Религия стоическая...

31 бил. Эпикурейская школа... Материализм в учении о цели жизни; о познании, о сущности мира, о происхождении мира; зависимость от Демокрита. Боги Эпикура. Этика эпикурейцев. Удовольствие; отличия от учения Аристиппа. Атараксия; духовные удовольствия. Условия счастья. Идеал мудреца....Отношение к государству; дружба. Сходство со стоицизмом. Широкое распространение эпикуреизма.

32 бил. Скептицизм. Его практическая задача; никакое объективное знание невозможно. Пиррон. Незнание; воздержание; невозмутимость (атараксия). Обычай, закон, здравый смысл. Тимон....Новая Академия; теоретический скептицизм. Аркесилай против догматизма. Карнеад; критика познания; критика теологии и этики. Три степени вероятия. *Эклектизм.*

33 бил. Эклектизм, предшествующий неоплатонизму; причины его. Академик Антиох Аскалонский; истинно то, в чем все главнейшие мыслители согласны. Эклектизм в школе перипатетиков и стоиков. Возрождение скептицизма; Энесидем и Секст Эмпирик. Усиление религиозных потребностей; стоицизм (Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий).

Платонизм; новопифагорейство. Стремление к религиозному объединению; его главные идеи.

34 бил. Александрия, центр гностицизма, патристики, иудейской философии. Филон иудей и его учение о божестве, материи, посредствующих силах и Логосе; цель жизни – экстаз. Неоплатонизм, как завершение греческой философии; его религиозная цель. Основные положения неоплатонизма. Бог. Ум и идеи, душа, материя. Обратный путь к богу. Главнейшие представители неоплатонизма.

Примечание 1. Намеченную здесь программу можно исполнить следующим образом: до сократовский период изучить по лекциям или по Трубецкому, системы Платона и Аристотеля по книге Трубецкого; школы стоиков, эпикурейцев и скептиков и т. д. или по Арниму, или по Виндельбанду (в книге последнего указанные школы изложены лучше); о неоплатонизме лучше по книге Виндельбанда.

Примечание 2. Кроме систематического обзора фактов истории философии желательно знакомство каждого экзаменуемого с каким-либо сочинением или отделом сочинения одного из виднейших мыслителей, или с какой-либо небольшой монографией о том или ином философском учении. Например:

1. Якубанис. Эмпедокл.
2. Н. Грот. Платон.
3. Виндельбанд. Платон.
4. Зибек. Аристотель.
5. Ксенофонт. Воспоминания о Сократе.
6. Таннери. Первые шаги древнегреческой науки (отрывки сочинений древних философов).
7. Гиляров. Софисты, их мировоззрение и судьба.
8. Диалоги Платона: Горгий или Протагор, или Федр, или Пир, или Федон, или 1-2, 3-4, 5-7, 8-10 книги Государства; книги 5, 9 и 10 Законов.

9. Или какие-либо книги Метафизики Аристотеля, его Этики (пер. Радлова), его Политики (есть рус. пер. Жебелева, франц. пер. Бавтелеми С.-Илера).
10. Марк Аврелий. «К себе самому».
11. Сенека. Письма к Люцилию.
12. Эпиктет. Афоризмы.
13. Тит Лукреций Кар. О природе вещей, пер. Рачинского.
14. Гюйо. Мораль Эпикура и другие.
15. Кн. Е. Трубецкого. Соц утопия Платона.
16. Р. Рихтер. История стоицизма, т. 1.

